Симон ТЕР-ПЕТРОСЯН (КАМО)

ЗАПРЕТНЫЕ МЕМУАРЫ

СТАЛИН

МОЙ ТОВАРИЩ И НАСТАВНИК

Запретные мемуары

Симон Тер-Петросян

Сталин. Мой товарищ и наставник

«Автор»
1922

УДК 929(47+57) Сталин И. В.
ББК 63.3(2)6-8 Сталин И. В.

Тер-Петросян С. А.

Сталин. Мой товарищ и наставник / С. А. Тер-Петросян — «Автор», 1922 — (Запретные мемуары)

ISBN 978-5-9955-0946-2

Незадолго до своей трагической гибели в июле 1922 года Симон Аршакович Тер-Петросян, известный под партийной кличкой «Камо», закончил книгу воспоминаний об Иосифе Виссарионовиче Сталине, земляке, наставнике и товарище по революционной борьбе.Обстоятельства сложились так, что рукопись мемуаров впервые увидела свет только в 2013 году, а до этого хранилась в семейном архиве близкого друга Камо, ставшего ее редактором.Ценность этих воспоминаний в том, что они касаются юных лет Сталина, наименее освещенного периода его жизни, и в том, что автором их является не просто современник Вождя, а его друг и соратник по революционной борьбе, пламенный революционер, которого Владимир Ильич Ленин называл человеком «совершенно исключительной преданности, отваги и энергии».

УДК 929(47+57) Сталин И. В.
ББК 63.3(2)6-8 Сталин И. В.

ISBN 978-5-9955-0946-2

Содержание

Симон Тер-Петросян
Сталин. Мой товарищ и наставник

От редакции

Незадолго до своей трагической гибели в июле 1922 года Симон Аршакович Тер-Петросян, известный под партийной кличкой «Камо», передал для редактирования своему другу Ираклию Георгиевичу Капанадзе, бывшему преподавателю русского языка и литературы Третьей тифлисской мужской гимназии, рукопись книги воспоминаний о Иосифе Виссарионовиче Сталине, земляке, наставнике и товарище по революционной борьбе. Камо не очень хорошо владел русским языком (когда-то Сталин был его репетитором по этому предмету) и понимал, что его воспоминания, написанные на русском, нуждаются в профессиональной редактуре. По плану Камо его воспоминания о Сталине должны были стать своеобразным подарком к 45-летию Сталина, но этому плану не суждено было осуществиться. После гибели Камо рукопись и отредактированный ее вариант остались у Капанадзе. Можно только предполагать, почему Капанадзе не передал ее вдове Камо или в какое-то из издательств для публикации. Вероятнее всего, Камо просил не передавать отредактированного варианта никому, кроме него самого, и Капанадзе не считал себя вправе как-то распоряжаться рукописью. Рукопись и ее отредактированный вариант после смерти Ираклия Капанадзе в 1974 году вместе со всем его архивом перешли к дальней родственнице Тинатин Давидовне Майсурадзе (своих детей у Ираклия Георгиевича не было). В 70-е и тем более в 80-е годы в СССР не было возможности для публикации воспоминаний о Иосифе Виссарионовиче Сталине. Если в 70-е его роль в истории СССР и всего мира просто замалчивалась, то в 80-е, на волне так называемой «гласности», имя вождя всячески очернялось. После развала СССР в Грузии сложилась обстановка, в которой также не могло быть речи о публикации воспоминаний Камо. В городе Гори, на родине Сталина и Камо, был закрыт музей Камо, звучали требования о закрытии музея Сталина, а в Тбилиси неизвестные вандалы дважды оскверняли могилу Камо в Пушкинском сквере, что

вынудило родственников Камо перенести его прах на Вакийское кладбище и захоронить его рядом с могилой родной сестры Джаваир Аршаковны Хухулашвили (Тер-Петросян).

Ценный архив мог погибнуть на чердаке дома, в котором жила Тинатин Майсурадзе, умершая в 2013 году, если бы не группа местных энтузиастов-историков, собирающая материалы о старом Тифлисе. Найдя воспоминания Камо, они пытались опубликовать их в Грузии, но ни одно из современных грузинских издательств не проявило интереса к этой поистине бесценной хронике революционной эпохи, следствием чего стала публикация воспоминаний в нашем издательстве. Как говорится, нет худа без добра.

Мы выражаем глубокую признательность Мамуке Гелашвили и Николозу Беридзе за то, что они спасли от гибели и сделали достоянием общественности воспоминания Камо. Ценность этих воспоминаний в том, что они касаются юных лет Сталина, наименее освещенного периода его жизни, и в том, что автором их является не просто современник вождя, а его друг и соратник по революционной борьбе, пламенный революционер, которого Владимир Ильич Ленин называл человеком «совершенно исключительной преданности, отваги и энергии».

Предисловие

По совету Максима Горького некоторое время назад я начал писать автобиографию. Писатель из меня никудышный, но Горький убедил меня в том, что это не важно – для истории важны факты, а не красивые фразы. Я начал писать, но очень скоро бросил это дело. Не от лени, а потому что понял, что сначала я должен рассказать о моем старшем товарище, человеке, который открыл мне глаза и привел меня в революцию – о Иосифе Сталине. Скоро ему исполнится 45 лет – круглая, хоть и не совсем, дата. Я решил убить одним выстрелом двух зайцев – сделать подарок моему товарищу и рассказать о том, что он сделал для революции. Сам он никогда о себе не рассказывает, никогда не хвастает тем, что он сделал для дела революции и продолжает делать. Не такой у него характер, но из-за человеческой скромности не должна страдать историческая правда. Некоторые другие революционеры, называющие сейчас себя «ближайшими соратниками Ильича», не сделали для революции и сотой доли того, что сделал Сталин. Но они на виду, их имена и портреты печатаются в газетах каждый день, а о Сталине вспоминают редко и немного. Он и сам не считает, что делает что-то особенное, и не любит похвал в свой адрес. Никогда не забуду, как он отчитал меня, когда я сказал, что Ленин – мозг революции, а Сталин – ее руки. «Революция делается руками народа, а не отдельных личностей», – ответил на это Сталин и потребовал, чтобы я больше не говорил «такой чуши». Я знаю, что революция делается руками народа, но я хотел сказать о том, что организаторский талант Сталина принес делу революции столько же пользы, что и гений Ленина.

Если потомки станут изучать революционную историю только по газетам, то у них может сложиться превратное мнение о многих революционерах. Скромные будут недооценены, а болтливые хвастуны будут выглядеть так, будто без них никакой революции не было бы. Поэтому я согласен с Горьким – каждый революционер должен поделиться своим личным опытом. Из этих маленьких кирпичиков-воспоминаний будет создана новая история человечества, правдивая, народная история. Но рассказывать надо не о себе, а о самом важном, чему был свидетелем. Самое важное на моем революционном пути это то, что я был соратником Сталина, что под его началом я вырос из мальчишки в борца революции и был свидетелем многих его дел. Не каждому в жизни выпадает удача встретить такого учителя.

Кроме большой исторической цели, есть у меня и маленькая личная цель. Хочется сделать моему товарищу и учителю хороший подарок к его юбилею. Предвкушаю, как он удивится, когда увидит книгу о себе, написанную мною, не только его соратником, но и земляком, человеком, который знал его с детских лет. Придется мне вспомнить правила конспирации, чтобы мой подарок оказался сюрпризом, о нем до поры до времени никто знать не должен. В первую очередь – сам Сталин. Чего доброго, он потребует от меня бросить это «пустое занятие» и заняться «настоящим делом». Мысленно отвечаю ему: «Нет, Иосиф, это совсем не пустое, а очень нужное и важное занятие, ведь сам ты о себе никогда ничего не расскажешь. Люди, которые до революции один раз организовали стачку[1], теперь считаются «видными революционерами» и «близкими соратниками Ильича», а о твоих заслугах толком никто не знает». После Октября стало хорошо видно, кто с какой целью примкнул к делу революции. Оказалось, что среди товарищей есть и такие, кто руководствовался сугубо личными мотивами. Понимая, что победа коммунизма неизбежна, они заранее позаботились о своей карьере: вступили в партию, старались быть ближе к Ленину, изображали кипучую деятельность. Сталин никогда не

---

[1] Скорее всего, это намек на Григория Евсеевича Зиновьева (настоящая фамилия – Радомысльский; 1883–1936) – российский революционер, советский политический и государственный деятель, расстрелянный по делу Антисоветского объединённого троцкистско-зиновьевского центра. По свидетельству жены Камо Софьи Васильевны Тер-Петросян (Медведевой), ее муж не любил Зиновьева и считал его ни на что не способным болтуном. *(Примечания, кроме особо оговоренных, подготовлены редакцией издательства «Яуза».)*

думал о личном и никогда не притворялся. Да и как мог думать о личном человек, который много раз смотрел в глаза смерти? Он не раз рисковал жизнью ради общего дела, но относился к этому легко и просто, как купцы относились к издержкам, которых невозможно избежать, разным утрускам. Если без этого в деле не обойтись, то стоит ли вообще обращать на это внимание? Главное – сделать дело, принести пользу партии, революции и народу. Я сейчас не стану касаться того, какую пользу делу революции принес Сталин. Я напишу об этом подробно. Ради этой цели и задуман мой труд. В предисловии я просто хочу подчеркнуть разницу между Сталиным и многими из тех, кого сейчас называют «ближайшими соратниками» Ленина без реального на то права. Соратник – это тот, кто борется наравне, плечом к плечу, на равных. Моя совесть не позволяет мне назвать себя соратником Ильича, но я с полным правом могу назваться соратником Сталина. И я горжусь этим.

Можно сказать, что я дважды познакомился со Сталиным. Первое наше знакомство произошло в детстве. Иосиф на четыре года старше меня и, кроме того, держался всегда очень серьезно, поэтому я воспринимал его как взрослого. Во время второго знакомства я увидел революционного деятеля, человека, способного повести за собой массы. Это произошло весной 1901 года во время первомайской демонстрации в Тифлисе. Иосиф[2] выступал перед рабочими, большинство которых было много старше его, но все они слушали его с таким вниманием, как будто он был старшим. В тот день мой товарищ открылся мне с новой, удивительной стороны. Столько лет прошло, а впечатления этого майского дня свежи в моей памяти так, будто все было только вчера. Но начну я свой рассказ не с этого дня, а с нашего детства в Гори. Чтобы понять человека, надо знать, где он родился и вырос.

[2] Во всей рукописи Камо называет И.В. Сталина то по фамилии, то по имени.

Детство в Гори

На первый взгляд наши семьи (моя и Иосифа) были разными. Но только по социальному положению. Я родился в семье купца, принадлежавшего к потомственному священническому роду[3]. Иосиф родился в семье сапожника, отец которого возделывал землю в Диди-Лило[4]. Во всем остальном наши семьи были похожи. И мой отец Аршак Тер-Петросов[5], и отец Иосифа Виссарион Джугашвили были жестокими домашними тиранами, пьяницами и никчемными людьми. На Кавказе издревле существует культ отца. Отцов, и вообще старших, принято уважать, слушаться их и т. д. Отцами гордятся. Когда встречаются два кавказца, они первым делом говорят друг дружке: «Я – сын такого-то». К сожалению, ни я, ни Иосиф своими отцами гордиться не могли. Мы их стыдились. Я, наверное, стыдился больше. Виссарион Джугашвили тиранил только своих домашних, а мой отец вдобавок издевался над своими работниками. У него в конторе в воздухе витали злоба и ненависть, словно какая-то черная пелена. И такая же пелена была у нас дома. Мне было одиннадцать лет, когда я впервые заступился за мать. Отец ударил меня, а затем потребовал, чтобы я в знак прощения поцеловал ему руку. Я прокусил ему руку до крови. То была моя первая победа в борьбе за справедливость.

Виссарион Джугашвили был хорошим сапожником. Одно то, что он смог выбиться из подмастерьев в мастера[6] на фабрике Адельханова[7], говорило о многом. У Адельханова работали знатоки своего дела, потому что платил он больше других. Возможно, если бы Виссарион остался у Адельханова, он поднялся бы и выше – до старшего мастера, но горийский армянин Барамов, приходившийся дальней родней моей матери, переманил Виссариона и еще нескольких адельхановских сапожников на свою новую фабрику в Гори. Барамов наобещал всем переманенным золотые горы, но на деле заработки у всех оказались много хуже, чем в Тифлисе. С горя Виссарион начал сильно пить и вымещать всю злобу на своей безответной жене. Будучи трезвым, он хвастался тем, что, будучи сыном простого виноградаря, в совершенстве освоил сапожное ремесло и выбился в мастера. Когда напивался, кричал о том, что его все обманывали – Барамов, Адельханов и даже родные отец с братом. Отец, по словам Виссариона, отдал все свои сбережения старшему сыну – Георгию, а ему самому не дал ничего. На полученные от отца деньги Георгий открыл духан где-то в Манглиси[8] и богател, а Виссарион пьянствовал и беднел. Как только Виссарион заводил речь об отце и брате, его несчастная жена Екатерина бежала прятаться к соседям. Якобы причиной порчи отношений Виссариона с отцом была его женитьба на Екатерине, которая отцу не нравилась. Жена и сын были ответчиками за все несчастья, которые происходили с Виссарионом. Иосиф был единственным ребенком в семье. Два его старших брата умерли в младенчестве.

Мой отец был не лучше, чем Виссарион Джугашвили. На людях он старался держать себя в руках, но дома превращался в дикого зверя – кричал, унижал, пускал в ход кулаки. Прислуга не соглашалась наниматься в наш дом за обычную плату, а просила двойную, потому что бешеный характер отца был известен всему городу. Отец невероятно гордился своей принадлежностью к образованному духовному роду, но в нем самом этой образованности не было ни

---

[3] Приставка «Тер» в фамилии Камо свидетельствует о принадлежности к роду священников.

[4] Диди-Лило – деревня близ Тбилиси, в которой родился отец Иосифа Виссарионовича Сталина Виссарион Джугашвили. Ныне Диди-Лило – поселок городского типа, который входит в муниципалитет Тбилиси.

[5] В дореволюционной России традиционные окончания армянских фамилий часто заменялись на «-ов».

[6] Имеется в виду должность мастера – начальника небольшого производственного участка, которую в наше время занимают лица с высшим инженерным образованием.

[7] Адельханов Григорий Григорьевич (1848–1917) – видный тифлисский промышленник и коммерсант, владелец «Акционерного общества кожевенного и войлочного производства на Кавказе Г. Г. Адельханова» с капиталом в 1 500 000 рублей.

[8] Манглиси – селение в 60 километрах от Тбилиси.

на грош. Купить за рубль, продать за полтора и вдобавок обсчитать на рубль – вот и все его образование. Отца уязвляло то, что он, потомок священников, вынужден заниматься торговлей. В этом он видел ущерб своему достоинству. Предрассудок, но этот предрассудок очень дорого всем нам обходился. Чуть что, отец начинал упрекать мать, меня и сестер в том, что он «уронил свое достоинство» ради нас, то есть торгует, чтобы нас прокормить. Попрекать куском хлеба было любимым занятием моего отца. Надо сказать, что это был за «кусок хлеба». Все съестное в нашем доме делилось на две категории – для гостей и для домашних. Гостям – самое лучшее, домашним – что похуже. Во время отъездов отца на наш стол стараниями матери перепадало что-то из «гостевого довольствия». Вернувшись, отец обнаруживал «растрату» (у него все было подсчитано) и устраивал матери выволочку. Стоило представить, что последует за лишним куском алани[9], так этот кусок в горло не лез. Товарищи часто подшучивают над моей любовью к сладкому. Я на это всегда отвечаю: «Не наелся в детстве, приходится восполнять этот ущерб сейчас».

Не удивляйтесь, читатели мои, что я начал свой рассказ с мелких домашних дел, и не думайте, что я хочу пожаловаться на своего отца. Жаловаться не в моих привычках. Я начал свой рассказ именно так с двойной целью – хотел показать, что мы со Сталиным росли в схожей обстановке и что обстановка эта была такой, что в нас очень рано пробудились обостренное чувство справедливости, ненависть к произволу и угнетению и потребность защищать людей от произвола. Детство – это первый и очень важный этап формирования личности человека. Кто знает, кем бы я вырос, если бы отец баловал меня и потакал всем моим капризам? Возможно, я стал бы типичным представителем буржуазии. Незавидная участь!

Среди книг, которые я всегда вожу с собой, в моей маленькой «походной» библиотеке есть «Детство» Горького с надписью автора. Возможно, что потрясение, произведенное этой книгой, и побудило меня писать обо всем откровенно, ничего не приукрашивая и не упуская ничего важного.

Иосиф Джугашвили впервые прославился на весь Гори после случая с лавочником Васадзе. Дело было обычным для обывательской среды. Виссарион Джугашвили, к тому времени живший в Тифлисе, а в Гори к семье наведывавшийся лишь изредка, несколько раз брал в лавке Васадзе товары в долг. Взятое записывалось в особую книгу, где на каждого должника была выделена своя страница. В подтверждение должник расписывался или просто ставил крестик рядом с записью. Виссарион расписывался. Он был не просто грамотным, а, можно сказать, образованным человеком. Образование свое он получил самостоятельно, благодаря любви к чтению. К месту Виссарион мог прочесть стих из «Вэпхисткаосани»[10] или из Библии. Обширными были его познания и в грузинской истории.

В момент погашения долга лавочник на глазах у должника зачеркивал в книге то, за что уже было заплачено. Несколько раз, воспользовавшись тем, что Виссарион при уплате долгов был сильно пьян, Васадзе ничего не зачеркивал. Разве торгаш может не обмануть, если ему представится случай? Когда все обнаружилось, произошел скандал. Виссариона, громко доказывавшего свою правоту, забрали из лавки в участок. Екатерину, пришедшую усовестить его, Васадзе прилюдно оскорбил. Одиннадцатилетний Иосиф, увидев, что мать вернулась домой в слезах, отправился к Васадзе. Чем мог кончиться спор одиннадцатилетнего мальчика и сорокалетнего мужчины? Подзатыльниками и пинками, которые бы получил мальчик, вступившийся за мать и отца. Но вышло иначе. После разговора с Иосифом Васадзе отправился в участок и сказал, что он ошибся в расчетах и Виссарион ему ничего не должен. После этого он вместе с Виссарионом пришел к нему домой, чтобы помириться с Екатериной. Никто не знал, что

[9] Алани – распространенное армянское лакомство, представляющее собой нанизанные на нитку и высушенные на солнце персики без косточек, начиненные смесью толченых ядер грецкого ореха с сахаром, корицей и кардамоном.

[10] Название поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой (барсовой) шкуре» приведено Камо на грузинском языке.

произошло между Иосифом и Васадзе. Оба никому ничего не рассказывали. Весь город был заинтригован, поскольку признавать свою неправоту было совершенно не в характере Васадзе. Много лет спустя я вспомнил про этот случай и спросил у Сталина, что же тогда произошло. «Ничего особенного, – ответил он. – Я пообещал поджечь лавку, если Васадзе не исправит то, что он сделал. Васадзе понял, что я не шучу. Вот и все».

В детстве мы с Иосифом не дружили, мешала разница в возрасте, а просто знали друг друга. В Гори все друг друга знали, это общее свойство небольших кавказских городов. Затем наши пути на время разошлись. Иосиф поступил в духовное училище[11] и перестал участвовать в мальчишеских играх. Будущему священнику это было не к лицу. Окончив училище, он уехал в Тифлис, где поступил в семинарию. В детстве, когда видишь творящуюся кругом несправедливость, невольно становишься религиозным. Бог кажется воплощением высшей справедливости, заступником всех угнетенных и обездоленных. Я был очень религиозным мальчиком и даже пел в церковном хоре. Не по принуждению пел, а по собственной воле. Потом все изменилось, я стал материалистом, еще сам того не сознавая. Начал задавать на уроках Закона Божьего вопросы, от которых преподаватели приходили в ярость. В конце концов из-за этих вопросов меня исключили из училища, к огорчению моей несчастной матери. Мать моя была необразованной, но понимала значение образования и очень хотела, чтобы я стал образованным человеком – инженером или доктором.

Отец мой относился к образованию пренебрежительно. «Читая книги, капитал не наживешь», – говорил он. Одно время он сильно расстраивался из-за того, что Бог послал ему такого никудышного наследника, как я (других сыновей у отца не было). Меня не привлекал подсчет барышей в конторе и прочие «прелести» купеческого дела. Я мечтал о чем-то великом, грандиозном, хотел сделать для людей что-то такое, чтобы мое имя прославилось на века, хотел стать героем. Обычные мальчишеские мечты, не более того. Кумиры мои менялись как перчатки. То я восхищался Александром Македонским, то Наполеоном, то Гиго Читадзе[12]. Сейчас я должен признать, что Читадзе был единственным достойным человеком в этом ряду.

После того как меня исключили из училища[13], я задумался о военной карьере. Мне хотелось сражаться за освобождение моих соотечественников-армян, стонущих под турецким игом. В Гори у меня был единомышленник – Миша Паписов. Мишу не исключали из училища, поэтому он пошел в военные по прямой дороге, поступил в Тифлисское юнкерское училище[14]. У меня же не было другого выхода, кроме как идти в вольноопределяющиеся. Отец не возражал. Он к тому времени махнул на меня рукой и говорил, что из меня наследник, как из ишака скакун. Да и наследовать уже было нечего. Отец мой разбогател на поставках продовольствия и фуража для армии. При царском режиме это было очень прибыльное дело. Цены намеренно завышались, вместо хорошего товара поставляли всякую дрянь, а интенданты за взятки закрывали на все глаза. Всем было хорошо, кроме бедных солдат и лошадей, которых вместо хорошей еды кормили черт знает чем. Интенданты постоянно менялись. Кто-то, сделав состояние, благоразумно уходил сам, кого-то выгоняли с позором. С очередным подполковником отец не сумел найти общего языка, и поставщиком вместо него стал его конкурент купец Оганов.

[11] Горийское духовное училище.

[12] Георгий (Гиго или Гола) Читадзе – активный деятель народнического движения, руководитель одного из кружков народовольцев. Отказавшись от насильственной революционной борьбы в 80-х годах XIX века, Читадзе и ряд других грузинских народовольцев развернули легальную культурно-просветительную работу, в частности издавая в Тифлисе журнал «Имеди» («Надежда»). Несмотря на отказ от революционной борьбы, Читадзе оставался кумиром революционно настроенной молодежи. Читадзе был знаком с Максимом Горьким, который упоминал о нем в ряде писем, например, в письме С. Я. Аллилуеву от 28 сентября 1934 года. «Вероятно, я кому-то говорил, что в 92 г. в Тифлисе я встретил Вас однажды у Гиго Читадзе…» Читадзе, страдавший маниакально-депрессивным психозом (и умерший в тбилисской психиатрической больнице), стал прототипом Кравцова, героя горьковского рассказа «Ошибка», написанного в 1895 году.

[13] Горийское городское училище.

[14] Тифлисское пехотное юнкерское училище.

Отец разозлился и попытался отомстить Оганову. Способ мести у всех купцов был одинаковым – начать торговать по дешевым ценам, себе в убыток, лишь бы только переманить к себе всех клиентов конкурента и тем самым разорить его. Все зависело от того, у кого туже мошна. Отец думал, что у него, но оказалось, что у Оганова. В результате трехлетней борьбы мой отец из «уважаемого» купца, ворочающего большими делами, превратился в лавочника. С горя он начал пить, а от пьянства дела шли все хуже и хуже. Закономерное дело. От меня отец хотел лишь одного, чтобы я убрался куда подальше и не мозолил ему глаза. В армию так в армию, да хоть к самому черту. Отца заботила другая мысль – успеть выдать моих сестер замуж, пока он окончательно не разорился.

В Тифлисе у меня жила тетка Елизавета, родная сестра матери, вышедшая замуж за тамошнего купца Бахчиева. Мать рассказывала, что, когда они выходили замуж, все считали, что ей повезло, поскольку мой отец в ту пору был богаче Бахчиева. Но со временем все изменилось. Отец разорился, а Бахчиев разбогател. Родные сестры и братья очень часто бывают непохожи друг на друга. Мать моя была тихой, робкой, забитой женщиной, полностью подчинявшейся своему мужу-тирану. В доме Бахчиевых правила моя тетка, державшая своего мужа под каблуком. Стоило ей только с выражением сказать: «Гево-о-орг!» (так звали Бахчиева), как муж отвечал: «Все что ты хочешь, Лиза-джан». В теткином доме я жил, как в раю. Тетка жалела мою мать, жалела меня и уговаривала меня оставить мысли о военной карьере и поступить в семинарию. Но я был непреклонен: хочу быть военным, хочу освобождать соотечественников вместе с Мишей Написовым! Забегая вперед, скажу, что оба мы не сумели исполнить задуманное. Миша погиб в японскую войну под Мукденом, а я стал бороться за освобождение всех угнетенных, а не только армян, из националиста, которым я был в молодости, превратился в интернационалиста.

Вскоре после приезда в Тифлис мне пришлось вернуться в Гори – слегла мать. Она давно уже чувствовала себя плохо, но не лечилась, списывала все то на усталость, то на плохую погоду. А когда слегла, то угасла за считаные недели. После смерти матери тетка забрала к себе меня и мою младшую сестру Люсине. Она хотела забрать всех пятерых[15], потому что на нашего отца не было никакой надежды, но неожиданно воспротивился ее муж. Сразу пять ртов на шею? Как можно! То, что мы с сестрами после смерти матери практически осиротели совсем, потому что отцу не было до нас дела, в расчет не бралось. Мне приходилось не раз видеть, как бедные люди в схожей ситуации без слов брали в свою семью и пятерых, и шестерых детей, но у бедных людей и богатых купцов разные взгляды на жизнь. Тетке потребовалось три месяца, чтобы уговорить мужа взять остальных племянниц.

Со смертью матери мое детство закончилось. Началась взрослая жизнь.

[15] У Камо было четыре родные сестры.

Мой репетитор Иосиф Джугашвили

Я хотел быть военным, тетка мечтала, чтобы я, продолжая традиции рода Тер-Петросовых, стал священником, а ее муж советовал мне податься в бухгалтеры и даже обещал мне место после окончания курсов. Дядин расчет был практическим. Семинария – дело долгое, а на курсах учатся всего три-четыре месяца. Чем раньше спихнешь лишний рот со своей шеи, тем лучше. Любое поприще было невозможно без знания русского языка, которого я почти не знал. Не «плохо знал», а «почти не знал». Дома у нас говорили на армянском, на улице – на армянском и на грузинском, в училище – преимущественно на грузинском. Где мне было научиться русскому?

Тетка моя была женщиной доброй и любила меня не меньше, чем моя мать. Видя, как я скучаю по Гори, она решила сделать мне приятное и пригласила в репетиторы моих земляков, недоучившихся семинаристов Иосифа Джугашвили и Гигу Годзиева. Оба моих репетитора были исключены из семинарии, но тетке нравилось, что они там несколько лет учились. По ее мнению, все студенты были вольнодумцами, а семинаристы «порядочными людьми». По замыслу тетки, общение с Иосифом и Гигой должно было наставить меня на путь истинный, то есть склонить к поступлению в семинарию. Знала бы она, какое вольнодумство царило среди учеников Тифлисской семинарии и на какой путь наставит меня Иосиф!

Разница между Иосифом и Гигой сразу же бросалась в глаза. Гига придерживался революционных взглядов, но у него, как говорится, в голове был ветер. Он был за справедливость, но плохо представлял, в чем именно заключается настоящая классовая справедливость. Гига был на голову выше Иосифа и шире в плечах, но в присутствии Иосифа казался маленьким, незаметным. У Гиги было одно преимущество перед остальными – своя комнатка на Мтацминда[16], в которой собирались семинаристы и прочая революционная молодежь. Со временем пригласили туда и меня.

Иосиф Джугашвили наставил меня на самый истинный из всех путей – на путь революции.

Это случилось как будто само собой, во время одного из первых наших занятий, когда мы изучали правописание буквы «ять»[17].

– Вот зачем нужна эта буква? – сказал Иосиф. – Есть такая шутка: она нужна, чтобы отличать грамотных от неграмотных. Глупость, которая только мешает людям. И таких глупостей в жизни очень много.

Я тогда не понял истинного значения этих слов, но запомнил многозначительный взгляд, с которым они были сказаны. Сталин умеет и всегда умел выразить взглядом больше, чем словами. «Почему он так на меня смотрит?» – подумал я.

Спустя несколько дней между нами произошел первый серьезный разговор. Я (не в первый уже раз) сказал о том, что хочу стать офицером, а не священником и не бухгалтером.

– Офицером? – переспросил Иосиф. – Разве это хорошо?

– А как же! – заспорил я и выложил все мои соображения, начиная с освобождения моих соотечественников от турецкого ига и заканчивая тем, что для мужчины нет ничего лучше военной карьеры.

Иосиф слушал меня, не перебивая. В какой-то момент мне начало казаться, что он со мной соглашается. От воодушевления я заговорил с большей горячностью. Вдруг раздался резкий звук – это Иосиф хлопнул ладонью по колену.

---

[16] Мтацминда – гора в Тбилиси.

[17] Ѣ, ѣ (ять) – буква исторической кириллицы и глаголицы, упраздненная в ходе орфографической реформы 1917–1918 годов.

– Парень ты хороший, смелый, – сказал он. – Но в голове у тебя ветер гуляет. Ну, допустим, станешь ты офицером – и что дальше?

– Как это «что»? – удивился я. – Отправлюсь в Турцию и стану сражаться…

– Разве все зло мира в том, что турки угнетают армян? – прищурился Иосиф. – Надо еще разобраться с тем, кто кого угнетает. Угнетают не по национальному признаку, а по классовому.

– Это как? – не понял я.

– Богатые угнетают бедных, – объяснил мне Иосиф. – Богатые турки угнетают своих соотечественников не меньше, чем армян. Так было всегда, так происходит повсюду и так будет до тех пор, пока бедные не возьмут власть в свои руки.

– Кто же им даст власть? – удивился я.

Иосиф посмотрел на меня так, будто я был ребенком, и тихо и очень веско сказал:

– Сам никто не даст. Власть добровольно не отдают, ее силой забирают. Ты давай быстрее учи русский, чтобы я тебе дал прочесть кое-какие умные книги.

Он заинтриговал меня, и я налег на трудный русский язык с утроенным усердием. Учил и удивлялся, ну кому понадобилось выдумать такой сложный язык? Голову сломаешь, пока выучишь. В армянском грамматика гораздо проще, к тому же армянский был моим родным языком, и я говорил на нем, не задумываясь о склонениях и спряжениях. Свою партийную кличку Камо я получил от Сталина из-за плохого знания русского, я говорил «камо» вместо «кому». Мы до этого не раз разбирали с моим репетитором все падежи, и моя нерадивость сначала его рассердила, а потом рассмешила. «Эх ты, Камо! – сказал он. – Вот так тебя теперь и стану звать». Германские товарищи принимали меня за француза. «Камо» звучит вполне по-французски. Кличка Камо нравилась больше другой моей клички того времени – Косой. Так меня прозвали из-за того, что мой левый глаз немного косит.

Иосиф не дождался, пока я выучу русский так, что сам смогу читать книги. Спустя несколько дней он принес на занятие «Манифест Коммунистической партии»[18]. Читал на русском и тут же переводил каждую фразу на грузинский. Я мало что понял в тот день, но у меня появилось ощущение причастности к какому-то большому и очень значительному делу. Мне льстило, что такой серьезный человек, как Иосиф, говорит со мной как с равным и доверяет мне настолько, что читает со мной нелегальную литературу. Врезалась мне в ум одна фраза: «Политическая власть в собственном смысле слова – это организованное насилие одного класса для подавления другого», и я сейчас расскажу почему.

В детстве на меня произвела большое впечатление казнь двух крестьян-побратимов, отомстивших молодому князю Амилахвари[19] за бесчестье. Князь, известный своим беспутным нравом, развлекался тем, что крал девушек и бесчестил их. Жених одной из несчастных девушек решил отомстить. Вдвоем со своим побратимом они застрелили негодяя, когда тот выходил из церкви. Какие-то крестьяне подняли руку на сиятельного[20] князя Амилахвари! Да еще на церковных ступенях. Суда еще не было, но все понимали, что несчастных крестьян ждет веревка, несмотря на то что по людскому закону их ни в чем нельзя было обвинить. Такой позор, как бесчестье невинной девушки, смывается только кровью. Если бы крестьяне обесчестили невесту князя, а он за это их убил, то его бы никто не упрекнул. Напротив – им бы

[18] «Манифест Коммунистической партии» – опубликованная в 1848 году работа Карла Маркса и Фридриха Энгельса, в которой были задекларированы цели, задачи и методы борьбы зарождавшихся в то время коммунистических организаций (партий).

[19] Амилахвари – старинный грузинский княжеский род из области Картли. В свое время город Гори входил в число владений князей Амилахвари.

[20] «Сиятельными князьями» звались потомки удельных или великих князей, титуловавшиеся «ваше сиятельство». В глазах общества они стояли выше «светлейших князей», которые получали свой титул по воле императора и титуловались «ваша светлость».

восхищались как благородным мстителем. У древних римлян была очень точная пословица: «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку». Крестьяне – это одно, а князья – совсем другое. Дураки говорили: «Крестьян много, а князей мало. Что будет, если все крестьяне начнут убивать князей? Мир рухнет!» Мой отец тоже так говорил, а я сочувствовал крестьянам и надеялся на то, что губернатор или царь их помилует. Они же были мстителями, а не грабителями. Но никто их не помиловал. Я присутствовал на казни и до последней минуты надеялся, что случится чудо – вот сейчас прискачет гонец из Тифлиса с письмом от губернатора или же нападут абреки и отобьют несчастных. Чуда не случилось.

Читая «Манифест», я вспомнил о повешенных крестьянах и сказал о них Иосифу. Он тоже помнил их, весь уезд их помнил, такие дела случаются раз в сто лет.

– Мы и за них расплатимся! – пообещал Иосиф.

Я поверил ему, так веско и по-мужски были сказаны эти слова. Вообразите себе эту картину. 1899 год. Царский режим крепок, никто не знает, что ему осталось существовать всего 17 лет. Кажется, что ничто не в силах его свергнуть. И вдруг какой-то семинарист говорит: «расплатимся», и я ему верю. Так я пришел в революцию. Я благодарен моему старшему товарищу за многое, но больше всего за то, что он привел меня в революцию правильной дорогой. Я был молод, горяч и необразован. Эсеры с их террором казались мне благородными героями, анархические идеи, витавшие среди молодежи, тоже привлекали меня. Куда только нас, юных борцов за справедливость, не заносило! Иосиф вправлял нам мозги, причем для каждого находил особое слово. Одному мог сказать: «Нет, ты не прав» – и долго объяснял, в чем дело. А с другим мог просто пошутить, но так, что шутка сразу давала понять, кто прав, а кто нет. Помню, как Гига однажды начал рассуждать о том, что многие капиталисты не понимают, что угнетают рабочих. Им, дескать, кажется, что они живут по установленному порядку, и они даже не задумываются о том, правильно ли они живут. Разговор шел о разъяснительной работе среди рабочих, а Гига попытался внушить нам, что среди буржуазии тоже нужно проводить разъяснительную работу. У Гиги увлекающийся характер. Придет ему в голову какая-нибудь мысль, так он начинает всех убеждать, а через неделю забудет об этом.

– Давай ты и начнешь это дело, – сказал ему Иосиф. – Завтра как раз воскресенье. Отправляйся с утра на Головинский проспект[21] и попытайся уговорить кого-нибудь из домовладельцев пустить к себе бесплатно несколько рабочих семей. Если получится, в понедельник пойдешь к Яралову и убедишь его вдвое увеличить плату рабочим…

Гига покраснел, а все остальные рассмеялись. Сугубо теоретически можно было представить, что кто-то из домовладельцев решит сделать доброе дело и позволит беднякам жить бесплатно где-нибудь в подвале или на чердаке. Но никто не мог представить, что хозяин металлического завода Яралов, о скупости которого знал весь Тифлис, согласится платить рабочим хотя бы на копейку больше. Я поразился мудрости Иосифа. Начни он спорить с Гигой, тот стал бы горячиться, доказывать свою правоту и в бесполезном споре мог пройти весь вечер. На умные разговоры уже не осталось бы времени. А после шутки посмеялись немного и занялись делом.

Меня очень обижало то, что мне долгое время не давали никаких поручений. Я уже считался своим, при мне обсуждали разные дела, я видел, что товарищи доверяют мне, но почему-то не допускают участвовать в их делах. Несколько раз Иосиф приносил в теткин дом листовки и просил подержать их у себя несколько дней, но это я настоящим поручением не считал. Вот если бы мне доверили разносить эти листовки по заводам – другое дело. Однажды я не выдержал и сказал Иосифу, что чувствую себя готовым для настоящего дела.

– Какого именно? – спросил Иосиф. – Что ты можешь делать?

– Могу разносить листовки, литературу! И вообще делать то, что поручат!

---

[21] Головинский проспект – центральная улица дореволюционного Тифлиса (ныне – часть проспекта Руставели).

– Листовки разносить? Поручения исполнять? – Во взгляде Иосифа мелькнуло сомнение. – А ну-ка встань и пройдись туда-сюда, как кинто[22].

Я встал и прошелся по комнате, подражая походке кинто. Для пущего правдоподобия левой рукой я придерживал на голове воображаемый поднос.

– Эй, парень, почем твоя зелень? – спросил Иосиф.

– Почем? – растерялся я. – Не знаю…

– А какая у тебя зелень есть? – нахмурился Иосиф.

– Разная… – ответил я, понимая, что провалил экзамен.

– Садись! – махнул рукой Иосиф. – Кинто из тебя, как из ишака тамада. Товара не знаешь, цен не знаешь, ходишь не как кинто, а как девка с Солдатского базара, задом виляешь. Если бы у тебя под зеленью листовки лежали, то донес бы ты их только до первого городового!

От стыда я был готов провалиться сквозь землю. Вай, думаю, какой позор! Сам напросился и так опозорился! Теперь Иосиф решит, что я гожусь только на то, чтобы листовки под кроватью хранить.

– А если бы тебя городовой схватил, – Иосиф неожиданно встал и схватил меня за руку, – то смог бы ты от него вырваться?

Я попытался вырваться, но не смог, потому что Иосиф держал меня крепко.

– Не смог бы! – вздохнул Иосиф. – Отвел бы он тебя в участок вместе с твоим товаром.

Он сел, посмотрел мне в глаза и сказал:

– Значит, так, Камо-джан. Первое поручение тебе будет такое – делать гимнастику. Гири купи, пригодятся. Революционер должен иметь не только крепкий ум, но и крепкое тело. Второе поручение – когда идешь по улице, то присматривайся к людям. Ко всем подряд. Как они ходят, как себя ведут, как разговаривают. Что сколько стоит, тоже надо знать. Это жизнь, а знание жизни никогда лишним не бывает. Особенно в нашем деле. Не только людей изучай, но и город тоже, особенно дворы, чтобы с закрытыми глазами по ним ходить мог. Давай, старайся, а там видно будет.

По строгому тону голоса Иосифа чувствовалось, что если я провалю второй экзамен, то третьей попытки у меня не будет. Я стал стараться. Делал все, что было мне велено. Месяца через полтора окреп настолько, что поборол теткиного дворника Агарона, саженного[23] верзилу, который раньше был амбалом[24]. Тифлис изучил так, что мог пройти дворами через весь город. Цены на разные товары я стал знать лучше моей тетки. Не могу сосчитать, сколько раз за всю свою жизнь я благодарил Иосифа за этот преподанный мне урок. В нескольких фразах за несколько минут он преподал мне основы конспиративной науки.

Когда я счел себя готовым, то однажды встретил Иосифа с подносом на голове и, подражая всем повадкам кинто, предложил купить у меня персики и виноград. Даже песенку спел, кинто вечно пели куплеты о разных новостях, для неграмотных они были живыми газетами. Закончив представление, я взял пудовую гирю и начал поднимать ее на глазах у Иосифа, стараясь показать, что мне это труда не составляет.

– Молодец! – похвалил меня Иосиф и тут же добавил, чтобы я не сильно зазнавался: – Вот еще бы русский так учил, а то тетка твоя уже на меня косо смотрит. Столько учу тебя, а толку мало.

Я старался изо всех сил. Главным образом для того, чтобы читать нелегальную литературу, которая почти вся была на русском. Но трудный язык давался мне очень тяжело. Говоря по-русски, я чувствовал себя человеком, который вброд переходит реку. Думаешь, что все

---

[22] Кинто – торговец вразнос различными товарами, преимущественно зеленью, фруктами и овощами. Кинто носили товар в стоявшем на голове подносе. В более широком смысле – гуляка.

[23] Сажень равняется 2,13 м.

[24] Амбалами в Закавказье и в Персии называли грузчиков и носильщиков.

хорошо, и вдруг неожиданно споткнешься о камень или провалишься в яму. Как я ни старался, но в разговоре вечно допускал ошибки. Даже сейчас, в сорок лет, я нет-нет, а скажу что-то не так.

Несмотря на то что мои успехи в изучении русского языка были очень скромными, наши занятия скоро прекратились. Я заявил тетке и ее мужу, что в семинарию и на бухгалтерские курсы я никогда не пойду и что идти в вольноопределяющиеся я передумал. Пока стану работать в типографии, а там видно будет. Теткиному мужу понравилось, что я стану работать – одним ртом меньше (этот человек только и делал, что считал расходы). Тетка, поняв, что со мной спорить бесполезно, назвала меня ишаком, и на том дело закончилось. Если бы мои родственники знали, в какой именно «типографии» я собираюсь работать и что я вступил в РСДРП, то пришли бы в ужас. Уверен, что теткин муж сразу же побежал бы доносить в полицию. У него, как и у большинства богачей, слова «социалист» и «разбойник» были синонимами. Но я хорошо конспирировался. В своей комнате устроил под половицей тайник, где хранил полученный от Иосифа револьвер и прочее, что надо было скрывать от чужих глаз. Если по делам мне приходилось отсутствовать дома ночью, то перед тем, как вернуться, я заходил в какой-нибудь духан, выпивал немного вина и возвращался домой пошатываясь и с песнями, как и положено молодому гуляке, чтобы не вызывать подозрений. Тетка качала головой и причитала: «Горе мне, сестра, виновата я перед тобой, не могу ничего сделать с твоим сыном». А я радовался тому, как ловко я вожу всех за нос.

Револьвер я получил потому, что мне приходилось в одиночку перевозить крупные суммы денег, которые собирались для партии на заводах и фабриках. Иногда случалось везти десятки тысяч. Иосиф не только дал мне револьвер, но научил стрелять и еще научил носить его скрытно, но так, чтобы можно было легко вытащить. И эта наука мне не раз пригодилась в жизни.

Поначалу меня использовали в качестве курьера, присматривались. Когда присмотрелись, то начали давать организационные поручения. Кроме того, я проходил нечто вроде практики под руководством Иосифа. Он вел кружки среди рабочих и брал меня с собой. Надо сказать, что в революционной среде далеко не все понимали важность кружков и хотели заниматься этим делом. Не раз от людей, которые казались умными, доводилось слышать, что кружки – «бесполезное», «скучное» или вовсе «глупое» занятие. Чем объяснять десятку рабочих, лучше написать статью в газету – ее прочтут тысячи. Люди забывали очевидное, то, что большинство рабочих неграмотно, и то, что марксизму надо учить, надо объяснять. Мало кто прочтет и сразу все поймет. Я не считаю себя дураком и кое-какое образование у меня имелось, но «Манифест» со мной нужно было разбирать. Если бы Иосиф просто прочел его мне, я понял бы далеко не все.

Посещение кружков принесло мне огромную пользу. Я многому научился у Иосифа и у наших кружковцев. Иосиф научил меня просто и понятно излагать свои мысли, вести пропагандистскую работу так, чтобы она давала хороший результат. Занятия он проводил очень увлекательно. Люди слушали, раскрыв рты, словно им читали авантюрный роман. Кружки собирались у кого-то на дому, и для маскировки на стол ставилось вино и кое-что из еды – хлеб, сыр, зелень. Если вдруг нагрянет полиция, то увидит сборище выпивающих и закусывающих приятелей. Еду и вино кружковцы покупали в складчину и по окончании занятия быстро уничтожали – не пропадать же добру. В тех кружках, которые вел Иосиф (а я бывал на кружках и у других), после окончания занятия люди не набрасывались на еду, а продолжали обсуждать услышанное. Это верная примета того, что ведущий сумел задеть их за живое. В этом же и смысл кружковской работы, чтобы каждому доходчиво объяснить и каждого задеть за живое. Опыт, полученный под руководством Сталина, очень пригодился мне в тюрьме. «Камо за пять минут разагитирует любую камеру», – злились мои тюремщики и старались держать меня в

одиночке. Но если уж за решеткой у меня была компания, то я не терял времени даром, начинал разговаривать с людьми. Из сидения в камере тоже можно извлечь пользу.

Разные люди приходили заниматься в кружках. Одних приводила жажда справедливости, других – любопытство, третьих – обиды на власть. Были и такие, что приходили за компанию с приятелем. По уровню образования кружковцы тоже отличались. Были грамотные, читающие, и были такие, что вместо подписи ставили крест. Грамотные иногда пытались переспорить Иосифа, желая блеснуть своей образованностью. Он терпеливо, при помощи понятных аргументов, объяснял им, что они не правы, и делал это по-товарищески, на равных, а не как педагог ученикам. И не только рассказывал и объяснял что-то, но и непременно расспрашивал кружковцев о их делах, о жизни. Иосиф знал, кто женат, а кто холост, у кого сколько детей и разные другие бытовые подробности, не имевшие прямого отношения к занятиям в кружке.

– Очень важно, чтобы в кружке была товарищеская атмосфера, – объяснял мне Иосиф. – Мы все товарищи, все равны. Люди должны чувствовать себя свободно, тогда они будут думать, понимать, дискутировать, а не просто слушать и бояться задать вопрос.

Если дискуссии затягивались за полночь, Иосиф радовался: ах, как хорошо сегодня поспорили, время не зря прошло. После кружка мы обычно шли к нему (он тогда работал наблюдателем в обсерватории[25] и жил там же), и там мое обучение продолжалось. Сталин обсуждал со мной на более сложном уровне темы, которые разбирались на кружке, делился опытом, короче говоря, учил меня уму-разуму, делал из мальчишки революционера. Мне трудно было поверить в то, что моему учителю немногим больше двадцати, по опыту и мудрости он производил впечатление пятидесятилетнего. «Когда он успел все узнать? Как он вообще все успевает?» – удивлялся я и брал со Сталина пример, старался использовать с пользой каждую минуту.

Обстановка, в которой жил Сталин, тоже удивляла меня своей простотой. Кровать, стол, два табурета, сундук вместо шкафа. Разумеется, я понимал, что не увижу здесь той роскоши, которая была в теткином доме, но все же ожидал увидеть нечто иное.

Членом одного из кружков некоторое время был неприятный человек, железнодорожный служащий Вано Ломидзе, то и дело упоминавший о своем азнаурском[26] происхождении. У глупости много примет, но одна из главных – кичиться своим происхождением. Вано не раз пытался поддеть Иосифа, но всякий раз терпел поражение. Однако не унимался и пробовал снова. Однажды он сказал, что Маркс и Энгельс были богачами и что марксисты-социалисты только на словах выступают за равенство, а на самом деле это не так. У нас, мол, каждая копейка на счету, а социалисты с нас собирают деньги якобы на партийные нужды, но на самом деле тратят их на себя. Признаюсь честно, что у меня кулаки зачесались дать Вано в морду за такие слова. Иосиф, заметив мое настроение, строго поглядел на меня, давая понять, чтобы я сидел спокойно, и сказал Вано как ни в чем не бывало:

– У русских есть хорошая пословица: «Лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать». И вообще нехорошо получается. Я почти у всех вас в гостях побывал (кружок собирался то у одного, то у другого), а вы у меня еще не были. Приглашаю всех к себе. Прямо сегодня, после кружка и пойдем, чтобы никто не подумал, что я к вашему приходу подготовился. Увидите своими глазами, как живут социалисты.

После кружка Иосиф повел всех к себе во флигель (он жил и работал во флигеле, а не в главном здании). Увидев, в какой «роскоши» живет Иосиф, Вано покраснел как рак. Больше он на кружок не приходил.

Если меня спросят: «Как Сталин относится к имуществу?», – я отвечу: «Он не обращает на имущество никакого внимания». Есть кровать, чтобы спать, есть стол, чтобы за ним рабо-

[25] И.В. Сталин в 1899–1901 годах работал вычислителем-наблюдателем Тифлисской физической обсерватории.

[26] Азнауры – грузинские дворяне.

тать, есть стул, чтобы на нем сидеть, что еще нужно? Скромность Сталина, проявляющаяся во всем, могла бы служить примером для некоторых его соратников. Я – коммунист и скажу с партийной прямотой, что в первую очередь пример надо бы брать товарищу Троцкому. Я сказал это ему в глаза, когда оказался в его знаменитом поезде[27], повторю и сейчас. Солдаты в красных штанах с золотыми лампасами и синих кителях с серебряными кантами произвели на меня плохое впечатление. Словно старорежимные швейцары, иначе и не сказать. Под стать «швейцарам» было и внутреннее убранство вагона Троцкого с дорогой мебелью, канделябрами и коврами. Я пишу об этом потому, что Троцкому не понравилось мое замечание относительно роскоши, которой он себя окружил. Он ответил мне резко, даже грубо. Напомнил о своих высоких должностях и сказал, что для работы ему нужны соответствующие удобства. Не знаю, что он подразумевал под словом «соответствующие», но могу представить, что испытывают люди, попавшие в вагон одного из ближайших соратников Ленина и видящие там такую буржуазную роскошь. В вагоне Троцкого я вспомнил Вано Ломидзе и комнатку в обсерватории, в которой жил Сталин. Я не раз был у Сталина, и все его жилища отличались простотой, которую можно назвать «спартанской». У Ленина я видел то же самое. Обо мне и говорить нечего. После Моабитской тюрьмы[28] пальто, брошенное на пол, кажется мне пуховой периной.

Чтобы узнать человека, не надо съедать с ним пуд соли. Достаточно побывать у него дома и посмотреть, как он живет. Быт расскажет о человеке больше, чем кто-то из его знакомых. Что же касается скромности, то она – одно из главных качеств коммуниста. Настоящего коммуниста. Это очень тонкая и очень важная грань, переходя за которую коммунист превращается в буржуя.

---

[27] В 1918–1921 годах председатель Революционного военного совета РСФСР и народный комиссар по военным делам РСФСР Лев Троцкий работал в специальном поезде, непрерывно разъезжавшем по фронтам Гражданской войны.

[28] «Моабит» – берлинская тюрьма, построенная в 1888 году. Камо находился в ней в качестве заключенного с 1907 по 1909 год.

Мой промах

Сталин хотел восстановить в Тбилиси подпольную типографию, которая была нам очень нужна. Была типография на Лоткинской, но ее очень скоро разгромила полиция. Гораздо проще печатать газеты и листовки на месте, нежели возить их из Ростова или Екатеринодара[29]. Сталин хотел издавать газеты на грузинском и армянском языках, которые были бы доступнее для закавказского пролетариата, чем «Искра». У него и название уже имелось: «Борьба». Деньги и возможность раздобыть станок тоже были – товарищи брались собрать его из деталей от списанных типографских машин. Не хватало только одного – помещения.

Мои воспоминания будут читать разные люди, в том числе и не имеющие представления о конспиративной работе, поэтому я поясню, в чем заключалась сложность. Абы какое помещение для подпольной типографии не годилось. Оно должно было быть не на самом виду, но в то же время и не где-нибудь на отшибе, чтобы частое появление людей и подвод не вызывало бы ничьего любопытства. Типография должна была иметь два склада – обычный, который можно было бы показать всем, и скрытый от посторонних глаз, где можно было бы хранить все нелегальное. Владельцем помещения должен был быть человек, сочувствующий делу революции или такой, которому нет дела ни до чего, кроме арендной платы. Типография – дело шумное, поэтому нелегальную типографию надо маскировать под видом легальной или же устраивать там, где шум ее будет заглушаться другим шумом. Например, на заводе или на железнодорожной станции. Маскировать было сложно, поскольку любая легальная типография привлекала внимание полиции. Часто было так, что в легальных типографиях печаталась нелегальная литература. В Тифлисе и вообще на всем Кавказе дело осложнялось местными особенностями. Все всех знают, все суют нос во все дела, слухи разносятся моментально. Очень важно было, чтобы типография не привлекала бы ничьего внимания. Об ответственности перед товарищами, которые обеспечивали типографию станками и всем необходимым, тоже забывать не следовало. Люди сделали большую работу, дали все, что нужно, их нельзя подвести.

Организацией типографии занимался Вано Стуруа[30]. Он поручил мне найти для нее подходящее место. Я очень хотел выполнить это поручение как можно скорее и по неопытности совершил большую ошибку.

Дело было так. Муж моей тетки Геворг Бахчиев имел широкий круг знакомств. Весь Тифлис знал его, а он знал всех. Я решил использовать связи Бахчиева в своих целях и сказал ему, что один мой знакомый из Гори хочет открыть типографию, чтобы печатать открытки, календари, брошюры для паломников и прочую чепуху. Эта чепуха не только служила отличным прикрытием для типографии, но и приносила неплохой доход. Борьба стоила денег, причем больших денег, поэтому революционерам приходилось быть рачительными хозяевами. «Беда с помещением, – сказал я Бахчиеву, – мой знакомый никак не может найти подходящее и недорогое помещение. Нельзя ли поспрашивать у знакомых?» Бахчиев не удивился моей просьбе. Он решил, что я хочу заработать комиссионные. В его кругу это было обычным делом, все оказывали друг другу услуги за процент. С меня Бахчиев, разумеется, процента не потребовал, поскольку я был племянником его жены и жил в его доме. Близким родственникам полагалось помогать бескорыстно.

Во время встречи с Вано я сказал ему, что теперь нам ищет помещение Бахчиев.

– Ты что, с ума сошел?! – рассердился Вано. – Кто тебе разрешил так поступать?!

---

[29] Прежнее (до 1920 года) название города Краснодара.

[30] Иван (Вано) Федорович Стуруа (1870–1931) – грузинский революционер, соратник И.В. Сталина.

– А что в этом такого?! – удивился я. – Я же не сказал ему правду, а сослался на знакомого из Гори. Геворг каждый вечер кутит в большой компании, что плохого, если он будет спрашивать у приятелей про помещение?

Вано вспылил, обозвал меня «глупым ишаком» и разными другими обидными словами. Я в долгу не остался, несмотря на то что Вано был старше меня и по возрасту, и по положению в организации. Вместо разговора вышел скандал. Расставшись с Вано, я пошел в обсерваторию к Сталину. Не для того, чтобы пожаловаться на Вано, а для того, чтобы посоветоваться и договориться, чтобы я докладывал ему о моих поисках. Я тогда еще не знал, что Вано вспыльчив, но отходчив, а мы поскандалили так бурно, что, как мне казалось, разругались на всю жизнь. «Кто дал ему право оскорблять меня?! – горячился я, пока шел. – Я – взрослый человек, член партии, а он обозвал меня ишаком! Пускай еще скажет спасибо, что я ему в морду не дал за такие слова!»

Выслушав меня, Иосиф сказал:

– Вано прав. Выразился он, конечно, грубо, но он прав. Ты не ишак, а дурак, потому что не понимаешь простых вещей. Рано или поздно, но тобой заинтересуются ищейки. Вот допустим, что тебя арестовали. Ты сидишь в Метехах[31], молчишь, на вопросы не отвечаешь. Политическим сыском занимаются умные люди. Они не только тобой будут заниматься, но и твоими связями – родственниками, друзьями, соседями. Всех будут подробно расспрашивать о тебе. Что делал? С кем встречался? О чем говорил? Бахчиев среди прочего вспомнит и этот случай. «Ага! – скажут жандармы. – Значит, этот бунтовщик искал место для типографии. Значит, материалы уже печатают в Тифлисе, а не возят из Ростова». Это Бахчиев может тебе поверить, а жандармы не поверят. Они знают, что практически все, чем занимаемся мы, делается для нашего общего дела. То есть из-за твоей ошибки жандармы могут догадаться, что в Тифлисе работает нелегальная типография. А если бы Бахчиев нашел тебе место, это считай все равно, что ты в жандармское[32] адрес сообщил. Понял?

– Понял, – прошептал я, хватаясь за голову.

Ой, что я натворил? Чуть было не провалил будущую типографию!

– Это еще не все, – голос Иосифа стал строже. – Наши враги – мастера провокаций. Возьмут и скажут тебе на допросе: «Мы знаем, что ты искал место для подпольной типографии. Тот, кто давал тебе это поручение, все нам рассказал». Ты подумаешь, что Вано тебя предал, вспылишь и наговоришь лишнего, сгоряча выболтаешь какие-нибудь важные сведения.

– Я все понял, – повторил я, приходя в крайнее отчаяние, и спросил: – Что же мне теперь делать, Иосиф? Убить Геворга, чтобы он не проболтался? Но я не могу так поступить. Я в его доме живу, его хлеб ем, он муж моей родной тетки.

– Зачем убивать?! – рассмеялся Иосиф. – Просто скажи, что твой вымышленный знакомый передумал открывать типографию и вместо нее завел мясную лавку. Пока ничего страшного не случилось, но может случиться, если ты и дальше станешь так себя вести. Запомни навсегда – никаких партийных дел с родственниками и приятелями не обсуждать! Помощи не просить! Никаким образом ни во что их не вмешивать! Конспирация, товарищ Камо, заключается не только в том, чтобы револьвер в тайнике прятать. Конспирация – это делать так, чтобы твоя легальная жизнь нигде и ни в чем не пересекалась бы с нелегальной. Иначе беда. Запомнил?

– Запомнил! – загорячился я. – Все запомнил! Клянусь, что больше ничего подобного не случится! А к Вано прямо сейчас пойду и извинюсь!

– Не надо разводить в организации эти буржуазные церемонии, – нахмурился Иосиф. – Просто пойди и скажи, что осознал свою ошибку и больше так делать не станешь. Что такое

[31] В XIX веке Метехский замок, снесенный в 1959 году, был тюрьмой.

[32] То есть в Губернское жандармское управление.

«извини»? Слово, не имеющее никакого значения. Значение имеет то, что ты понял свою ошибку и можешь продолжать работать дальше.

– Симон и Камо больше нигде не будут пересекаться! – пообещал я и добавил: – Эх, почему мне Вано сразу все спокойно не объяснил?

– Грузины – вспыльчивый народ, – усмехнулся Иосиф. – Кровь горячая, быстро в голову ударяет.

– Ты тоже грузин! – возразил я. – Но тебе же не ударяет!

За все годы, что я знаю Сталина, начиная с детства, я ни разу не видел, чтобы он выходил из себя, кричал, ругался, впадал в ярость. Если он сердится, то хмурит брови и начинает говорить резким тоном, не более того. Я видел его в разных ситуациях, но он всегда остается спокойным.

– Я не люблю бесполезных занятий, – ответил Иосиф. – Зачем заниматься тем, что не приносит пользы? Вот что бы произошло, если бы я повел себя, как Вано? Ты бы расстроился, мог сгоряча пристрелить своего дядю, а потом, чего доброго, и сам бы застрелился. Кому от этого была бы польза? Только гробовщику. А так все живы, ты понял свою ошибку, нашему общему делу от этого польза. Сердце у человека должно быть горячим, а не голова! Горячая голова плохо соображает.

Сердце у человека должно быть горячим, а не голова! Эти слова врезались мне в память. С того дня я начал учиться владеть собой в любой ситуации. Что бы ни случилось, говорил себе: «Спокойно, Симон-джан, спокойно! Не кричи, руками не маши! Криком делу не поможешь». Выдержка часто меня выручала, но сильнее всего она пригодилась мне в Моабите, когда я симулировал сумасшествие[33]. Когда-нибудь я напишу об этом подробно. Мой опыт пригодится зарубежным коммунистам.

Я помирился с Вано, сказал Бахчиеву, что мой знакомый передумал открывать типографию, и с того дня никогда больше не мешал легальную жизнь с нелегальной. Впрочем, очень скоро у меня легальной жизни не стало. С 1904 года и до недавнего времени я жил на нелегальном положении. «Легализировался» я лишь на то время, пока находился в заключении.

[33] В конце августа 1907 года Камо по поддельному паспорту на имя австрийского подданного страхового агента Дмитрия Мирского отбыл в Европу с целью закупки оружия для революционеров. В ноябре того же года Камо был арестован в Берлине. На его квартире обнаружили 50 маузеров и по 150 патронов к каждому стволу, готовых для отправки в Россию, а также взрывчатку и капсюли для бомб. Германские власти предъявили Камо обвинение в терроризме и начали готовиться к его экстрадиции в Россию, где Камо ждала смертная казнь. Бежать из Моабитской тюрьмы было невозможно. Камо начал симулировать душевную болезнь, надеясь, что его переведут в психиатрическую лечебницу, откуда бежать будет легче. Но так или иначе устроить побег в Берлине не удалось. Камо экстрадировали в Россию. 15 августа 1911 года он бежал из тбилисской Михайловской психиатрической больницы и был переправлен товарищами во Францию.

Подготовка к первомайской демонстрации

В апреле 1900 года Иосиф и Вано организовали первую в Тифлисе рабочую маевку, о которой все наши товарищи часто вспоминали. Первая большая маевка! Рабочий класс поднял голову, заявил о себе! Не было сомнений, что на следующую маевку соберется не 500 человек, как на первую, а много больше. Вано утверждал, что демонстрантов будет 10 000 и «весь Тифлис задрожит», когда они пойдут по городу.

– Вано, мы не лавочники, а демонстранты не рубли! – говорил на это Сталин. – Дело не в количестве народа, хотя чем больше придет, тем лучше, а в том, чтобы провести демонстрацию как задумано. Не одни мы к ней готовимся, власти тоже готовятся, и пуще нашего. 22 апреля[34] на каждом углу будут стоять казаки, а переодетых шпиков на улицах будет больше, чем горожан. Нам важно продемонстрировать сплоченность и стойкость, показать, что мы готовы к борьбе. Тысячи, которые разбегутся при первом же взмахе нагайки, хуже сотни, которая устоит и даст отпор казакам и полиции. Мы должны продемонстрировать решительность, стойкость, боевой дух! Ты что, забыл поговорку: «Десять шакалов не стоят одного барса»?

В том, что 22 апреля 1901 года в Тифлисе, несмотря ни на что, все же состоялась первомайская демонстрация, заслуга Иосифа. Он ее готовил, продумывал все до мелочей, работал днем и ночью. Когда я пишу «работал днем и ночью», то ничего не приукрашиваю, поскольку Иосиф именно так и работал. Я не представляю, когда он отдыхал. Утром мы с ним встречались для того, чтобы решить какие-то срочные вопросы, днем он занимался подготовкой к демонстрации, вечером вел кружки, после кружков беседовал со мной и другими товарищами, ночами писал статьи… Утром, не успевал я еще проснуться, как прибегал мальчишка с запиской от Иосифа: «Надо сделать то-то и то-то». Моя тетка думала, что мне шлет записки какая-то женщина, но мне в то время было не до женщин. Я был занят делом, важным делом. Партия поручила мне обеспечивать связь между ячейками и конспиративными квартирами. Вот когда пригодилось мне знание жизни, выработанное по совету Сталина. Я был кинто, карачохели[35], гимназистом, реалистом, рабочим… Кем я только не был! И каждую свою роль я исполнял так, что ни у кого не вызывал подозрений. Товарищи шутили: «Камо, а молоканином нарядиться сможешь?» Молоканин из меня, конечно же, не получился бы. Однажды, когда я нарядился нищим бродягой, меня не узнал Вано, с которым мы должны были встретиться на Татарском майдане[36]. Увидев Вано, я вместо того, чтобы поздороваться, хриплым голосом начал клянчить у него денег. Вано гнал меня прочь, а я канючил: «Дай хотя бы пятачок». Он узнал меня только после того, как я заговорил обычным голосом и подмигнул ему.

Все мы понимали, что спокойно пройти по городу нам не дадут, и потому готовились к борьбе. Я мечтал о том, чтобы мне доверили знамя. Быть знаменосцем на демонстрации – что может быть почетнее этого? Мои упражнения с гирями и вся остальная гимнастика продолжались (и продолжаются до сих пор), я был силен и мог без труда нести знамя хоть до Кутаиса[37]. Но Сталин, руководивший организацией демонстрации, сказал:

– Не обижайся, Камо, но в знаменосцы ты не годишься. Ростом не вышел. Знаменосец должен быть видным, высоким. Он же несет знамя! Но ты не огорчайся. Ты силен, отважен

---

[34] В царской России, жившей по юлианскому календарю, маевки устраивались одновременно с европейскими социалистами, жившими по григорианскому календарю.

[35] Карачохели («чернокафтанные») – прозвище тифлисских ремесленников, носивших черную чоху (кафтан).

[36] Татарский майдан – площадь, на которой находился самый крупный базар дореволюционного Тифлиса.

[37] Кутаиси («Кутаис» в старом произношении) – город в Грузии, расположенный в 230 км от Тбилиси. В рукописи Камо названия грузинских городов приводятся так, как было принято в дореволюционной России – Кутаис, Батум и т. п.

и будешь помощником знаменосца. На него казаки будут нападать в первую очередь, чтобы отобрать знамя, а ты будешь его защищать.

Знаменосцем назначили железнодорожника Аракела Окуашвили. Аракел был одним из самых активных членов нашей организации. Впоследствии мы пересекались с ним несколько раз в Тифлисе, в те моменты, когда оба были на свободе. Аракел провел в тюрьме и ссылке столько же, сколько и я, если не больше.

Другой человек стал бы придумывать какие-то несуществующие причины, чтобы обосновать свой отказ, а Сталин сказал мне прямо: «Ростом не вышел». Это меня не обидело. Другое дело, если бы товарищи мне не доверяли. А рост какой он есть, такой и есть. Зато меня назначили помощником знаменосца. Я был невероятно горд. Пусть не я буду нести знамя, но зато я буду его охранять.

Но до демонстрации было еще далеко. Предстояла большая подготовка. В конце зимы и начале весны 1901 года все члены Тифлисской организации РСДРП работали, не зная отдыха. Распространяли прокламации, агитировали, объясняли, решали множество мелких, но очень важных вопросов. Вано создал особую группу, которая должна была идти впереди и вступить в борьбу с казаками. Для защиты от нагаек нужны были папахи и толстые зимние пальто. У большинства товарищей ни папах, ни пальто не было, и, как нарочно, у организации не было денег для того, чтобы все это купить. Возникли еще кое-какие неотложные расходы.

– Камо, надо достать деньги! – сказал мне Иосиф. – Хотя бы три-четыре тысячи.

Как «достать», было ясно. Не взаймы же брать у теткиного мужа или у кого-то еще. «Достать» означало «экспроприировать», отнять силой. Револьвер у меня был, оставалось только придумать, как и где можно раздобыть деньги. В то время мое понимание этого ограничивалось Рокамболем[38]. Иначе говоря, у меня была только теоретическая подготовка, причем весьма слабая. Жизнь сильно отличается от романов. Но поручение надо было выполнить во что бы то ни стало. О силе большевиков много говорят, но мало кто понимает, что корни этой силы в том, что каждый большевик готов любой ценой выполнить поручение партии. Умри, но сделай – вот принцип большевиков, который помог им выстоять в борьбе со всем миром.

Умри, но сделай! Я долго выбирал место для моего первого «экса»[39]. Помощников у меня не было, предстояло справиться в одиночку и при этом не оплошать. После долгих раздумий я выбрал аптеку Земмеля на углу Ольгинской и Верийского спуска. Аптека эта была известной в городе и торговала бойко. По моим расчетам вечером в кассе должно было скопиться не менее трех тысяч рублей.

Расчеты оказались неверными. Мне удалось взять только тысячу с небольшим. Все прошло гладко, без сучка и задоринки, но денег было мало. Окрыленный успехом своего первого «экса», я зашел в галантерейный магазин, который уже закрывался, и взял там дневную выручку – почти две тысячи. В сумме получилось три тысячи, и я благоразумно решил остановиться на этом. Я был слишком возбужден, а в возбужденном состоянии чаще всего совершаются ошибки. Не заходя домой, я отправился в обсерваторию к Сталину и отдал ему деньги.

– Молодец! – сказал он, пересчитав деньги, и спросил: – Трудно было?

– Нет, совсем не трудно, – ответил я.

Мне было немного не по себе не из-за страха перед полицией, а из-за опасения провалить дело и оставить организацию без средств, которые ей так нужны.

– Расскажи-ка, как все было, – попросил Сталин.

Я в подробностях рассказал ему про оба «экса». Надеялся услышать еще одну похвалу, но вместо этого получил нагоняй.

---

[38] Рокамболь – герой авантюрно-уголовных романов популярного в XIX веке французского писателя Пьера Алексиса Понсон дю Террай (Понсон дю Террайль).

[39] «Экс» – сокращенное название экспроприации, принятое в революционной среде.

– В первый раз ты все сделал правильно, – сказал Сталин. – Выбрал аптеку, разработал план и осуществил его. Но во второй раз ты сглупил. Голову надо отрывать за такое! Шел мимо, увидел, что приказчики закрывают ставни, зашел и сунул им под нос револьвер… А если бы к хозяину в этот момент пристав заглянул? А если бы у приказчиков при себе было бы оружие? Да мало ли что могло быть… Ты рисковал сам и еще рисковал выручкой с предыдущего «экса». Это партийные деньги, они не тебе принадлежат, а партии. Глупо ты поступил, Камо, очень глупо. Запомни хорошо, что с наскоку, без плана, никакое дело не делается. Сначала думаешь, а потом делаешь. Правильно спланированный «экс» заканчивается благополучно, а действуя без плана, легко можно угодить за решетку.

Больше никогда я не делал «эксов» без подготовки. Даже если шел и видел, что вот здесь сейчас можно легко взять деньги, то проходил мимо. До 22 апреля я добавил в партийную кассу еще 8500 рублей. Менять внешность я к тому времени научился очень хорошо и, если даже спустя день-другой заходил туда, где брал деньги, меня не узнавали.

Чем ближе к Первомаю, тем активнее действовали полицейские с жандармами. В городе начали проводиться облавы, полицейские задерживали всех, кто казался им подозрительным. Действовали они глупо, хватали всех без разбора. Теткина кухарка Ануш имела привычку то и дело оглядываться на ходу, это у нее было нервное. Так из-за этой привычки ее однажды задержали, когда она шла домой с базара, и отвели в участок. Пару раз случайно задерживали наших товарищей, но им удавалось убедить полицейских отпустить их. Подобные просьбы обычно подкреплялась одной или двумя «красненькими»[40]. Обычное для царской полиции дело – использовать любой повод для личного обогащения. У хорошо одетого господина было больше шансов оказаться задержанным во время облавы, чем у грязного оборванца.

В конце марта 1901 года полиция нагрянула к Иосифу в обсерваторию. К счастью, его самого в это время там не было. Товарищи успели предупредить Иосифа о визите полиции, и он перешел на нелегальное положение, но продолжал руководить подготовкой к демонстрации и прочими делами. На первых порах Иосиф жил в Нахаловке[41] у железнодорожника Ираклия Саакадзе, а после в Авлабаре[42] у Арсена Казарянца, рабочего коньячного завода Сараджева.

Переход на нелегальное положение никаким образом не сказался на деле. Иосиф успевал делать все, что было нужно. Ему сделали хорошие документы, по которым он был служащим Ростовского общества взаимного кредита, приехавшим по делам в Тифлис. Товарищи позаботились обо всем, даже о визитных карточках и бумагах с печатью общества. Изменив внешность, Сталин мог спокойно ходить по городу. Я видел разное поведение у тех, кто находился на нелегальном положении. Были такие, кто лишний раз нос из дому боялся высунуть, а если и высовывал, то всячески избегал людных мест, где его могли узнать. Сталин вел себя иначе – он бывал всюду, где ему следовало быть. Распорядок его жизни остался прежним, только кружки вместо него стали вести другие товарищи.

Было ясно, что Иосифа выдал полиции кто-то из членов организации, потому что обыск в обсерватории состоялся в тот день, когда туда должны были доставить партию оружия из Кутаиси. Один из кутаисских товарищей сумел подружиться с полковым оружейным мастером и покупал у него револьверы якобы для эриваньских[43] уголовников. Те, кто делал обыск, перевернули вверх дном не только комнату Сталина, но и всю обсерваторию. Сторож слышал, как руководивший обыском офицер несколько раз поминал про револьверы. Товарищи быстро вычислили предателя, потому что искать пришлось в узком кругу – среди тех, кто знал дату доставки револьверов, но не знал, что по некоторым причинам доставку отложили на два дня.

---

[40] Десятирублевые государственные кредитные билеты назывались «красненькими» из-за своего цвета.

[41] Нахаловка (груз. «надзаладеви») – район старого Тифлиса, возникший в 80-х годах XIX века в результате самовольного строительства жилья железнодорожными рабочими.

[42] Авлабар – район Тбилиси.

[43] Эривань – прежнее название столицы Армении города Еревана.

С предателями и провокаторами разговор был короткий – их казнили и бросали тело в Куру. Товарищи так и собирались сделать.

– Казнить мы его успеем, – сказал Иосиф. – Никуда он от нас не денется. Но сначала пусть принесет пользу. Обстановка сложная. Князь Голицын[44] с перепугу нагнал в Тифлис войска со всего Кавказа. Шпики землю носом роют, чтобы узнать время и место демонстрации. Мы облегчим врагам жизнь – объявим место и время, чтобы предатель мог сообщить об этом. Потом мы накажем его и изменим место и время. Мешать нам все равно станут, но мы получим выигрыш во времени. Хорошо бы еще сделать отвлекающий маневр, пусть за два часа до демонстрации группа из самых надежных товарищей пройдет по Головинскому проспекту. Так мы убьем двух зайцев одним выстрелом. Во-первых, продемонстрируем свою силу, покажем, что мы не прячемся по окраинам, а смело идем по центральным улицам. Нам некого бояться, пусть нас боятся. Во-вторых, разогнав демонстрацию, полицейские и казаки расслабятся, думая, что все закончилось. И тут-то мы устроим им сюрприз!

Сталин предложил для демонстрации самое удобное место и самое удобное время. На Солдатском базаре в полдень. Для тех, кто не бывал в Тифлисе, поясню, что на Солдатском базаре по воскресным и праздничным дням собиралось очень много народу, потому что в эти дни с торговцев там брали половинный сбор. Также Солдатский базар был выгоден для нашей цели тем, что на нем собиралась беднота. В полдень на Арсенале стреляла пушка, выстрел которой был слышен всему городу. Пушечный выстрел – отличный сигнал. Начинается демонстрация на базаре, и, кроме того, в разных местах города проходят небольшие демонстрации, вывешиваются красные флаги, люди кричат лозунги, поют «Вихри враждебные» и другие революционные песни. Создается впечатление, будто весь Тифлис празднует мировой пролетарский праздник.

Демонстрацию на Головинском проспекте возглавил Вано. Сталин с утра ходил по Солдатскому базару и разговаривал с собиравшимися там товарищами, подбадривал их и заодно решал какие-то дела. После демонстрации ему предстояло перебраться на другую квартиру. Было ясно, что от такого открытого вызова, который можно сравнить с брошенной в лицо перчаткой, наместник[45] и его холуи будут невероятно свирепствовать. Начнутся повальные обыски и аресты. Организация принимала меры, чтобы никто из товарищей не пострадал. У меня был собственный план действий, о котором я расскажу чуть позже.

Без пяти двенадцать Сталин, знаменосец Аракел, я и еще несколько товарищей стояли в центре базара и ждали сигнала. Один из торговцев, вглядевшись в наши лица, вдруг забеспокоился и начал быстро-быстро собирать свой товар. Глядя на него, забеспокоились и другие. Их беспокойство возросло, когда Аракел снял мешок, которым было закрыто знамя.

– Вот и хорошо, – сказал Иосиф, наблюдая за суетящимися торговцами. – Прилавок освободили, будет, куда встать.

Это было очень смело – встать на возвышение для того, чтобы произнести речь. Охранители порядка обычно стреляли в ораторов, которые представляли собой удобную мишень. В такой ситуации, как в тот день на Солдатском базаре, большинство предпочли бы не забираться на прилавок для того, чтобы сказать речь. Большинство, но не Сталин. Его поведение было не бравадой, а сознательным героическим поступком. Он хотел, чтобы его видели и слышали все, хотел показать, что социалисты выступают открыто.

Как только выстрелила пушка, Аракел поднял знамя и начал им размахивать. В разных местах базара над головами людей поднялись кумачовые транспаранты и портреты Маркса, Энгельса и Лассаля[46]. Сталин легко запрыгнул на прилавок и сказал короткую речь. Поздравил

[44] Князь Григорий Сергеевич Голицын (1838–1907) – главноначальствующий Кавказской администрацией.

[45] То есть Главноначальствующий Кавказской администрацией.

[46] Фердинанд Лассаль (1825–1864) – немецкий философ, экономист и политический деятель. Политические взгляды Лас-

собравшихся с праздником, сказал, что только сообща можно одолеть самодержавие, процитировал несколько самых важных фраз из «Манифеста» и закончил словами:

– Долой самодержавную тиранию!

Я начал свои воспоминания с этого славного дня, с того, как Иосиф выступал перед рабочими и как жадно они ловили каждое его слово. В тот день я понял, что вижу истинного лидера, одного из тех, кто приведет нас к победе революции.

Полиция бросилась задерживать демонстрантов, но на площади ей мешали торговцы, собиравшие товары с прилавков и запиравшие лавки. Мы же собрались в колонну и двинулись к Эриванской площади[47]. Меня переполняла невероятная радость. Ни в один из праздников, никогда еще я не чувствовал такого душевного подъема. Демонстрация состоялась! Несмотря ни на что! Мы идем по городу, поем песню! Нас много! С каждым шагом нас все больше. Так оно и было, потому что к нам присоединялись товарищи, пришедшие из других мест, и какая-то часть любопытных. Любопытные, как увидели первого казака, так сразу же исчезли. Мы же вступили в схватку. Знаменосца стараются схватить или подстрелить в первую очередь, так же как и оратора. Но товарищи окружили нас с Аракелом плотным кольцом, и казаки не могли к нам пробиться. Под натиском, теснимые с боков, мы прошли еще сколько-то вперед, но, в конце концов, казакам и драгунам[48] удалось нас рассеять. В нашей колонне было примерно три тысячи человек, а сражались мы с бо€льшим количеством врагов. Кто-то из наших падал, кого-то хватали, наши ряды таяли, а казаков с драгунами становилось все больше и больше. Демонстрацию не удалось завершить, да и никто на это не надеялся. Мы были рады тому, что смогли сделать. Защищая Аракела, я израсходовал все имевшиеся у меня патроны, но в горячке боя не помню, удалось ли мне хоть кого-то подстрелить. Когда стало ясно, что вот-вот нас схватят, Аракел сорвал знамя с древка, обмотал его вокруг тела, и мы ушли дворами. Домой к тетке в тот день я возвращаться не рискнул, ночевал на конспиративной квартире. К вечеру полиция совершенно озверела. Полицмейстер получил хорошую взбучку от наместника и устроил то же самое своим подчиненным. Всех, кто появлялся на улице в разорванной одежде или с синяками на лице, сразу же хватали. Полицейские ходили по духанам, интересовались, не празднует ли кто Первомай.

На несколько дней организация приостановила работу. Ждали, пока все утихнет. Как только стало возможным, мы напечатали листовку с обращением к рабочим, которое написал Сталин, и распространили его по городу. Несколько прокламаций были расклеены на тумбах Головинского проспекта. На чистую публику они действовали подобно разорвавшейся бомбе. Главной же наградой было то, что о нас написала «Искра»[49]. 22 апреля было названо исторической датой начала открытого революционного движения на Кавказе.

Я на всю жизнь запомнил слова Сталина о важности демонстрации из одной его газетной статьи того времени: «Уличная демонстрация интересна тем, что она быстро вовлекает в движение большую массу населения, сразу знакомит ее с нашими требованиями и создает ту благоприятную широкую почву, на которой мы смело можем сеять семена социалистических идей и политической свободы»[50].

На демонстрации я познакомился с одним смелым парнем по имени Ашот Аветисов, сыном авлабарского лавочника. Он погиб в декабре 1905 года, его зарубили казаки[51]. Ашот тогда еще не был членом партии, но по духу и образу мыслей это был настоящий марксист. Я оценил смелость, которую проявил Ашот во время стычки с казаками. Спустя несколько

саля были близки к взглядам Маркса и Энгельса.

[47] Тбилисская площадь Свободы в то время называлась Эриванской в честь генерала Паскевича графа Эриванского.

[48] Драгунами назывались кавалеристы, способные воевать как в конном, так и в пешем строю.

[49] «Искра» – нелегальная революционная газета, основанная В.И. Ульяновым-Лениным в 1900 году.

[50] Нелегальная газета «Брдзола», № 2 за 1901 год.

[51] 12 декабря 1905 года в Тбилиси была объявлена всеобщая забастовка, переросшая в вооруженное восстание.

дней после разгона демонстрации я зашел к нему домой и пригласил прогуляться. Надо было прощупать человека, прежде чем предлагать ему стать моим помощником. Поговорив с Ашотом, я убедился, что на него можно положиться. Я хорошо разбираюсь в людях, трусов и подлецов обычно вижу сразу. Ашот с радостью согласился мне помогать. Действовать в Тбилиси, в то время наводненном полицией и шпиками, было опасно, поэтому я решил провести «экс» в Кутаисе. Нужда в деньгах тогда была особенно острой. Многие из наших товарищей были схвачены, надо было платить адвокатам и помогать их семьям. Семьи раненых тоже нуждались в помощи, кроме того, нужно было платить докторам и покупать лекарства. Среди докторов было несколько благородных людей, которые лечили наших товарищей бесплатно. Кто по доброте душевной не брал денег с бедняков, кто сочувствовал нам, разделял наши идеи. Но таких было единицы. Большинство докторов, видя, что дело нечисто, запрашивали за свои услуги тройную цену или больше. Для того чтобы они помалкивали, приходилось платить.

В Кутаисе я выбрал для «экса» лучший в городе ювелирный магазин. Нас было двое, и мы могли справиться с этим делом. Пока один держит всех на мушке, другой забирает деньги и самые ценные украшения. Извозчик у нас был посторонний. Мы наняли его, велели остановиться у магазина и ждать. Когда мы выбежали из магазина с револьверами в руках, он понял, в чем дело, но покорно отвез нас туда, куда было велено. Во время «экса» мы были одеты городскими франтами, а после в укромном месте переоделись в крестьянскую одежду и беспрепятственно уехали в Тифлис. Полиция на вокзальной площади и на самом вокзале присматривалась к молодым франтам. До двух крестьян в пыльных латаных чохах[52] и с такими же латаными хурджинами[53] полиции не было дела. Вот бы они удивились, если бы заглянули в наши хурджины. Вместо лепешек и сыра там лежали восемь тысяч рублей и тысяч на сорокпятьдесят драгоценностей. После этого случая я дал обещание не мелочиться, то есть всегда брать крупный куш. Риск одинаков, а пользы гораздо больше.

Сталин похвалил нас за наш «кутаисский рейд», так он назвал нашу поездку. Он вообще всех нас хвалил в те дни. Было видно, что он рад тому, как прошла демонстрация. Еще бы не радоваться – рабочий класс Кавказа поднял голову и заявил о себе как о силе, с которой нужно считаться. После демонстрации на многих тифлисских заводах и фабриках начало улучшаться положение рабочих. Хозяева немного повышали зарплату, улучшали условия, короче говоря, начали заигрывать с теми, кого они еще вчера за людей не считали. Это была капля в море, и совсем не того требовали мы, но все равно это был показатель того, что жизнь изменилась и уже ни один хозяин не позволит себе вытирать ноги о рабочих. Прозвучал первый звонок, предвестник Октябрьской революции.

Сталин сказал, что типографию пока решено устроить в Баку и что главной моей задачей теперь будет добыча средств для организации. Снабжение организации деньгами и оружием было поручено Сталину. Он отвечал за это.

– Надо подобрать боевую группу из четырех-пяти человек, – сказал мне Сталин. – Только будь осторожен, выбирай только тех, на кого можно полностью положиться. Ювелирный магазин – это хорошо, но в казначействе можно взять гораздо больше. А лучше всего брать не силой, а убеждением. Пусть сами буржуи дают.

– Как это? – изумился я. – Сами они разве дадут?

– Смотря как повести дело, – усмехнулся Иосиф. – Я давно думаю одну думу. Вот послушай. Можно обложить всех фабрикантов налогом на партийные нужды. Пусть сами финансируют свое уничтожение. Это будет справедливо, ведь их богатства созданы трудом рабочих. Согласен со мной?

[52] Чоха – верхняя мужская одежда из сукна, напоминающая черкеску.

[53] Хурджин – разновидность переметной сумы, состоящая из двух частей-мешков и носимая на плече.

– Я-то согласен, – ответил я, – но согласятся ли буржуи платить такой налог? Очень в этом сомневаюсь. Разве что если пообещать убить в случае неуплаты.

– Это не годится! – возразил Иосиф. – Если пригрозить убить, то фабрикант скорее наймет хорошую охрану, чем согласится платить нам. К тому же многие владельцы заводов живут не в Тифлисе, а в других городах. Их такими угрозами не испугать.

– Но зато в Тифлисе есть их управляющие!

– Что с того? Управляющий – наемный служащий, до него владельцу дела нет. Убьем одного, наймут другого, только и всего. Но у любого капиталиста, Камо, есть одно уязвимое место. Скажи мне, какое?

Иосиф испытующе посмотрел на меня. Я не понимал, к чему он клонит, и потому смолчал.

– Дело, Камо! – сказал Иосиф, когда понял, что ответа от меня не дождется. – Его дело – завод, фабрика, рудники. Дело в Петербург не увезешь, оно здесь – в Тифлисе. Любой капиталист готов на все ради того, чтобы его дело давало бы прибыль. Если мы пригрозим, что в случае неуплаты организуем на фабрике забастовку, владелец заплатит, еще как заплатит! Не «хочешь жить – плати», а «хочешь жить спокойно и получать прибыль – плати». Ты понял?

– Получается, что те, кто заплатит, смогут жить спокойно? – вслух подумал я. – Не боясь, что их рабочие забастуют? Но это же предательство интересов рабочего класса!

– Где ты увидел предательство? – изумился Иосиф. – В чем?

– В том, что мы не будем устраивать забастовки на тех предприятиях, владельцы которых согласятся нам заплатить. Выходит так, что они смогут делать с рабочими все, что угодно, не боясь забастовок!

– Ты такой же глупец, как и Бочоридзе![54] – с досадой сказал Иосиф. – Не понимаешь, что это всего лишь тактическая уловка, хитрость. Когда на поле боя войско отступает для того, чтобы завлечь врага в ловушку, это не трусость, а тактическая хитрость. Мы не станем предавать интересы рабочего класса. Как ты вообще мог такое подумать, Камо? Мы пойдем на хитрость. Пусть некоторое время капиталисты платят нам налог, а в нужный час забастуют все предприятия, начнется революция, которая сметет всех капиталистов к чертям! Но пока мы не можем с ними покончить, мы хотя бы их подоим. На благо революции. Ты вообще понимаешь, что такое «хорошо» и «плохо» с революционной точки зрения? Все, что идет революции на пользу – хорошо, все, что во вред, – плохо. Вот так, и никак иначе. Для подготовки революции нам нужны деньги, и не важно, как мы их добудем. Важно то, на что они пойдут. По сути дела, ты грабишь магазины, но разве тебя можно назвать грабителем? Ты сам считаешь себя грабителем?

– Нет, не считаю! – уверенно ответил я. – Я не грабитель, а абрек. Отнимаю у богатых и отдаю нуждающимся, себе ни копейки не беру.

– Вот! – обрадовался Иосиф. – В этом-то и дело! Подведу итог. Уплата налога не будет для капиталистов индульгенцией. Настанет час, и их предприятия забастуют. Кроме этого, каждому мы напомним, что пролетарии не скоты, а люди и относиться к ним надо по-человечески. Пусть не думают, что, покупая временное спокойствие, они могут творить все, что им вздумается. Что мы выиграем? Спокойное постоянное получение денег без риска. Когда ты идешь на «экс», ты не знаешь, чем он закончится и сколько тебе удастся взять. А налог можно рассчитать вперед и понимать, сколько мы получим в следующем месяце. Получается и спокойнее, и удобнее. Нам очень важно знать наперед, сколько мы сможем потратить, ведь любая забастовка обходится нам недешево.

– Почему – нам? – снова удивился я. – Это хозяевам она встает в копеечку, а нам-то что?

---

[54] Михаил (Михо) Захарьевич Бочоридзе (1873–1913) – грузинский революционер, большевик.

– Когда я смотрю на тебя, Камо, то иногда вижу взрослого мужчину, а иногда – ребенка, – просто и необидно сказал Иосиф. – Сейчас ты рассуждаешь, как ребенок. Подумай сам: а на что живут бастующие рабочие и их семьи? У пролетариев нет счетов в банках, и сбережения их, если они вообще имеются, весьма скромны. Хорошо, если на неделю хватит. А что дальше? От бедности снова совать шею в ярмо, так ничего и не добившись? Нет, Камо, если уж начинать дело, то нужно доводить его до конца. Бастовать нужно до тех пор, пока требования бастующих не будут удовлетворены. Мы помогаем бастующим, чтобы они не голодали. В августе прошлого года на помощь одним только рабочим железнодорожных мастерских мы потратили две с половиной тысячи рублей. Две с половиной, Камо! Только на железнодорожные мастерские! Забастовка – дорогое «удовольствие». Но толк был – пусть не наполовину, а на треть рабочим мастерских увеличили плату!

Подумав, я признал, что Сталин прав. Действительно, все, что идет делу на пользу, – хорошо.

– Я хочу поручить тебе организацию сбора «налога» с капиталистов, – сказал Сталин. – Работать будешь вместе с Бочоридзе. Он будет вести бухгалтерию. Церковники брали десятину, а мы станем брать пять или семь процентов от прибыли. Это немного. Для капиталиста проще заплатить, чем иметь неприятности. Но если обложить «налогом» весь Тифлис, то в сумме получится много. Что скажешь? По силам тебе такое дело?

– Мне по силам все, что поручит мне партия! – горячо ответил я.

– Вот и хорошо! – Иосиф похлопал меня по плечу. – «Эксами» тоже будешь заниматься, но уже по-крупному. Кое-какой опыт ты приобрел, пора начинать делать серьезные дела.

Я понял, что прежние поручения достать небольшие суммы денег были для меня испытанием и практикой. Серьезные дела – впереди.

В тот день я вернулся домой в столь радостном настроении, что тетка моя решила, будто я влюбился, и пристала ко мне с расспросами. Она уже не раз пыталась заводить со мной разговоры о женитьбе, нахваливала каких-то девушек из числа своих знакомых. Я на это всегда отвечал одно и то же: «Рано мне пока жениться». И в тот раз сказал то же самое. Об этом факте, не имеющем никакого исторического значения, я упоминаю только для того, чтобы перейти к нашему разговору с Иосифом о месте любви в жизни революционера. Кому-то это может показаться маловажным, но для девятнадцатилетнего юноши вопрос любви был очень и очень серьезным.

Любовь и революция

Этот разговор состоялся в мае 1901 года. Толчком к нему послужил трагический случай с одним нашим товарищем, членом партии. Он влюбился в дочь богатого авлабарского купца, та ответила ему взаимностью, но отец о бедном женихе и слышать не хотел. У него на примете был «достойный» жених, тоже купец, почти его ровесник. В отчаянии несчастная девушка отравилась, а ее возлюбленный повесился на следующий день после ее похорон. Этот случай наделал много шуму в городе, долго его обсуждали. Большинство сочувствовало несчастным влюбленным, но были и такие, кто их осуждал – вай-вай, причинили такое горе несчастному отцу, опозорили его. Даже от некоторых наших товарищей, тех, кто постарше, приходилось слышать: «Опозорила, нехорошо поступила». Я, когда так говорили, очень сердился. Как «опозорила»? Почему? Если бы тиран-отец не мешал счастью дочери, то она бы честь по чести вышла замуж за достойного, пусть и бедного человека и была бы с ним счастлива. Отец – виновник трагедии, и это он сам себя опозорил. Я очень болезненно воспринял эту трагедию, потому что сам вырос в доме отца-тирана. Среди тех, с кем я спорил, был и Михо Чодришвили[55]. Михо на меня за это обиделся. Сказал, что мне, совсем еще мальчишке, не годится спорить с пятидесятилетним, умудренным жизнью человеком. Однажды, когда мы со Сталиным встречались в мастерской Михо, Сталин спросил меня:

– Что это Михо на тебя так сердито смотрит? Чем ты его обидел?

Сталин всегда обращал внимание на отношения между товарищами. Если между ними были какие-то обиды, то он старался примирить их. Правило было такое – нас мало, мы делаем большое трудное дело и должны быть вместе, как пальцы в кулаке. Иначе нам дела не сделать.

Сейчас, когда самое трудное уже позади, я поражаюсь тому, что мы, коммунисты, смогли сделать. Начав с демонстраций и рабочих кружков, мы расшатали опоры самодержавия, свергли его и сумели отбить все империалистические атаки. Без хвастовства скажу – большое дело мы сделали. И если бы мы не были едины, ничего у нас не получилось бы.

– Поспорили мы немного, – сказал я, не желая тратить время на пустые разговоры, нам нужно было обсудить много дел.

Но от Сталина уклончивым ответом не отделаться. Если он спросил, значит, это для него важно. Я рассказал, в чем дело.

– Некому в этой истории сочувствовать, – неожиданно сказал Сталин. – Отец – бессердечный тиран, дочь – истеричная дура, наш товарищ – слабовольный трус. Никто из них не достоин сочувствия. Почему она не сбежала из отцовского дома с любимым мужчиной? Почему он ее не «украл»? Уехали бы из Тифлиса куда-нибудь и жили спокойно. А может, и уезжать не пришлось бы. Когда дочери из дома сбегают, отцы сразу как шелковые становятся, хоть веревки из них вей. Неужели отравиться лучше, чем сбежать с любимым? Или он ей этого не предлагал? Почему? А зачем он повесился?

– С горя, – сказал я.

– Трусость это! – жестко сказал Сталин. – Понимаю, горе, но если каждый с горя вешаться начнет, то скоро людей на свете не останется. У моей матери двое сыновей, моих старших братьев, умерли в младенчестве, это ли не горе? У каждого свое горе…

Я в этот момент вспомнил о моей несчастной матери.

– А о нашем деле он подумал? – продолжал Сталин. – Ему важное поручение дали – поддерживать связь с товарищами в Рустави и Телави. А он взял и повесился. Все равно, что дезертировал! Подумай и скажи, нужно ли ему сочувствовать?

---

[55] Чодришвили Михаил (Михо) Иосифович (1853–1929) – грузинский революционер. Столярная мастерская Чодришвили в Тбилиси многие годы служила конспиративной явкой.

– У него от любви рассудок помутился, – не сдавался я.

– Крепкий рассудок помутиться не может! – возразил Сталин и пристукнул кулаком по столу, давая понять, что этот разговор окончен, пора возвращаться к делам.

Когда с делами было закончено, я встал, чтобы уйти. Мне полагалось уходить первым..Сталин сделал мне знак, чтобы я остался[56], и попросил Михо принести вина, сказал, что в горле пересохло. Я догадался, что он хочет помирить нас с Михо. Так оно и было. Но оказалось, что у Сталина была еще одна цель – поговорить по душам со мной.

– Вот ты говоришь – от любви рассудок помутился, – вдруг начал он. – Такая любовь вредна. Любовь должна не с ума сводить, а сил человеку придавать. Вспомни Тариэла и Автандила[57]. Я так считаю, что революционеру лучше воздерживаться от любви, чтобы все силы отдавать нашему общему делу. Семьями лучше обзаводиться после того, как будет свергнуто самодержавие. Пока что лучше быть без семьи, революционеру так лучше. Легче идти на риск, когда знаешь, что ты один и в случае чего твоя гибель никого не осиротит. Опять же – какая семейная жизнь может быть у революционера, который то на нелегальном положении, то в тюрьме, то в ссылке? Так, одно название. Мы ведем борьбу, считай, что мы – мобилизованные солдаты революции. Солдаты не берут с собой на войну жен и детей и не женятся во время службы. Правда, есть одно исключение: если революционер полюбит революционерку, которая живет той же жизнью, что и он, то им можно и не дожидаться свержения самодержавия. Так что, Камо, у тебя два пути – или влюбляйся в революционерку, или подожди пока влюбляться.

Сталин улыбнулся и подмигнул мне, а потом снова стал серьезным и сказал:

– Попроси у товарищей «Что делать?» Чернышевского. Хорошая книга. («Хорошая» означало «полезная для дела, для воспитания революционного коммунистического характера».) Прочитай и скажи свое мнение.

Я слышал об этой книге, только руки все никак не доходили до чтения книг. Дел было много, а в свободное время я читал нелегальные газеты, чтобы разбираться в политической обстановке. Этого требовал, вернее, к этому приучил меня Сталин. Он говорил, что человек, интересующийся только тем, что происходит в его городе, похож на курицу, никогда не покидающую курятника. Поскольку в училище я учился плохо, мне не хватало самых элементарных знаний – по истории, по географии. Какое-то время я мучился-мучился, пытался заниматься самообразованием, но скоро понял, что так ничего не добьюсь, мне нужен учитель. Товарищи познакомили меня с одной девушкой, учительницей, тоже членом партии, товарищем Татьяной. Она сильно мне помогла. Красивая, молодая, но держалась очень строго и заставила меня сделать то, чего сам я не мог сделать – заниматься регулярно. Бывало, приду домой под утро, ноги не держат, глаза слипаются, все мечты о том, чтобы лечь спать. Но только подумаю, что товарищ Татьяна станет сердиться и ругать меня за невыученный урок, и сон сразу проходит – начинаю учить.

«Что делать?» я прочел запоем. Хорошая книга, другой бы Сталин мне не посоветовал. На всю жизнь запомнил я слова Рахметова: «Такие люди, как я, не имеют права связывать чьюнибудь судьбу с своею… я должен подавить в себе любовь… я не должен любить…» Для себя я решил, что до нашей победы любви для меня не существует, и правильно сделал. Женись я до революции, никакого счастья своей жене не доставил бы, одно только горе. Трудно было следовать этому решению, но я ему следовал неукоснительно. Иногда самого себя за горло брать приходилось, чтобы не сорваться. Но я справился.

Со Сталиным мы потом обсудили «Что делать?» и выяснили, что понимаем эту книгу одинаково. Признаться, я был удивлен, когда в 1906 году узнал о женитьбе Сталина на Като

---

[56] По правилам конспирации после встреч и собраний расходились не все сразу, а уходили поодиночке, с некоторым интервалом.

[57] Тариэл и Автандил – главные герои поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой (барсовой) шкуре».

Сванидзе[58]. Только уже после смерти Като мне рассказали, что она тоже состояла в нашей организации, но была очень законспирирована. Она ходила по богатым домам, брала белье в стирку, выполняла заказы на шитье и попутно занималась сбором нужных для организации сведений.

[58] Екатерина (Като) Семёновна Сванидзе (1885–1907) – первая жена И.В. Сталина, мать его старшего сына Якова. Умерла от туберкулеза через полтора года после выхода замуж.

Налог с капиталистов

Для того чтобы иметь возможность встречаться лично с владельцами и управляющими предприятий, к которым абы кого не пускали, я решил представиться служащим Тифлисского коммерческого банка. Назвался «Симоном Ашотовичем Гаспаровым», купил солидный портфель и научился с ним элегантно ходить[59]. Перед встречами я наклеивал пышные усы. Они придавали мне солидности, старили меня и немного изменяли мою внешность.

Для начала я решил наведаться на табачную фабрику Бозарджянца и сыновей на Ольгинской улице. Подкатил на извозчике, дал швейцару вместе с визитной карточкой полтинник и сказал, что у меня есть выгодное деловое предложение к хозяину. Меня тут же провели к старшему брату – Ивану Николаевичу. Обстановка в его кабинете была такой роскошной, что я решил – не семь, а десять процентов пусть платит! Видно же, что в золоте купается. Муж моей тетки был богатым человеком и умел пустить пыль в глаза, но в его доме такой роскоши не было.

Бозарджянц держался так важно, будто был кавказским наместником. Указал мне рукой на стул и уставился на меня выжидательно – говори, что у тебя за выгодное дело.

Я подготовился, прежде чем наносить визит. Узнал у Бочоридзе, сколько человек работает на фабрике Бозарджянцев, какой примерно доход дает фабрика и торговля в двух собственных магазинах. Полученные сведения я «проверил» у теткиного мужа. Того хлебом не корми, дай только посплетничать о том, кто сколько стоит и кто какой доход имеет. Я в разговоре мимоходом сказал, что очень уж много развелось в Тифлисе табачных фабрик (их на тот момент было шесть), наверное, они мешают друг другу. В ответ услышал все, что мне было нужно. То, что сказал Бочоридзе, и то, что я узнал у Бахчиева, примерно совпало.

Бозарджянц на меня смотрел, а я на него и тоже молчал, присматривался к нему, чтобы понять, как следует повести разговор. Он не выдержал и первый заговорил.

– Ну! – грубо сказал он. – Говорите же, что у вас за предложение! Время дорого!

Меня это «ну!» сильно задело.

– Есть кое-что, что дороже времени, – таким же грубым тоном сказал ему я. – Это спокойствие. Когда у человека на душе спокойно, это дороже всего.

– Вы что, шантажировать меня пришли?! – «догадался» Бозарджянц. – Если так, то убирайтесь вон, пока я полицию не позвал!

– Не шантажировать, – говорю я, – а предложить. Фабрика у вас большая, почти триста человек на ней работает. Доход она приносит хороший. Если рабочие забастуют, убыток тоже будет хороший…

Он мне снова:

– Так вы все-таки шантажист! Вон!

Когда Сталин мне про работу в кружках разъяснял, он среди прочего сказал и о том, что с каждым человеком надо говорить на его языке. Не в том смысле, что с армянином на армянском, а с грузином на грузинском, а в том, что с простым человеком нужно говорить попростому, так, чтобы он тебя понимал. Я этот совет понял в более широком смысле. Ты мне «ну!» говоришь и вон гонишь? Получи то же самое и с процентами!

– Заткнись! – рявкнул я и хватил кулаком по столу так, что крышка на чернильнице подскочила. – Заткнись и выслушай меня до конца!

Он к такому обращению не привык. Как же – хозяин, богач, старший сын. Если только отец мог на него голос поднять, и больше никто. Опешил, умолк, сидит и глаза на меня пучит. На шум кто-то заглянул в кабинет, но Бозарджянц только бровью повел, и дверь закрылась.

[59] В дореволюционное время у портфелей не было ручек, их носили под мышкой.

Ай, думаю про себя, молодец ты, Симон-джан, правильно разговор продолжил. С такими так и надо. Я потом не раз этот способ использовал в общении с буржуями. Как начинают грубить и орать, я им еще большую грубость в ответ. Всегда срабатывало.

– Хочешь, чтобы фабрика работала без забастовок, плати нам каждый месяц десять процентов от прибыли, вот такое у меня предложение, – говорю ему. – Очень выгодное.

Иосиф сказал, что в случае отказа нужно сразу же устраивать показательную забастовку, иначе нас всерьез воспринимать не будут. На фабрике Бозарджянцев забастовку устроить было так же просто, как яблоко съесть, потому что они своих работников штрафами замучили крупными. Опоздал – штраф, заболел и на работу не вышел – тоже штраф. Если кто-то из их рабочих заболевал, то жена сначала на фабрику бежала, мастеру сообщить, чтобы штраф за прогул не выписывал, а после уже за доктором. Говорили, что штрафы у Бозарджянцев отдельной статьей дохода в бухгалтерии значатся. У других табачных фабрикантов посвободнее было, а Галегов, например, вообще никого не штрафовал. Но у него и фабрика была маленькая, одно название, две дюжины работников всего. Там и отношения были свойские.

– Позвольте узнать, – уже вежливо спросил Бозарджянц, – а кому это «вам»?

Я ему так же вежливо ответил:

– Если вы подумаете как следует, то сами ответите на свой вопрос. 22 апреля вы в городе были или уезжали куда-то?

Он все понял. Дернул себя за ус и говорит:

– Десять – это много. Могу дать три процента.

У меня чуть сердце не остановилось от радости. Получилось! Все получилось! Раз торговаться начал, значит, все понял. И десять процентов я правильно назвал. Должен же быть запас для торга, с этой публикой без торга ни о чем не договоришься.

Сторговались мы на семи процентах. Первый взнос мне Бозарджянц прямо сразу и сделал.

– Расписку напишите, пожалуйста, – попросил.

– Мы расписок не пишем, – ответил я. – В нашей среде людям принято на слово верить. Да и что вам даст моя расписка? Вы с ней что, к мировому пойдете?

Мы после долго с товарищами смеялись над этой распиской. Сами друг над дружкой тоже стали подшучивать: «Напиши-ка мне расписочку».

От Бозарджянца я поехал к другому крупному табакопромышленнику – Сафарову. Того в конторе не оказалось – приболел. Ничего, подумал я, дома еще удобнее разговаривать, и поехал к нему домой на Гановскую. Решил, что если он серьезно болен, так не примет меня, а если накануне вина перепил, то можно и поговорить, ничего страшного.

Моя догадка оказалась верной. По опухшей физиономии Сафарова было видно, что накануне он хорошо кутил. Принял меня в халате, на столе – графин с коньяком, абрикосы сушеные, изюм. Мне первым делом коньяку предложил. Я пожелал ему здоровья, выпил и сказал, зачем пришел.

– Это вы напрасно, – спокойно сказал мне Сафаров. – Мои рабочие не бастуют. Я плачу им хорошо, рабочий день у меня короче, чем на других фабриках, штрафов нет, обращение вежливое. Люди всем довольны, живут, словно в раю, а довольного работника даже силой бастовать не заставишь.

У него на фабрике условия действительно были чуть лучше, чем на других, но райскими их назвать было нельзя. Какой там рай! Скорее каторга.

Я распрощался и ушел. На следующий день мы начали готовить забастовку у Сафарова. Начали ее в понедельник. Небольшая часть работников выходила на работу, но большинство не работали, фабрика встала. Требований было два – увеличить плату на треть и сократить рабочий день на час. Сафаров бегал по фабрике, кричал, что у него и без того самые лучшие условия в Тифлисе и что он знает, почему на самом деле началась забастовка, но это не помогло

– забастовка продолжалась. Рабочие, поддерживаемые нашей организацией, были настроены решительно. Удивительно, но даже полиция была на нашей стороне не на словах, а на деле. От наших осведомителей нам стало известно, что полицмейстер пригласил Сафарова к себе и устроил ему выволочку за то, что он сейчас, в такое трудное время, то есть сразу же после демонстрации 22 апреля, озлобляет рабочих. Власти, напуганные тем, как мы выступили в тот день, боялись худшего.

Сам найти меня Сафаров не мог, а я намеренно не торопился с ним встречаться, отложил это дело до пятницы, чтобы упрямый фабрикант успел бы «созреть» для повторного разговора. В пятницу с утра я приехал к нему в контору.

– Это настоящий разбой, но я вынужден согласиться! – сказал Сафаров. – Вы выкручиваете мне руки. Но принять ваши условия я не могу. Десять процентов это очень много!

– Вы примете не только наши условия, но и условия ваших рабочих! – ответил я. – Сами виноваты, можно было бы не доводить до забастовки. И скажите спасибо, что мы теперь не требуем пятнадцать процентов.

Если уж говорить честно, то Сафаров заслуживал скидки, а не надбавки. Его пример убедил других, что с нами лучше не спорить. Он повсюду рассказывал, что к нему приходил «человек от социалистов», то есть делал нам рекламу. Новость мгновенно разнеслась по городу, и те, к кому я приходил после Сафарова, обычно сразу же соглашались. Мало кого приходилось вразумлять при помощи забастовок.

Окончательный итог торга с Сафаровым был таким – ежемесячно десять процентов от прибыли он платит нам, плату рабочим повышает на двадцать процентов, а рабочий день сокращает на полчаса. В субботу фабрика возобновила работу.

Налог с буржуев был для партии хорошим подспорьем. Со временем наши товарищи стали собирать его по всей империи, но начало было положено в Тифлисе, и эта идея принадлежала Сталину. Об этом сейчас никто не вспоминает, а я считаю своим долгом напомнить. И делаю это не потому, чтобы сказать: «Я тоже к этому причастен», – а для того чтобы показать, сколько ценного сделал для победы революции товарищ Сталин.

Полностью весь Тифлис обложить налогом нам не удалось, но большинство промышленников регулярно пополняли партийную кассу. Мне нравилась ирония, проступающая во всем этом – выходило так, что буржуазия сама оплачивала подготовку к ее свержению.

Капиталист – это капиталист. Если появляется возможность навредить конкуренту, капиталист непременно попытается ее использовать. Меня и других наших товарищей буржуи не раз пытались натравить на конкурентов.

– Сколько стоит устроить забастовку у моего конкурента? – спрашивали они.

Я отвечал, что мы такими вещами не занимаемся. Некоторые понимали сразу, некоторые думали, что я набиваю себе цену и пытались соблазнить меня высокой платой, но я все равно отказывался. Одно дело – облагать буржуев налогом на нужды партии, и совсем другое – продаваться им, превращаться в их наемника. Как бы я тогда мог смотреть в глаза товарищам, и прежде всего Иосифу, который поручил мне это дело? Кто хоть раз подведет Иосифа, тот перестанет для него существовать.

Но мы защищали тех, кто нам исправно платил, от уголовников. В случае ограбления или чего-то подобного мы по своим каналам старались найти виновных и убеждали (или принуждали) их вернуть похищенное. Эта помощь давала нам дополнительный доход, обычно треть от похищенного.

Среди буржуазии были и такие, кто добровольно предлагал нам помощь. Этим казалось, что они поступают предусмотрительно, обеспечивая себе снисхождение после победы революции. Будучи не в состоянии понять всю глубину марксистского учения, они не осознавали того, что никакого снисхождения им быть не может, ведь главное положение марксизма – это уничтожение частной собственности на средства производства. Буржуазия не может купить

себе индульгенцию у пролетариата, потому что победа пролетариата означает гибель буржуазии. Или так, или этак, третьего не дано.

Вспоминаю такой разговор. Однажды, когда мы совещались втроем – Сталин, Бочоридзе и я, Бочоридзе вдруг спросил у Сталина:

– Если кто-то из наших «клиентов» (так он называл тех, кто платил нам налог) щедро жертвует на благотворительность, то ему, наверное, можно снизить налог? Если, конечно, он настоящий благотворитель, если на нужды бедных деньги дает, а не на устройство балов.

– Что ты говоришь, Михо? – удивился Сталин. – Вот уж не ожидал услышать от тебя такое. Какая связь между благотворительностью и нашим делом? И что такое эта благотворительность? Сначала наживут, то есть, по сути, отберут у бедных миллионы, потом дадут две-три тысячи на благотворительность и думают, что этим вернули долг? Я, Михо, такой «благотворительности» не признаю! Партия наша ее не признает. Думаешь о бедных? Душой за них болеешь? Отдай тогда свою фабрику рабочим, пускай они на ней хозяйничают. Землю в имении крестьянам отдай! Вот это будет единственно верная благотворительность! А все остальное – так, пустой звон. Из рога море не наполнить и несколькими тысячами рублей положение народа не улучшить. Учти еще, что благотворительностью капиталисты занимаются тоже ради выгоды. Они без выгоды ничего не делают. Даст деньги на строительство богадельни или больницы, а сам себе за это выторгует у управы хороший участок земли на очень выгодных условиях. Эх, Михо, удивил ты меня, сильно удивил!

«Удивил» прозвучало как «разочаровал». Бочоридзе покраснел. Наверное, испугался, что Сталин сочтет его политически малограмотным и идейно незрелым. На самом деле с грамотностью и зрелостью у товарища Бочоридзе все было в порядке, иначе партия не поручала бы ему таких важных дел. Вопрос был вызван обостренным чувством справедливости. Такой уж у Бочоридзе характер. Он даже по отношению к буржуазии хочет соблюдать справедливость, несмотря на то что справедливость тут может быть одна и называется она «классовая борьба». Единственная справедливость, которую пролетариат может проявить к буржуазии, так это уничтожить ее как класс. В этом заключается классовая историческая справедливость.

О нас, коммунистах, каких только небылиц не рассказывали и не рассказывают до сих пор. В буржуазной прессе нас не раз пытались выставить банальными грабителями, преступниками. Но мне лично известен только один случай, когда член тифлисской организации опустился до уголовщины. То был один из моих боевиков, можно сказать, что мой воспитанник, Мкртич Погосов. В 1907 году он в компании с несколькими уголовниками похитил сына тифлисского миллионщика Арамянца. После того как выкуп был получен, уголовники убили Мкртича, чтобы с ним не делиться. Этот случай получил широкую огласку в партийных кругах. Мне крепко досталось за Мкртича, ведь это я привел его в организацию. Поделом досталось, ничего сказать не могу, заслужил.

Сталин в Батуме

В конце 1901 года Иосиф был направлен в Батум. Тифлисский комитет поручил ему формирование батумской организации. В Батуме были наши товарищи, но они действовали разобщенно и, как выяснилось позже, имели плохое представление о конспирации. Тон задавали националисты-меньшевики.

На Кавказе националисты пользовались определенной популярностью. Отсталым массам национализм представлялся борьбой за свободу, даже борьбой с царизмом, хотя на самом деле он представляет собой борьбу против имперской буржуазии за интересы буржуазии национальной. Национализм не отменяет эксплуатации. Какая радость в том, что тебя теперь эксплуатирует не русский или немецкий капиталист, а соотечественник? Сущность эксплуатации остается той же самой. Зачастую соотечественник эксплуатирует соотечественника еще сильнее. Но для незрелых умов национализм имеет определенную привлекательность. Красивые слова, игра на национальных чувствах и тому подобное дают свои плоды. Цари прекрасно это понимали и потому искусно разжигали межнациональную рознь, следуя римскому принципу «разделяй и властвуй». В отличие от нас, марксистов, националисты пользовались расположением буржуазии, которая всячески их поддерживала, причем не по принуждению, а по доброй воле. Приведу только один пример, чтобы не отвлекаться от своего рассказа. В 1904 году миллионщик Манташев дал дашнакам[60] ни много ни мало, а целый миллион рублей. И таких примеров было много.

Батум, как крупный порт, был очень важен для нашего дела. Для капиталистов порт тоже было очень важен, так как через него шла за границу бакинская нефть[61]. Помимо формирования батумской организации, Иосиф должен был создать крепкую, надежную ячейку в порту. Порт был первоочередной целью. Работа в порту осложнялась тем, что там было огромное количество соглядатаев всех мастей. Доверенные от владельцев грузов присматривали за тем, чтобы грузы не расхищались со складов, таможенники следили за тем, чтобы никто не провозил контрабанду, жандармское управление совало свой длинный нос повсюду, но наибольшее внимание уделялось тому, чтобы никто не мог бежать за границу на одном из кораблей или же нелегально попасть в Россию из-за границы. Кроме того, в порту промышляли несколько крупных воровских шаек, а среди уголовных каждый второй был полицейским агентом. Уголовные знали, что за помощь в борьбе с политическими можно купить себе у полиции отпущение грехов. Вот яркий пример – во время торжеств, сопровождаемых приездом высокопоставленных особ из Петербурга, тифлисский полицмейстер заключал с главарями карманников негласное соглашение. Он позволял ворам безнаказанно шарить по карманам во время торжеств, а воры взамен выполняли роль шпиков, следили за всеми, кто казался им подозрительным – вдруг он бомбу хочет бросить или прокламации. Очень показательный пример, который историкам надо будет включить в учебники, чтобы будущие поколения хорошо понимали, что представляла собой царская буржуазная полиция. Работать в порту было очень сложно, помощников в Батуме было мало, но Иосиф не только создал в порту крепкую ячейку, но и добился того, чтобы портовых рабочих не заставляли работать по воскресеньям[62]. В мусульманской Аджа-

---

[60] Дашнаки – члены армянской политической партии «Дашнакцутюн» (полное название – Армянская революционная федерация «Дашнакцутюн»), созданной в 1890 году в Тифлисе. Большевики считали «Дашнакцутюн» буржуазно-националистической, контрреволюционной партией. «Дашнакцутюн» являлась правящей партией в Республике Армения в 1918–1920 годах.

[61] Батумский порт в то время являлся единственным черноморским портом, через который осуществлялся экспорт бакинской (каспийской) нефти.

[62] 2 июня 1897 года в Российской империи был издан закон «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности», запрещавший работать в воскресенье и праздничные дни. Закон не

рии[63] хозяева очень ловко манипулировали законом 97-го года в своих интересах. На деле же рабочим в порту приходилось работать без выходных.

Я в тот период был связным между Тифлисом и Батумом и часто встречался с Иосифом. Я видел, как ему тяжело приходится. Он похудел, глаза вечно были красными от недосыпания, но держался он бодро и в каждый мой приезд интересовался: не нужна ли тифлисским товарищам какая-нибудь помощь?

Партия в то время еще не разделилась на две части – настоящую, боевую, коммунистическую, большевистскую и соглашательскую, предательскую, меньшевистскую[64]. В Батуме среди рабочих активно вели разлагающую работу такие «социалисты», как Чхеидзе («Карло»)[65] и Рамишвили[66], которые только на словах назывались «социалистами», а на деле являлись пособниками буржуазии. Чхеидзе показал свое лицо в 1917 году, когда начал сотрудничать с буржуазным Временным правительством, а потом открыто выступил против большевиков[67]. Я сильно жалею о том, что Чхеидзе удалось бежать за границу. Его надо было судить большевистским судом, чтобы показать на его примере народу всю гнилую буржуазную сущность меньшевизма. Меньшевики умели складно говорить, но не умели делать ничего полезного для народа.

Приехав в Батум, Иосиф сразу обозначил, с кем он собирается иметь дело. Он устроился конторщиком на склад керосинового завода Ротшильда и поселился в рабочем районе на квартире нашего тифлисского товарища Коции Канделаки[68], которого за революционную деятельность выслали из Тифлиса в Батум.

Сталин сказал однажды:

– Самодержавие подобно глупцу, который дует на горящий костер, чтобы его потушить. На самом деле от этого только искры кругом разносятся и горит уже во многих местах, а не в одном. Высылая революционеров в глухие уголки империи, власти способствуют распространению революционного пожара.

За высылку в Батум такого товарища, как Коция, полиции можно было только спасибо сказать. Коция стал правой рукой Иосифа, его верным помощником. О Канделаки я непременно должен сказать, чтобы люди знали правду о нем. Теперь, после того как революция победила, уже можно говорить правду о наших товарищах, которые работали во вражеском стане. Канделаки считали меньшевиком, он избирался в буржуазную Государственную думу, но на самом деле он оставался и остается большевиком. Партия поручила ему работу в меньшевистской среде, и Канделаки добросовестно исполнял это поручение. Настолько добросовестно исполнял, что некоторые чересчур горячие наши товарищи собирались его застрелить.

распространялся на те случаи, когда работа оплачивалась сдельно. По взаимному соглашению рабочие могли работать в воскресный день взамен будничного, эта оговорка была сделана с учетом потребностей работников иных, нехристианских, вероисповеданий, которым был нужен выходной в другие дни недели (мусульманам – в пятницу, иудеям – в субботу).

[63] С 70-х годов XVI века по 1878 год Аджария находилась в составе Османской империи, ввиду чего там широко распространился ислам. До 1926 года аджарцев официально называли «грузины-мусульмане».

[64] Раскол Российской социал-демократической рабочей партии на фракции «большевиков» и «меньшевиков» произошел в августе 1903 года на II съезде РСДРП, на котором большевики получили большинство на выборах в Центральный комитет.

[65] Николай («Карло») Семёнович Чхеидзе (1864–1926) – грузинский социал-демократ, меньшевик, политический деятель.

[66] Исидор Иванович Рамишвили (1859–1937) – грузинский социал-демократ, меньшевик.

[67] В марте 1917 года Николай Чхеидзе вошел в состав Временного исполкома Петроградского Совета рабочих депутатов и был избран его председателем. Также он стал членом Временного комитета Государственной думы. После июльской демонстрации 1917 года Чхеидзе выступил против большевиков и заявил о полной поддержке Советами Временного правительства. После принятия Петроградским Советом большевистской резолюции «О власти» Чхеидзе сложил свои полномочия вместе со всем эсеро-меньшевистским президиумом Петроградского Совета в знак протеста. Вместо него председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов стал Лев Троцкий. Чхеидзе уехал в Грузию, где в 1918 году стал председателем Закавказского сейма и Учредительного собрания Грузии. После победы советской власти в Грузии (февраль 1921 года) эмигрировал во Францию, где стал главой грузинского правительства в изгнании.

[68] Константин (Коция) Ефимович Канделаки (1879–1938) – грузинский социал-демократ, депутат Государственной думы II созыва от Батумской области и Сухумского округа.

До приезда Иосифа в Батуме не было ни одного рабочего кружка. С помощью Коции Иосиф за два месяца создал одиннадцать кружков. Одиннадцать кружков, товарищи! Если кому-то из вас эта цифра покажется небольшой, учтите, что дело делалось в очень сложных условиях. Новое место, незнакомый город, отсутствие поддержки местных товарищей (их самих для начала следовало поддержать, то есть организовать в сплоченную организацию), разгул полицейского террора, незрелые рабочие массы. Не прошло четверти века, как Батум присоединился к России, рабочие массы в большинстве своем были отсталыми. Чхеидзе однажды сказал: «Как можно работать с таким несознательным народом?» – и тут же получил ответ от Сталина: «С несознательным народом нужно работать! Нужно просвещать народ, способствовать росту его революционного сознания!»

«К нам из Тифлиса приехал Учитель», – радовались рабочие. Они так и звали Иосифа – Масцавлебели[69]. Рабочие сразу к нему потянулись, поверили ему, потому что увидели в нем своего, увидели товарища, который полностью разделяет их чаяния и надежды. Меньшевики говорили: «Не бунтуйте, не злите своих хозяев, помните, что рабочих много, а рабочих мест мало. Хозяева выбросят вас вон и наймут других, покладистых, покорных. Поэтому вам надо договариваться с хозяевами миром, по-хорошему». Как «по-хорошему» можно договориться с капиталистом? Рабочие просят увеличить плату, капиталист говорит «нет», вот и весь разговор. Чтобы капиталист пошел на уступки себе в убыток, его надо взять за горло, так взять, чтобы он вздохнуть не мог. Этому учит партия, этому учил рабочих Сталин.

В конце декабря 1901 года на складе керосинового завода произошел пожар. Ротшильд мог за час лишиться своего завода. Представьте пожар там, где кругом горючее – нефть, керосин. Но рабочие самоотверженно потушили пожар, спасли завод. «Проявили себя зачатки революционного сознания, – сказал об этом Иосиф. – Они не Ротшильда завод спасали, а свой. В глубине души каждый рабочий понимает, что заводы должны принадлежать тем, кто на них работает. Надо укрепить это сознание, сделать его определяющим».

Рабочие закономерно ожидали, что участие в тушении пожара на складе будет им оплачено дополнительно. Никто же из них не нанимался тушить пожары, для этого существовала особая пожарная команда, которая со своей задачей не справилась. Но заводская администрация отказалась платить. Ответ был такой: «Вы не нанимались тушить пожар, а мы не обязывались оплачивать вам это». Если бы на заводе не было Иосифа, на том бы дело и закончилось. Но Иосиф придал рабочему протесту организованный характер. Когда администрация поняла, что вот-вот завод встанет, то выплатила по 2 рубля каждому, кто тушил пожар. Это была не просто победа, это была первая победа батумского рабочего класса, победа, которая окрылила рабочих, придала им уверенности, показала, как нужно бороться за свои права.

Когда в январе 1902 года на жестяночном заводе Манташева администрация попробовала уволить нескольких рабочих, недовольных условиями труда (если бы ад существовал, то в аду было бы лучше, чем на этом заводе), сразу же началась забастовка, первая настоящая забастовка в Батуме. Она длилась три недели и закончилась победой рабочих. Пускай их требования были выполнены не полностью, но все же администрация пошла на уступки. Забастовку организовал Иосиф, и он же организовал помощь бастующим рабочим. Заодно была подготовлена первая в Батуме боевая рабочая дружина. Мне в те дни приходилось бывать в Батуме по два раза на неделе – то деньги привозил, то оружие, то литературу. Нелегальная типография в Батуме заработала в середине февраля[70], а до тех пор прокламации и газеты приходилось возить из Тифлиса. Газеты и после возили, потому что в Батуме печатались только листовки. Сталин мечтал о том, чтобы иметь в Батуме большую подпольную типографию, которая печа-

[69] Учитель (*груз.*).

[70] Камо из присущей ему скромности умолчал о том, что типография в Батуме появилась при его активном содействии. Именно он организовал доставку из Тифлиса печатного станка и шрифта. *(Примечание И. Г. Капанадзе.)*

тала бы прокламации не только на русском, армянском и грузинском, но и на французском, турецком, английском языках. Сталину присущ широкий взгляд на дело. Он видит перспективу, учитывает все имеющиеся возможности. Организуя рабочих в порту, Сталин сразу же оценил возможности порта в деле революционной агитации иностранных моряков, которых в Батуме было много.

Кутаисский[71] военный губернатор генерал Смагин действовал весьма умно. Одной рукой он натравливал на наших товарищей полицию, а другой пытался заигрывать с рабочими. Когда в конце февраля на керосиновом заводе Ротшильда началась забастовка, вызванная тем, что администрация собралась уволить половину рабочих, Смагин прислал в Батум своего представителя – полковника Дрягина. Этим Смагин хотел обмануть рабочих, хотел показать им, что якобы придает значение их протесту и хочет лично разобраться в происходящем, чтобы восстановить справедливость. Несознательные рабочие, подстрекаемые, с одной стороны, полицейскими провокаторами, а с другой – такими «социалистами», как Чхеидзе, говорили: «Мы добились своего, губернатор обратил на нас свое внимание, теперь нас не уволят». Иосиф и верные нашему делу товарищи объясняли, что приезд представителя губернатора всего лишь ловкий ход, при помощи которого власти и администрация хотят обмануть бастующих. Иосиф не раз выступал перед бастующими, я присутствовал на одном из его выступлений.

Он говорил:

– Вы – люди, граждане! У вас есть права! Нельзя позволять обращаться с собой, как с овцами! Захотел управляющий – принял четыреста человек, захотел – выгнал. Управляющий и его прихвостни не бедствуют, их семьи не голодают, а до того, что будете есть вы и ваши дети, им дела нет! Они не хотят оплачивать вам время простоя, которое возникает не по вашей вине, вот и делают так – то увольняют, то нанимают обратно. Не сдавайтесь, товарищи! Раз начали, так идите до конца! Требуйте вернуть на завод всех уволенных, полностью заплатить им за те дни, когда они не работали, и заплатить вам за все дни забастовки как за рабочие! Сегодня заводские лошади не работают, но их же кормят! Неужели вы, люди, не заслуживаете того же отношения, что и лошади? Требуйте оплаты, товарищи! Начальство боится вас, и потому оно вам заплатит!

Полковник Дрягин пытался устроить встречу представителей рабочих с фабричным инспектором, но Иосиф объяснил, что встреча эта ни к чему хорошему не приведет. В лучшем случае рабочих в очередной раз будут пытаться обмануть, а в худшем – арестуют и отправят в тюрьму. Когда же в Батум приехал сам губернатор, на встречу с ним явилось не несколько представителей, а четыре сотни бастующих рабочих. Такую толпу не то чтобы арестовать, полиция близко к ней подойти боялась. Полицейские столпились вокруг губернатора, окружили его плотным кольцом.

– Смотрите! – крикнул кто-то из рабочих. – Полиция губернатора арестовала!

Все засмеялись. Губернатор побагровел от ярости.

Как и следовало ожидать, выслушав требования бастующих, губернатор нашел их противозаконными и потребовал немедленного возобновления работы. Все иллюзии несознательной части рабочих, все их надежды на «доброго» и «справедливого» губернатора тут же исчезли. На примере губернатора Иосиф объяснял рабочим, что никто из угнетателей, начиная с управляющего и заканчивая царем, не может быть «добрым» и «справедливым».

На следующий день после встречи с губернатором на Иосифа было совершено покушение. Вечером на улице кто-то дважды выстрелил ему в спину и убежал. Стрелком покушавшийся был неудачным. Обе пули пролетели мимо. Товарищи настаивали на том, чтобы выделить Иосифу охрану из членов боевой дружины, но Иосиф наотрез отказался.

[71] С 1883 по 1903 год Батумский уезд входил в состав Кутаисской губернии.

– Я не царь и не князь, чтобы ходить со свитой, – сказал он. – Лишние люди будут только привлекать ко мне внимание. Я сделал выводы и буду осторожнее.

Много позже, в январе 1906 года, в Метехах я случайно узнал, что покушение на Иосифа организовал жандармский ротмистр Джакели. Желая поскорее «навести порядок», как того требовал губернатор, он решил избавиться от Иосифа и поручил одному из своих негласных агентов по фамилии Чхиквадзе это черное дело. Но, к счастью, Чхиквадзе оказался кокаинистом. Перед тем как идти убивать Иосифа, он нанюхался кокаина, и оттого у него сильно тряслись руки, когда он стрелял. Об этом мне рассказал двоюродный брат Чхиквадзе, эсер. Сев писать, я не смог вспомнить фамилию брата, помню только имя – Георгий. Память у меня хорошая, но она подобна рачительному хозяину – нужное хранит, а ненужное выбрасывает, чтобы хлам не занимал места.

Все мы, кроме Иосифа, опасались повторных покушений, но, к счастью, их больше не было. Видимо, Джакели решил изменить тактику. Убить человека – означает сделать из него героя. Все преклоняются перед памятью павших в борьбе за правое дело, рассказывают о них легенды, стараются подражать им. Джакели захотел арестовать и сломить Иосифа, чтобы он не был героем в глазах народа. Гнида-ротмистр плохо понимал, с кем он имеет дело. Он мерил всех людей по своей гнилой мерке.

Полиция не знала, где живет Иосиф. Покушавшийся поджидал его возле завода. На время забастовки завод служил для рабочих местом сбора, где они обменивались новостями и слушали агитаторов. Передвигаясь по городу, Иосиф соблюдал множество предосторожностей. Я иногда сопровождал его, когда бывал в Батуме, и могу сказать, что выследить его было невозможно.

Для того чтобы сплотить батумский пролетариат и привлечь внимание всего Батума к забастовке на заводе Ротшильда, Иосиф организовал демонстрацию. Благодаря хорошей конспирации шествие рабочих по городу оказалось неожиданностью для полиции. Демонстрацию не разогнали, но уже ночью начались аресты. Полиция схватила тридцать человек, которых сочла зачинщиками беспорядков. Среди них были как активисты, так и просто бастующие рабочие. Утром следующего дня Иосиф повел бастующих рабочих к полицейскому управлению. Часть рабочих проявила трусость, но около пятисот человек пошло за Иосифом.

– Мы не уйдем, пока не отпустят наших товарищей! – кричали люди.

Прибывшая рота солдат окружила рабочих и отвела их в казармы пересыльного пункта, потому что в тюрьме для такого количества арестованных просто не было бы места. Для того чтобы одурачить народ, полиция пошла на «уступку». Тех, кто сидел в тюрьме, тоже отправили на пересыльный пункт. Для дураков это выглядело бы так, будто их «освободили». Только вот дураков к тому времени среди бастующих рабочих уже не оставалось.

Произошло то, что происходило не раз – действия властей лили воду на мельницу революции, разжигали народный протест все сильнее.

Вечером Сталин собрал всю созданную им батумскую организацию и предложил, чтобы завтра на улицу с требованием освобождения всех арестованных вышли не только рабочие завода Ротшильда, но и остальной батумский пролетариат. Предложение было горячо поддержано всеми. Я в эти дни был в Батуме, присутствовал на этом собрании и был очевидцем всех событий.

Утром следующего дня к пересыльному пункту пришли несколько тысяч человек. Арестованные охранялись большим количеством солдат (около роты), но, увидев, сколько народу явилось их освобождать, полковник Дрягин, бывший за главного как посланец губернатора, вызвал подкрепление. Когда подошла еще одна рота солдат, рабочие поняли, что их требования не будут выполнены, и встретили солдат булыжниками. В ответ солдаты начали стрелять

и убили около двадцати человек[72]. На помощь солдатам пришли казаки. Демонстрация была разогнана. Арестованных не отпустили, напротив, к ним еще добавили многих.

Тут же, пользуясь случаем, подняли голову меньшевики. То, что рабочий класс поверил Иосифу и пошел за ним, для Чхеидзе и Рамишвили было как кинжал в глотке. Они снова заговорили о том, что политическая борьба приводит к жертвам, а вот экономическая – к выгоде. Им активно помогал одурачивать народ тифлисский «социалист» Дато Хартишвили, который приехал помогать своим дружкам. Хартишвили был артист, каких мало. Язык у него был прекрасно подвешен, и врал он больше, чем все тифлисские свахи вместе взятые. Я слышал его выступления несколько раз. Если не разбираться в политике, если не понимать, что к чему, то, послушав Хартишвили, можно было поверить в то, что полицмейстер и начальник жандармского управления – это лучшие друзья рабочих. Очень опасный в смысле демагогии был человек, но разве мог он бороться с железной революционной логикой Иосифа?

Вот слова из речи Иосифа, сказанной им на похоронах погибших:

– Пролилась рабочая кровь, погибли наши товарищи, многие из них арестованы, но это не поражение. В политическом смысле мы одержали победу. Многие годы рабочие были слепыми, но теперь они прозрели и увидели, кто им друг, а кто враг! Теперь народ знает, с кем ему надо бороться, и понимает, что борьба эта должна быть решительной и беспощадной!

Борьба ушла в подполье, но не остановилась, а продолжалась. Завод Ротшильда по-прежнему бастовал. Иосиф готовил ответ властям, собирался отомстить им за смерть рабочих. В Батуме готовились к первомайской демонстрации. Тифлисская организация помогала батумской организации деньгами и оружием. В случае стрельбы по демонстрантам члены боевой дружины должны были стрелять в ответ.

– Не стреляйте в солдат! – говорил Иосиф. – Солдат – такой же рабочий или крестьянин, обманутый офицерами. В Российской империи нет никого бесправнее и угнетеннее солдата. Стреляйте в офицеров. Когда перебьете их всех, солдаты бросят оружие или же присоединятся к нам. Солдаты не враги вам, они ваши обманутые братья, они – часть народа. Ваши враги – офицеры и казаки.

В начале апреля Иосиф и Коция были арестованы после того, как у них на квартире состоялось собрание с представителями разных батумских заводов. Полиция нагрянула слишком поздно, все собравшиеся уже разошлись. В квартире кроме Иосифа и Коции были хозяин квартиры Дариспан Дарахвелидзе, преданный нашему делу человек, участник собрания, рабочий манташевского завода, и двоюродный брат Исидора Рамишвили Вано, гимназист 6-го класса, пришедший к Иосифу перед самым приходом полиции. Вано часто заходил к Иосифу, брал у него литературу, слушал его объяснения. То, что брат Вано был одним из главных батумских меньшевиков, для Иосифа значения не имело. Он оценивал человека по его делам, а не по его родственникам. Вано всерьез интересовался марксизмом, а Иосиф всегда старался найти время для работы с молодежью.

Считаю своей обязанностью сказать следующее. Приход Вано Рамишвили и то, что на следующий день после ареста он был отпущен полицией, многие товарищи истолковывали неверно. «Вано – предатель, это он выдал Иосифа и Коцию, – говорили они. – Привел полицию и зашел проверить – на месте ли они. Не был бы он предателем, его бы не отпустили».

Те, кто так думает, не правы. Разобью их доводы по порядку.

Первое – я хорошо знаю, как работала полиция. Если уж пришли, так сразу ворвутся. Зачем запускать Вано для «проверки», если в окнах горит свет и видно, что дома есть люди?

[72] В донесении в Департамент полиции начальника Кутаисского губернского жандармского управления генерал-майора Стопчанского приведены следующие цифры: убиты на месте 7 рабочих, вскоре скончались еще 5, ранены 19, из которых 3 смертельно. То есть в общей сложности погибли 15 демонстрантов.

Нет, полиция зашла бы в дом сразу же, схватила бы всех, устроила бы обыск и оставила засаду. Такая проверка не была нужна.

Второе – от Дариспана я знаю, что пристав, который возглавлял полицейских, несколько раз громко выругался: «Ах, опоздали мы, опоздали». Не доверять Дариспану я не могу, это проверенный человек. Если бы он был полицейским агентом, то выдал бы своих квартирантов полиции еще в декабре 1902 года, в самом начале их работы. Полиция хотела арестовать всех, кто был на собрании.

Третье – Вано отпустили, потому что его не в чем было обвинить. Он сказал, что зашел к Дариспану, чтобы купить у него немного контрабандного табака. С целью конспирации, для того чтобы объяснить соседям и вообще всем, почему к нему домой часто приходят разные мужчины, Дариспан притворялся, будто он торгует контрабандным табаком, который привозили из Турции. В Батуме контрабанда продавалась повсюду, и полиция закрывала на это глаза, потому что каждый контрабандист платил полиции дань. Платил и Дариспан. Покупка полфунта контрабандного табака – это не преступление. То, что Вано вместо мундира был в обычном костюме, тоже не преступление, а обычное дело. В Грузии почти никто из гимназистов старших классов вне стен гимназий мундиров не носил[73]. В том, что Вано и Дариспана на следующий день отпустили, нет ничего подозрительного. Дариспана за торговлю табаком пристав, прекрасно знавший об этом, «оштрафовал» на 50 рублей.

Повторю еще раз: то, что Вано является двоюродным братом Исидора Рамишвили, ни о чем не говорит. Я, например, сын купца Аршака Тер-Петросова, но у меня с моим отцом совершенно разные взгляды.

Арест Сталина был серьезным ударом по нашему делу. Серьезным, но несмертельным. Мы продолжали работать и работали еще активнее, чем раньше.

До своего ареста Сталин успел сделать самое важное. Он создал революционную организацию в Батуме, открыл рабочие кружки, сплотил рабочих и поднял их на борьбу. Начало было положено. Батум присоединился к революционному движению, охватившему весь Кавказ.

[73] Согласно правилам, принятым в дореволюционной России, учащиеся гимназий и училищ должны были ходить в форме не только на занятия, но и все остальное время.

Авлабарская типография

В 1902 году Тифлисская организация снова занялась устройством нелегальной типографии. Состоялось заседание Кавказского союзного комитета РСДРП, на котором присутствовал Сталин. Теперь к делу создания типографии подходили очень серьезно. Потребность в нелегальной литературе росла с каждым днем, впереди нас ждал новый этап борьбы, и типографию надо было устраивать основательно, так, чтобы полиция ее ни за что бы не обнаружила. Мы набирались опыта, и полицейские тоже его набирались. Все дворники в Тифлисе внимательно наблюдали за тем, что происходило в их домах. На заводах за порядком следила администрация и ее холуи. Доходило до смешного. Я к тому времени давно съехал от тетки, потому что продолжать жить у нее при моих делах было неудобно, и поселился на Черкезовской. В подвале нашего дома жил портной Давид, еврей. Помимо шитья Давид занимался и другими делами, которые на еврейский манер называл «гешефтом». Однажды он купил где-то по выгодной цене несколько мешков кукурузной муки для перепродажи. Спустя час после того, как в подвал к Давиду сгрузили муку, к нему нагрянула полиция и перевернула все вверх дном. Дворник увидел, как к Давиду таскают мешки, и полюбопытствовал, что в них. Те, кто таскал мешки, посоветовали дворнику заняться своими делами и не лезть в чужие. Дворник решил, что к Давиду привезли динамит, и побежал в участок. Вот до какого абсурда доходило. И такое творилось по всему городу, по всей империи.

Сталин сказал, что надо не искать подходящее помещение, а построить его с соблюдением всех правил конспирации. Частный дом на тихой улице, где-нибудь на отшибе – вот самый лучший выход. Пусть там поселится кто-то, не вызывающий подозрений у полиции, возможно даже не член партии, а кто-нибудь из сочувствующих. Обсудив предложение Сталина, товарищи его приняли и поручили это дело Михо Бочоридзе.

– Смотри, Михо, – поддевал его я, – в гору ты пошел, большим человеком стал – владельцем собственной типографии! А совсем недавно в кузне молотом махал!

Михо в молодости был кузнецом, потом выучился на бухгалтера, а теперь ему предстояло заведовать типографией.

– Да, вот так! – отвечал Михо. – А ты смотри и завидуй!

Шутки шутками, а дело надо было делать быстро. Сталин дал нам план типографии, он все продумывал до мелочей, прежде чем предложить. Одноэтажный дом, рядом – сарай, под домом в глубоком подвале – типография. Из дома хода в нее нет, полиция может хоть в прямом смысле землю носом рыть и ничего не обнаружит. Под домом – обычный подвал, тот подвал, в котором находилась вторая типография, был вторым. Войти в него можно было через сарай, в котором был устроен колодец. Заглянешь в колодец – увидишь воду. Но сверху не видно, что чуть выше уровня воды вбок отходит лаз, по которому можно было бы проникнуть в типографию. Забегая вперед, скажу, что полиция ни за что не обнаружила бы типографию, если бы не предатель.

План, который мы получили от Сталина, был готовым руководством для строительства. Позже я спросил, кто начертил план. Я думал, что это сделал какой-то инженер.

– Я начертил, – ответил Сталин. – Разве кому-то другому можно поручить такое дело?

Я удивился, оказывается, он и в инженерных науках разбирается. Да, действительно, такой план нужно было чертить только самому. Типография была законспирирована самым глубоким образом. Далеко не все члены тифлисской организации знали, что в Тифлисе находится нелегальная типография. Очень мало кто знал, по какому адресу она находится. Это были те, кто привозил бумагу, краску и забирал газеты с листовками. И только те, кто непосредственно в ней работал, знали, как можно в нее проникнуть. Жизнь научила нас строжайшей конспирации. Любая ошибка оборачивалась гибелью товарищей.

Слесарь железнодорожных мастерских Давид Ростомашвили в то время еще не вступил в партию, но помогал нам кое в каких делах и считался надежным человеком. Получилось по русской поговорке «На ловца и зверь бежит». Михо искал подходящий участок для строительства дома, а Давид пожаловался ему, что никак не может сдать принадлежавший его отцу участок земли в Авлабаре.

– Дома меня постоянно терзают – сделай что-нибудь, ведь земля стоит без дела, а за нее хорошие деньги были заплачены, – сказал Давид.

– Давай сделаем так, – предложил Михо. – Мы построим тебе дом, а ты сдашь его моей тетке Бабе. Она будет платить тебе сколько положено, и все будут довольны. Домашним скажешь, что деньги на строительство дома взял взаймы.

Давид ради партии был готов на любые жертвы, но со стороны все должно было выглядеть так, чтобы не вызывать подозрений. Другой наш товарищ, инженер Лобжанидзе, на основе сталинского плана сделал фиктивный план, который Давид подал в управу, чтобы получить разрешение на строительство дома. Подвал для типографии строили самые доверенные из наших товарищей, а на строительство дома Михо нанял рабочих, причем выбрал не тифлисцев, а пришлых, откуда-то из-под Кобулети. Я был свидетелем того, как ожесточенно Михо торговался с ними при найме. После упрекнул его:

– Зачем ты так с ними поступил? Заплатил бы немного больше, это же наши братья, беднота.

– Моя главная задача – не вызывать подозрений, – ответил Михо. – Заплати я им больше того, что платят обычно, пошли бы ненужные разговоры о добром подрядчике. Зачем привлекать лишнее внимание? После революции доплатим им все, что недодали сейчас.

Я считал себя хорошим конспиратором, но у Михо мне можно было учиться. Посмотришь на него до революции – типичная бухгалтерская крыса, хозяйский холуй. Никто не мог заподозрить в нем революционера. У него и вся семья была коммунистической. Когда типография была готова, тетка Михо Бабе Лашадзе, член партии и очень умелый конспиратор, поселилась в доме. По выражению Сталина она стала «ангелом-хранителем» типографии. Бабе заботилась о тех, кто работал в типографии, кормила их и т. д. Для всех рабочие считались квартирантами Бабе. Но главная задача Бабе заключалась в обеспечении безопасной работы типографии. Подобно многим пожилым дамам, она подолгу просиживала у окна, но мало кто знал, что она не просто глядит на улицу, а наблюдает за обстановкой. К окну Бабе садилась только в часы работы типографии и, если к дому приближался чужак, подавала сигнал, нажимая кнопку электрического звонка. По этому сигналу работа в типографии прекращалась. Хоть типография находилась и глубоко под землей, но шуму от нее все равно было много. В округе Бабе считали гордячкой, поскольку она не ходила в гости к соседям и никого не приглашала к себе. А как она могла приглашать? Это означало нарушить конспирацию.

Полгода шло строительство. До его начала Сталин, в один из своих приездов из Батума в Тифлис, побывал на месте, выбранном Бочоридзе, осмотрел все вокруг и сказал:

– Молодцы, хорошее место нашли. То, что нужно. Надеюсь, что типография проработает долго, до самого свержения самодержавия.

Вскоре после этого его арестовали.

К сожалению, типография проработала всего до середины апреля 1906 года. Выдал ее предатель, член тифлисской организации Нодар Кварацхелия. По своей работе он был связан с товарищем Татьяной, той самой, которая занималась моим обучением. Татьяна (на самом деле ее звали Нино) по просьбе Михо организовала в подвале производство взрывчатки. Кварацхелия обеспечивал Татьяну всем необходимым для производства. Он не знал, как проникнуть из сарая в типографию, но это уже было делом времени. Михо потом простить себе не мог, что доверился Кварацхелии. Но кто мог его заподозрить? Рабочий парень из бедной семьи, настоящий пролетарий, рабочая косточка. После уже выяснилось, что у него была любовница,

модистка. Она вертела им как хотела, требовала подарков и денег и в конце концов сбила его с пути. Ради нее Кварацхелия пошел на предательство. Им настолько дорожили, что не включали в списки сотрудников, берегли как зеницу ока, но все эти предосторожности не спасли предателя от заслуженной кары. Кварацхелию казнили по приговору комитета, но типографии уже было не вернуть. Жандармы настолько разозлились, что после обыска сожгли дом, отчего обрушились оба подвала, и верхний, и нижний. Иногда я прохожу мимо этого места и с горечью смотрю на пустырь, вспоминая, что тут было раньше[74]. Заодно с типографией разгромили редакцию газеты «Элва»[75].

Сталина очень радовало, что в Тифлисе наконец-то появится возможность печатать нелегальную литературу в большом количестве. На самом деле в большом, до 40 000 оттисков за день! В 1903 году весной мы напечатали такое количество прокламаций, что наводнили им весь Тифлис. Разбрасывали на улицах, раздавали в храмах под видом религиозных наставлений, даже в Артистическом театре[76] во время представления сверху на головы зрителям, среди которых был и тифлисский полицмейстер Ковалев, посыпались наши прокламации. Сталин был очень доволен такой акцией.

До своего ареста в ноябре 1903 года я работал вместе с Михо Бочоридзе, который вел нашу бухгалтерию, подсчитывал, сколько налога мы получали с капиталистов. Поэтому я был в курсе всех дел типографии, от меня у Михо секретов не было. Бабе, товарищ Татьяна и товарищи, работавшие в типографии, смогли избежать ареста благодаря наблюдательности Михо. По дороге в типографию вечером 14 апреля он заметил неподалеку двоих незнакомцев, очень похожих на шпиков. Придя в типографию, Михо велел всем, кто там был, немедленно уходить, последним ушел сам. Была слабая надежда, что полиция не найдет типографию, но она не оправдалась. На следующий день типографию разгромили[77].

Провал типографии очень больно ударил по всем нам. Незадолго до этого, Центральный комитет[78] принял решение о закрытии бакинской типографии, возложив задачу по обеспечению Кавказа нелегальной литературой на тифлисскую типографию. И вдруг такой провал! Проклятый Кварацхелия! До сих пор проклинаю его, как только вспомню о типографии.

Вспомнился еще один случай, тоже связанный с типографией, только с бакинской. В 1903 году типографии понадобился новый германский печатный пресс. Деньги на его покупку у

---

[74] 22 августа 1937 года в Тбилиси на улице Каспи, 4, была открыта в качестве музея восстановленная нелегальная типография, проработавшая здесь с 1903 по 1906 год.

[75] «Элва» («Молния») – одна из революционных ежедневных тифлисских газет, орган объединенного Тифлисского комитета РСДРП. Первый номер ее вышел 12 марта, а последний – 15 апреля 1906 года (в день обнаружения полицией нелегальной типографии в Авлабаре). И.В. Сталин регулярно публиковал в газете «Элва» свои статьи.

[76] Артистический театр – театр Артистического общества на Головинском проспекте. Построен в начале XX века, был самым большим театром дореволюционного Тифлиса.

[77] 16 апреля 1906 года в тифлисской газете «Кавказ» была помещена заметка, озаглавленная «Тайная типография». В ней говорилось: «В субботу, 15 апреля, на Авлабаре, шагах в 150–200 от городской острозаразной больницы, в отдельно стоящем доме без жильцов Д. М. Ростомашвили, во дворе обнаружен колодец до 10 саженей глубиной, в который можно было спуститься по блоку. По галерее внизу колодца на глубине около 7 саженей можно было сообщаться с другим колодцем, в котором была поставлена приставная лестница высотой около 5 саженей. По лестнице можно было попасть во второй подвал, расположенный ниже первого подвала этого дома. В этом подвале обнаружены вполне оборудованная типография с 20 типографскими кассами со шрифтами русским, грузинским и армянским, печатная ручная машина, стоящая 1500–2000 рублей, различные кислоты, гремучий студень и другие принадлежности для снаряжения бомб, всевозможная нелегальная литература, печати различных частей войск и учреждений, а также разрывной снаряд, в котором находилось 15 фунтов динамита. Типография эта освещалась ацетиленовыми лампами, и в ней устроена была электрическая сигнализация. Во дворе дома, в сарайчике, найдены еще 3 «снаряженных бомбы», втулки к ним и проч. Как причастные к этому делу арестованы 24 лица, устроившие заседание в редакции газеты «Элва». При обыске помещения этой редакции найдена масса нелегальной литературы и прокламаций, а также около 20 чистых паспортных бланков. Помещение редакции опечатано. Так как из этой тайной типографии идут в разные направления какие-то провода, то ныне производятся раскопки в надежде найти другое подземное помещение. Инвентарь, найденный в этой типографии, перевезен на 5 подводах. Вечером того же дня арестованы еще трое соучастников. Когда арестованных вели в тюрьму, они все время пели «Марсельезу». *(Примечание И. Г. Капанадзе.)*

[78] ЦК РСДРП.

бакинских товарищей были, но как можно было сделать заказ и осуществить доставку машины в Баку? Она непременно должна была пройти через таможню, а оттуда обо всем печатном оборудовании сообщали в жандармское управление. Надо было сделать заказ от имени кого-то из владельцев бакинских типографий. Товарищи нашли такого человека, некоего Ованесьянца и договорились с ним, пообещав за услугу комиссионные. Когда пресс пришел, Ованесьянц решил оставить его себе. Деньги на покупку пресса передавались ему без расписки, на доверии, и повлиять на него законным образом было невозможно. Товарищи пригрозили сжечь типографию Ованесьянца, а он ответил, что в таком случае он выдаст их всех полиции. Типичный пример того, как капиталисты сходят с ума от жадности. Ованесьянца настолько ослепила возможность задаром получить новую машину, что он не подумал о том, какая кара ждет его в случае выдачи нелегальной типографии полиции. Одной только угрозы выдать типографию было достаточно для того, чтобы навсегда заткнуть ему рот. Товарищи так и собирались сделать, но Авель Енукидзе[79] выступил против. Он сказал, что убийство Ованесьянца, владельца небольшой типографии, вдруг, неизвестно с каких-то доходов выписавшего из-за границы новейший пресс, неизбежно привлечет внимание полиции. Кому нужно печатное оборудование, кроме самих печатников? Только революционерам. Полиция начнет искать и может доискаться до типографии. Опасно. Енукидзе сказал, что он сам поговорит с Ованесьянцем. После этого разговора товарищи приехали на склад к Ованесьянцу и забрали пресс. Позже Енукидзе сказал мне, что в тот раз он действовал по примеру Сталина, который всегда призывал не торопиться с решениями, а думать и действовать наилучшим образом. Мудрость Сталина в том, что он в любой ситуации умеет найти единственно верное решение. Помню, как резко он осадил некоторых слишком горячих товарищей, которые хотели устроить покушение на великого князя Михаила Николаевича[80], приехавшего в Тифлис в сентябре 1901 года для участия в торжествах по случаю присоединения Грузии к России.

– Кому нужен этот никчемный старик, сын Николая Палкина[81] и председатель ничего не решающего Государственного совета? – спросил он во время одного из заседаний. – Что даст его гибель нашему делу? Романовых развелось как собак, одним больше, одним меньше – какая разница? Кроме самого императора никто из Романовых для нас интереса не представляет. Давайте будем дело делать, а не дурью маяться. Лучше расклеим по Тифлису листовки, в которых напишем, что присоединение Грузии к России имеет важное историческое значение, так как оно способствует объединению русского и грузинского пролетариата. Собирая по частям свою империю, цари стараются для нас, чтобы мы выступали против них сообща.

Михаил Николаевич благополучно погостил в Тифлисе и вернулся в Петербург, не зная, кому он обязан своей жизнью. Возглавляемый им Государственный совет был одной из бесполезных бюрократических структур донельзя бюрократизированной Российской империи. Все решал император, а совет только утверждал его решение. Когда в 1905 году Михаила Николаевича сменил граф Сольский[82], этого, кажется, никто и не заметил.

Тем, кто будет изучать историю революционного движения на Кавказе, нужно знать, что с июля по декабрь 1905 года в Тифлисе работала еще одна нелегальная типография, которой заведовал я.

---

[79] Авель Сафронович Енукидзе (1877–1937) – грузинский революционер, советский государственный и политический деятель. Крестный отец второй жены И.В. Сталина Надежды Аллилуевой. Осужден в 1937 году по обвинению в измене Родине, террористической деятельности и шпионаже.

[80] Великий князь Михаил Николаевич Романов (1832–1909) – младший сын императора Николая I и его супруги Александры Федоровны. Был председателем Государственного совета в 1881–1905 годах.

[81] Николай Палкин – прозвище императора Николая I, данное ему за пристрастие к наведению порядка в империи при помощи шпицрутенов, длинных гибких прутьев (палок) для телесных наказаний.

[82] Граф Дмитрий Мартынович Сольский (1833–1910) – государственный деятель Российской империи. Был председателем Государственного совета в 1905–1906 годах.

– Михо, мы с тобой теперь конкуренты, – дразнил я Бочоридзе. – Вот встану на ноги покрепче и разорю тебя, пойдешь ко мне бухгалтером работать.

Типография эта находилась в Сололаках на Бебутовской улице в подвале дома, где жил рабочий железнодорожных мастерских Айрапет Саркисов. Подвал имел потайной выход, что было очень удобно для конспирации. Работали в этой типографии мы с Павлом Урушадзе и Ованесом Галустяном. Работать приходилось по ночам не только из-за конспирации, но и потому, что днем у каждого были другие дела. Мы печатали листовки на русском, армянском и грузинском. Кроме этой типографии в 1905 году я устроил в Тифлисе еще одну на Вельяминовской улице и еще две в Кутаисе и в Квириле[83]. Все эти типографии тоже проработали до декабря, а затем были разгромлены.

[83] Квирил – старое название города Чиатури.

Сталин в тюрьме и ссылке

Я попал в батумскую тюрьму в конце ноября 1903 года. Меня арестовал на Батумском вокзале жандармский унтер. Надо было сразу дать ему в морду и бежать, но я сделал ошибку – попытался его подкупить. Предложил ему денег, набавил, а тем временем к нам подошел ротмистр с другим унтером. Время было потеряно. В чемодане и корзине, что были при мне, лежала тысяча прокламаций. Еще при мне было важное письмо, которое мне удалось съесть во время первого допроса.

Я говорил, что приехал в Батум из Гори в поисках места. О том, что я последние годы жил в Тифлисе, мне упоминать не хотелось. Это могло побудить жандармов к поискам среди моих тифлисских знакомых. То, что багаж принадлежит мне, я отрицал. Сочинил историю о том, что в одном вагоне со мной ехал армянин по имени Овсеп, с которым мы в пути разговорились. Перед самым прибытием поезда в Батум Овсеп куда-то исчез. Я подумал, что он ушел к знакомым в другой вагон, и прихватил, выходя из вагона, его вещи, чтобы отдать Овсепу на перроне. Я играл свою роль весьма убедительно, настолько, что жандармы мне почти поверили. Они сообщили в Гори, чтобы тамошние жандармы навели справки у моего отца. Я надеялся, что отец подтвердит мои слова. Что бы там между нами ни было, но он все же был моим отцом. Но отец ответил, что три года уже не видел меня. Меня посадили в тюрьму и начали каждый день таскать на допросы.

В тюрьмах наши с Иосифом пути не пересекались. Его выслали из Батума в Сибирь незадолго до того, как я попал в батумскую пересыльную тюрьму. Но многие из арестантов в батумской тюрьме рассказывали мне о Иосифе Джугашвили. Я попытаюсь обобщить их рассказы в один, чтобы дать представление о том, как много полезного и нужного делал Иосиф в тюрьме, в невероятно суровых условиях.

О царской тюрьме кое-кто уже успел написать, и я уверен, что о ней еще многие напишут, так что не буду долго расписывать «прелести» этого проклятого места. Скажу только самое главное. Царская тюрьма и каторга служили одним из главных орудий угнетения. Отвратительные, пагубные для здоровья условия содержания, постоянные унижения и издевательства, полное бесправие заключенных – вот что это было такое. Жаловаться на произвол было бесполезно. Все начальство связано круговой порукой, стоят друг за друга. Тюремный надзиратель – царь и бог, от его воли зависит положение арестанта. Спасало только одно, что все тюремные служители, снизу доверху, были продажными. За деньги можно было купить какие-то поблажки, обмениваться письмами с волей, получать с воли нелегальную литературу для работы в камере и даже устраивать побеги.

В тюрьме все было нелегко, но особенно трудно приходилось тем, кто попадал туда впервые. Это я говорю как опытный арестант. Нигде и никогда больше, даже в суровой Моабитской тюрьме, не было мне так тяжко, как в батумской тюрьме в декабре 1903 года. В небольшой камере, рассчитанной на шестнадцать человек, сидели сорок. Непонятно, кто друг, а кто враг, в каждом, кто со мной заговаривал, я подозревал провокатора. Бесконечные допросы. Тюремная еда, от которой меня с непривычки выворачивало. Неженкой я никогда не был, но я жил в человеческих условиях и ел простую, обычную пищу, а не щи из протухшей капусты с жилами вместо мяса.

У Иосифа до времени батумского ареста тоже не было опыта. Но уже спустя четыре дня после его ареста батумские товарищи получили от него первую весточку. И то было не простое сообщение «я жив-здоров», а деловое письмо, касающееся того, как надо уберечь организацию от полного разгрома. Письма Иосиф шифровал при помощи Евангелия. Это был старый революционный прием, которому он заранее научился. Евангелие было единственной книгой, которую в любой тюрьме мог получить любой заключенный. Тюремщики даже радовались,

когда политические просили дать им в камеру Евангелие, они считали, что чтение божественной книги поспособствует излечению от «заблуждений».

Будучи на воле, Иосиф научился не только шифровке писем, но и многому другому, что могло пригодиться в тюрьме. Я, например, этого не сделал, все никак руки не доходили. Так – кое-что слышал, кое-что знал. Кое-что. Главные премудрости тюремной науки мне пришлось осваивать в заключении. Иосиф же с первого дня своего пребывания в тюрьме начал действовать. Наладил связь с волей и другими камерами, в которых содержались политические, организовал других заключенных для борьбы за свои права, устроил в камере кружок, писал статьи и подавал всем пример того, как надо вести себя в тюрьме.

– Спокойный он был, никогда не буянил, но надзиратели боялись его больше, чем беспокойных, – рассказывали мне арестанты. – Он на них так умел посмотреть, что самые наглые начинали вести себя смирно. Он прекрасно знал, что нам положено, и требовал этого от тюремной администрации. Они его боялись. Когда его увезли, у всех надзирателей были радостные лица.

В батумской тюрьме Иосиф организовал два побега политических во время свиданий. Разрешение давало начальство, а надзиратели, ведавшие свиданиями, просто пересчитывали посетителей на входе и на выходе. Сначала в большую комнату, предназначенную для свиданий, заводили арестантов, затем пускали посетителей. Посетителей выпускали первыми. Дважды кто-то из посетителей задерживался в комнате, давая возможность уйти кому-то из арестантов. На все вопросы они растерянно отвечали:

– Мы заговорились и не услышали, что пора выходить.

После второго побега, устроенного таким образом, правила свиданий ужесточились, и бежать таким образом стало невозможным. Но вскоре двое товарищей бежали из тюремного лазарета, и этот побег тоже организовал Иосиф. Товарищи с воли подкупили тюремного врача, чтобы тот уложил в лазарет арестантов по ложным диагнозам и в нужный момент отвлек бы охрану. Врач, который был азартным игроком, пошел на это, потому что ему очень нужны были деньги.

В апреле 1903 года, после года пребывания в батумской тюрьме, Иосифа перевели в кутаисскую тюрьму.

Причин для перевода Иосифа в кутаисскую тюрьму было три.

Первое – нужно было помешать ему продолжать руководство батумской социал-демократической организацией. Исидор Рамишвили надеялся, что арест Иосифа позволит ему возглавить организацию, но ошибся. Это была уже не та организация, что до приезда Иосифа в Батум. На деле до приезда Иосифа никакой реальной организации не существовало. Была кучка болтунов-демагогов, называвших себя «батумской организацией РСДРП» без всякого на то права, а Рамишвили был в ней секретарем. Иосиф и из тюрьмы продолжал руководить организацией, а Рамишвили к тому времени полностью утратил свой ложный, незаслуженный авторитет, потому что рабочие увидели его подлинную сущность соглашателя и предателя.

Второе – Иосиф доставлял тюремному начальству столько беспокойства, что оно всячески пыталось от него избавиться. Совпали желания жандармского управления и тюремщиков.

Третье – кутаисская тюрьма считалась «спокойной», политических арестантов там было гораздо меньше, чем в батумской тюрьме после всех революционных событий, о которых я рассказывал. Кроме того, партийная организация в Кутаисе была в то время слабой и находилась не столько на марксистских, сколько на «умеренных» позициях. Власти надеялись, что Иосиф окажется в Кутаисе без поддержки.

Власти плохо понимали, с кем они имеют дело. В Кутаисе Иосиф вел себя точно так же, как и в Батуме. Он продолжал работать, организовал кружок, писал статьи, установил связь с кутаисскими товарищами. Условия в кутаисской тюрьме были еще хуже, чем в батумской. Здесь в камерах не было нар и арестантам приходилось спать на сыром и холодном каменном

полу. Деньги, предназначавшиеся на устройство нар, тюремное начальство положило себе в карман. Были и другие причины для бунта, много причин. В конце июля под руководством Иосифа арестанты предъявили тюремной администрации свои требования, которые, как и следовало ожидать, удовлетворены не были. Тогда во время прогулки арестанты начали стучать чем попало в железные тюремные ворота. Весь город услышал этот шум. Губернатор решил, что в тюрьме началось восстание, и прислал солдат. Начальнику тюрьмы сильно досталось от губернатора за отсутствие нар и за сам бунт. Нары сделали, другие требования тоже выполнили, а Иосифа от греха подальше вернули в батумскую тюрьму.

В батумской тюрьме Иосиф организовал еще один «бунт», который закончился улучшением условий содержания арестантов. В отместку тюремное начальство осенью 1903 года отправило его по этапу в Сибирь в легком пальто, без шапки, валенок и рукавиц. Негодяи надеялись на то, что неугодный арестант простудится по дороге и умрет или тяжело заболеет. Они и подумать не могли, что уже в январе Иосиф вернется в Тифлис и возглавит работу Кавказского комитета[84].

Я бежал из батумской тюрьмы в ноябре 1904 года. Мне смешно сейчас вспоминать мой первый побег. Я называю его «репетицией». Дело в том, что за тюремной стеной ходила пограничная стража, и в первую попытку мне пришлось вернуться обратно в тюрьму, чтобы не попасть ей в руки. Стражники не утруждали себя погоней, они предпочитали стрелять. Так погибли наши батумские товарищи Отар Гонгадзе и Анзор Джаиани. Ночью они должны были принять винтовки, которые по морю доставили из Трапезунда[85], но не смогли этого сделать, потому что были убиты стражниками. В пограничную стражу набирались отъявленные мерзавцы, такие, что родную мать и то бы не пожалели. Смешно вспомнить, как я, крадучись, пробирался обратно к себе в камеру, но «репетиция» пошла мне на пользу. После того как я дважды перелез через мокрую стену в проливной дождь, мне было очень легко перелезть через нее сухую в солнечный день. Не успел часовой отвлечься, как я уже был на той стороне. Я вспомнил добрым словом Иосифа, который посоветовал мне заниматься гимнастикой. Если бы я был не так крепок физически, то не смог бы перемахнуть через стену, которую тюремщики считали «неприступной».

– Здравствуй, Камо! – просто, так, будто мы не виделись один или два дня, сказал Сталин, когда мы встретились с ним в Тифлисе после моего побега. – Хорошо, что ты приехал. Дел много.

Дел и впрямь было много. Близился революционный 1905 год.

[84] Кавказского союзного комитета РСДРП.
[85] Трапезунд (Трабзон) – турецкий порт в 200 км от Батуми.

1905 год

Рассказ о 1905 годе я хочу начать с бакинской стачки 1904 года, которая была организована Сталиным при помощи Алеши Джапаридзе[86]. Я знал многих из руководителей Бакинской коммуны[87], которых расстреляли эсеры, но больше всего был близок с Алешей и Степаном Шаумяном[88].

В наше время эта бакинская стачка вспоминается как один из эпизодов революционного движения. Но у нее имеется одна особенность, которая выделяет ее из числа прочих эпизодов. Эта стачка была первой, что завершилась не просто отдельными уступками промышленников, а политической победой пролетариата. Нефтепромышленники были вынуждены заключить с рабочими коллективный договор, по которому был установлен 9-часовой рабочий день, увеличена до 1 рубля плата за смену и др. Бакинский губернатор Накашидзе едва усидел на своем месте.

Для меня, как для армянина, не было среди царских сатрапов более ненавистных, чем Накашидзе и князь Голицын[89]. Я, как марксист, совершенно не признаю террора, потому что это пустая трата сил, всего лишь видимость революционной борьбы. Очень хорошо тем товарищам, которые начинали рассуждать о некоей пользе террора, отвечал Сталин. Он говорил:

– Александра Второго убили, но это не подействовало ни на его сына, ни на его внука. Как тиранили народ, так и продолжают тиранить. Романовых много, замучаетесь всех убивать, а холуев у них еще больше. Вырывать эти сорняки поодиночке – пустое дело. Их надо выжечь революционным пожаром.

Очень хорошо, коротко и ярко Сталин однажды сказал об эсерах:

– Руки у них есть, а головы нет. В этом их беда.

Я террора не признаю и никогда не радовался, узнав о том, что убили еще одного царского холуя. Нашему делу, настоящему революционному делу, от этих убийств был только вред. После каждого такого «акта справедливости» полиция начинала свирепствовать пуще прежнего. Проводились облавы, повальные обыски, в результате чего страдало много наших товарищей, наше дело страдало. Но когда я узнал, что в Баку бомбой убит Накашидзе, то обрадовался. «Молодцы, подумал, ребята, раздавили гадину».

---

[86] Прокопий Апрасионович Джапаридзе, партийный псевдоним «Алеша» (1880–1918) – грузинский революционер, большевик, казненный в числе 26 бакинских комиссаров под Красноводском по приказу эсеро-меньшевистского Закаспийского временного правительства по обвинению в сдаче Баку турецко-азербайджанским войскам.

[87] Бакинская коммуна – правительство советского типа, существовавшее в Баку и его окрестностях с 25 апреля по 26 июля 1918 года.

[88] Степан Георгиевич Шаумян (1878–1918) – армянский революционер и политический деятель, один из руководителей революционного движения на Кавказе, глава Бакинской коммуны. Расстрелян в числе 26 бакинских комиссаров. В декабре 1917 года Шаумян был назначен В.И. Ульяновым-Лениным чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа. Мандат о назначении привез из Москвы Шаумяну Камо.

[89] Главноначальствующий Кавказской администрацией князь Григорий Сергеевич Голицын крайне негативно относился к армянам, считая армянское национальное движение главной угрозой для самодержавия на Кавказе. Голицыну приписывается выражение «Доведу до того, что единственным армянином в Тифлисе будет чучело армянина в Тифлисском музее!» Он был одним из инициаторов принятия закона о конфискации имущества Армянской апостольской церкви и о закрытии армянских школ от 12 июня 1903 года, согласно которому все недвижимое имущество и денежные средства, принадлежавшие Армянской церкви и ее духовным учреждениям, переходили в ведение государства. Князь Михаил Александрович Накашидзе, о котором пишет Камо, в бытность свою Эриванским вице-губернатором, руководил конфискацией имущества Армянской апостольской церкви в Эриванской губернии. Эта конфискация привела к вооруженным народным восстаниям. Испугавшись, что они могут привести к непоправимым последствиям, император Николай II 1 августа 1905 года подписал указ о возвращении Армянской апостольской церкви конфискованного имущества. В бытность бакинским губернатором Накашидзе всячески натравливал азербайджанцев на армян. Накашидзе был убит 11 мая 1905 года в Баку бомбой, брошенной членом партии «Дашнакцутюн» Драстаматом Канаяном. На Голицына 14 октября 1903 года на Коджорском шоссе близ Тифлиса напали члены армянской социал-демократической партии Гнчак, но не убили его, а только тяжело ранили.

Во время стачки Накашидзе пытался действовать своим обычным манером. Запугивал, угрожал перестрелять всех бунтовщиков к чертовой матери, требовал «немедленно прекратить безобразие». Но когда увидел, что даже войска не в силах справиться с рабочими, то притих. Люди жили и работали в таких условиях, были настолько озлоблены, что не боялись ничего. В Баку дошло до того, что казаки по двое-трое боялись выезжать на патрулирование, ездили целыми взводами. Бакинский пролетариат заставил всю эту сволочь считаться с собой.

Большевикам[90] в Баку приходилось сотрудничать с меньшевиками-шендриковцами[91] и гнчакистами[92]. Если гнчакисты, как марксисты, пользовавшиеся определенным авторитетом среди армянских рабочих, помогали делу, то шендриковцы больше мешали. Каждую минуту, при любом удобном случае они заводили свою вечную песню об «экономической борьбе». Шендриковцы сводили все к копейке, поэтому Сталин и другие товарищи называли их «копеечными социалистами». Капиталисты знали цену шендриковцам и прекрасно понимали, кто по-настоящему руководит массами. В самый разгар забастовки, когда уже стало ясно, что уговоры и угрозы на бастующих не подействуют, к Сталину, находившемуся на нелегальном положении, явился посланец от нефтепромышленников и предложил ему лично (подчеркиваю, не партии, а лично Сталину) двести тысяч рублей за прекращение забастовки. Полиция не могла найти руководителей забастовки, но большие деньги могут то, чего не может полиция. Промышленники подкупили одного из рабочих активистов, и тот сказал, где скрывается Сталин. Посланцу Сталин ответил, что интересы рабочего класса не продаются, а предателя казнили. За все время Бакинской стачки нашими товарищами было выявлено всего три предателя в рабочих рядах. Это немного, если учесть, что бастовали десятки тысяч.

Поняв, что подкупить руководителя стачки не удастся, нефтепромышленники попытались сбить бастующих с толка. Они согласились ввести 9-часовой рабочий день, но и только. Этим они хотели показать, что «удовлетворили» требования бастующих. Одновременно они начали завозить в Баку несознательных рабочих из других мест для работы на промыслах. В основном это делали «Товарищество Нобеля»[93] и «Московско-Кавказское общество»[94]. Одновременно подняли голову шендриковцы. Они стали кричать о том, что если бастующие будут продолжать упрямствовать, то навсегда останутся без работы, потому что их места будут заняты приезжими.

– Они хотят оставить рабочих без работы? Тогда мы оставим их без вышек! – сказал Сталин.

---

[90] К тому времени уже произошло разделение РСДРП на большевиков и меньшевиков (на Втором съезде РСДРП, проходившем в июле – августе 1903 года).

[91] Шендриковская организация, официально сначала называвшаяся «Организацией балаханских и бибиэйбатских рабочих», с 1905 года – «Союзом бакинских рабочих», а после «Правым делом», была создана в августе 1904 года меньшевиками братьями Львом, Ильей и Глебом Шендриковыми. Шендриковы были против политических выступлений, пропагандировали экономические меры борьбы. В статье «Лакействующие «социалисты», написанной в 1908 году в бакинской тюрьме, И.В. Сталин отозвался о Шендриковых следующим образом: «В Баку тоже имеется группа, еще более правая и потому более беспринципная, чем тифлисская… Мы говорим о шендриковской группе «Правое дело», родоначальнице бакинских меньшевиков… Нет, гг. Шендриковы, – хотя вы и утверждаете… что бакинский пролетариат еще «не созрел», что он еще «должен выдержать экзамен (перед кем выдержать?) на аттестат зрелости»… но вам все-таки не удастся обмануть его! Бакинский пролетариат достаточно сознателен для того, чтобы сорвать с вас маску и указать вам подобающее место!.. Вы не социал-демократы, ибо вы выросли и живете в борьбе с социал-демократией, в борьбе с партийностью! Вы и не профессионалисты, ибо вы топчете в грязь рабочие союзы, естественно проникнутые духом социал-демократии?.. Вы внутренние и потому самые опасные враги пролетариата! Долой шендриковцев! Спиной к шендриковцам!.. Вот как ответит бакинский пролетариат на ваши фарисейские заигрывания с ним!»

[92] Армянская социал-демократическая партия «Гнчак», созданная в 1887 году, придерживалась марксистских позиций и сотрудничала с большевиками.

[93] «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель».

[94] «Московско-Кавказское нефтяное промышленно-торговое общество».

Группа, которую возглавлял борновский[95] рабочий Хачатур Мурадянц, подожгла промыслы Нобеля и «Московско-Кавказского общества». Сгорело более 20 вышек. Капиталистам был дан хороший урок. Одновременно по распоряжению Сталина была начата работа с пришлыми рабочими. Им объясняли, что бастующие пекутся не о своих собственных интересах, а об интересах всего пролетариата, что капиталисты хотят вбить клин в рабочее движение. Трудно не поверить в то, что тебе говорит свой брат-рабочий. Пришлые прозревали, отказывались работать и присоединялись к бастующим.

– Капитализм обречен, товарищи, – говорил Сталин, выступая перед рабочими. – Что бы ни делали капиталисты, это обращается против них. Они хотели прекратить стачку при помощи пришлых рабочих, но только увеличили наши ряды! Мы победим, товарищи, и это будет только одна из наших побед!

Бакинские рабочие победили. Ни разу я не слышал от Сталина, что он внес в эту победу весомый вклад, но зато много раз слышал об этом от других людей, начиная с Алеши Джапаридзе и заканчивая рабочими, участвовавшими в забастовке. «Наш товарищ Сосо» называли они его, а не просто «товарищ Сосо» или «Сосо». Это «наш» в устах народа стоит дороже любых орденов.

Газета «Пролетариатис брдзола» напечатала статью Сталина «Класс пролетариев и партия пролетариев», написанную по итогам бакинской стачки. «На арену борьбы выступила армия пролетариев, – было в ней сказано. – Любой армии требуется свой передовой отряд, и этой армии он тоже нужен. Этим объясняется появление группы пролетарских руководителей – Российской социал-демократической рабочей партии. Будучи передовым отрядом пролетарской армии, эта партия, во-первых, должна быть вооружена своей собственной программой, тактикой и организационным принципом и, во-вторых, должна представлять собой сплоченную организацию». В этих словах – вся сущность нашей партии, ее работы.

С целью внесения раскола в рабочие ряды бакинские власти и в первую очередь – губернатор Накашидзе, спровоцировали резню между татарами[96] и армянами. Самую отсталую часть татар натравили на армян, используя как религиозные противоречия, так и утверждение, что «армяне в сговоре с большевиками провели стачку для собственной выгоды». Какая «собственная» выгода была у армян? Никакой! Стачку проводил многонациональный бакинский пролетариат, и он получил свою пролетарскую, а не национальную выгоду от нее. Стравливая народ, сами капиталисты в своей среде никакой национальной розни не испытывали.

– Раскройте глаза! – призывали агитаторы. – Пока вы режете друг друга, Тагиев продолжает иметь дело с Манташевым! У вас всех один враг – буржуазия.

Когда резня вспыхнет, ее убеждением погасить невозможно. Не тот случай. Сталин понимал это, и потому наряду с разъяснительной работой он сформировал боевую дружину из самых передовых членов бакинской большевистской организации. Задачей дружины, в которую входили армяне и татары, было препятствовать резне. Вооружили дружинников до зубов – винтовки, маузеры, бомбы. Бомба, брошенная перед озверелой толпой, производит замечательное действие. Благодаря усилиям бакинских большевиков резня была остановлена и в феврале, и в августе.

Иосиф выступал и перед армянами, и перед татарами, объясняя им, чего на самом деле добиваются капиталисты, вооружая своих соотечественников и натравливая их на другие народы. Эти выступления были сопряжены с большей опасностью, нежели выступления перед бастующими рабочими. Трижды из толпы по нему стреляли. Озверелые люди способны на все. Но Иосиф продолжал делать дело. Фактически он делал то, что должны были делать власти, но власти бездействовали. Более того, власти разжигали вражду и обеспечивали благоприятные

[95] «БОРН» – сокращение от «Бакинское общество русской нефти».

[96] Закавказскими татарами в России в то время называли азербайджанцев.

условия для резни. Там, где была запланирована резня, с вечера исчезали все городовые. Более того, полицейские переодевались в татарскую одежду и нападали на дома армян! Полиция не вмешивалась в резню, но зато охотилась за членами боевой дружины. Двое наших товарищей погибли в стычках с полицией.

Я часто вспоминаю слова Степана Шаумяна, который говорил, что национализм – это любимая скрипка буржуазии. Так оно и есть. Что говорить об отсталых людях, когда даже среди наших товарищей временами проявлялись националистические взгляды. Сознательные люди, большевики, начинали лить воду на националистическую буржуазную мельницу. Мы беспощадно боролись с любыми проявлениями национализма. Слова «большевик» и «интернационалист» – синонимы.

Резня в Баку нанесла ощутимый удар по единству пролетариата. Это был очень неприятный «сюрприз», свинья, подложенная рабочему движению капиталистами. Им хотелось втянуть в пучину межнациональной вражды весь Кавказ. По аналогии с бакинской готовилась резня в Тифлисе. В феврале Сталин приехал из Баку в Тифлис и организовал митинг возле Ванкского собора, который завершился внушительной демонстрацией. На митинг собралось около 30 тысяч человек разных национальностей. В Тифлисе не видели таких митингов. Сталин выступил на нем с призывом крепить интернациональное пролетарское единство. Готовя митинг, Сталин написал листовку «Да здравствует международное братство!», в которой объяснил сущность буржуазной политики «Разделяй и властвуй»[97]. Эта листовка распространялась среди митингующих[98]. После митинга Сталин написал другую листовку – «К гражданам! Да здравствует красное знамя!» В ней он объяснял, что уничтожение национальной вражды возможно только вместе с уничтожением неравенства, с уничтожением капитализма. Тифлисским властям, и прежде всего князю Голицыну, очень хотелось устроить резню, и они все-таки не побоялись ее разжечь. Но в Тифлисе резня не достигала тех масштабов, как в Баку. Не потому что здесь было меньше татар, а благодаря мерам, принятым нашей организацией.

Приближение грозы чувствовали и мы, и наши враги. Поняв, что им не удалось расколоть пролетариат, они попытались уничтожить нашу партию, используя все возрастающие противоречия между большевиками и меньшевиками. По сути дела, это было то же самое разжигание национальной розни, только теперь уже – в партии. В Тифлисе активизировались меньшевики. Тон задавали Ной Рамишвили[99] и Ражден Арсенидзе[100], у которых нашлось довольно много сторонников среди грузин. В числе их был и Сеит Девдариани[101], которого я знал еще с тех времен, когда Иосиф занимался со мной русским языком. Сеит был самым молодым преподавателем Тифлисской семинарии. Молодой возраст и революционные взгляды сблизили его с

[97] Из листовки: «Граждане! Растет движение революционного пролетариата, и рушатся национальные перегородки! Пролетарии национальностей России объединяются в одну международную армию, отдельные ручейки пролетарского движения сливаются в один общий революционный поток. Все выше и выше подымаются волны этого потока, все сильнее и сильнее ударяются они о царский трон, и шатается одряхлевшее царское правительство. Ни тюрьма, ни каторга, ни виселица – ничто не останавливает пролетарского движения: оно все растет! И вот царское правительство для укрепления своего трона придумывает «новое» средство. Оно сеет вражду между национальностями России, оно натравливает их друг на друга, оно старается разбить общее движение пролетариата на мелкие движения и направить их друг против друга, оно устраивает погромы евреев, армян и т. д. И все это для того, чтобы братоубийственной войной отделить друг от друга национальности России и, обессилив их, без труда победить каждую в отдельности! Разделяй и властвуй – такова политика царского правительства. Так оно действует в городах России (вспомните погромы в Гомеле, Кишиневе и других городах), то же самое повторяет и на Кавказе…»

[98] Камо из скромности не упомянул о том, что именно он организовал распространение этой листовки на митинге и, кроме того, произнес на нем пламенную речь, призывающую пролетариат крепить интернациональное единство. *(Примечание И. Г. Капанадзе.)*

[99] Ной Виссарионович Рамишвили (1881–1930) – грузинский революционер, социал-демократ, меньшевик, политический деятель. Первый министр-председатель правительства Грузинской Республики. С 1921 года – в эмиграции.

[100] Ражден Арсенидзе (1880–1965) – грузинский революционер, социал-демократ, меньшевик, политический деятель, министр юстиции Грузинской Республики в 1919–1921 годах. С 1921 года – в эмиграции. Автор воспоминаний о И.В. Сталине, опубликованных в эмигрантском «Новом журнале» в 1963 году.

[101] Сеит Сардионович Девдариани (1879–1937) – грузинский революционер, социал-демократ, меньшевик.

Иосифом и другой передовой молодежью. Я познакомился с ним на одном из вечеров у Гиги Годзиева. Тогда Сеит мне понравился. Образованный человек, говорит умно, спокойно, не горячится, аргументирует свою точку зрения. Было интересно и поучительно его слушать. Но Сеит был из богатой семьи и, считая себя революционером, не смог порвать с семьей. Это его и погубило как революционера, то есть привело к меньшевикам. Как невозможно одновременно быть христианином и мусульманином, так нельзя быть настоящим революционером и одновременно блюсти буржуазные интересы своей семьи.

Меньшевики сделали подлый и расчетливый выпад в сторону большевиков, которых они ненавидели за то, что те пользовались авторитетом у народа. В апреле 1905 года меньшевики созвали общекавказскую конференцию РСДРП, на которой обеспечили себе большинство. Сделать это было нетрудно. Многие большевики были заняты важной работой на местах или находились на нелегальном положении и потому не смогли принять участие в конференции. Меньшевики же все были на легальном положении. Их власти не преследовали, напротив – поддерживали. Меньшевистская конференция, идя вопреки воле народа, выразила недоверие большевистскому Кавказскому комитету[102] и избрала свое меньшевистское бюро[103]. В трудный момент нам пришлось бороться с меньшевиками и разъяснять народу предательскую сущность их политики. С тех пор уже никогда больше большевики и меньшевики не выступали на Кавказе вместе, рука об руку. Свое истинное лицо во всем его отвратительном уродстве меньшевики показали после Октябрьской революции, сформировав буржуазные антинародные правительства.

В арсенале меньшевиков были все подлые средства, которые только можно было представить, вплоть до предательства. В апреле Иосиф поехал в Кутаис через Гори, где собирался встретиться с нашими товарищами и навестить свою мать. В Гори во время собрания в доме одного из товарищей, Элизбара Гогнидзе, неожиданно нагрянула полиция. Кто-то выдал, кто именно, сразу по горячим следам не удалось установить, но позже товарищи разоблачили предателя. Им оказался меньшевик Кучишвили.

Пока полиция колотила в ворота, Гогнидзе успел спрятать Иосифа в тайнике в подвале. В поисках Иосифа полицейские, знавшие о его приезде, обшарили весь дом, но тайника в подвале так и не нашли.

Вскоре Сталин нанес сокрушительный удар по меньшевикам-раскольникам и дал всем нашим товарищам в руки превосходное оружие – свою брошюру «Коротко о партийных разногласиях», которую Ленин назвал одним из выдающихся произведений большевистской мысли. Большевики привыкли делать дело, а не болтать, поэтому в спорах с болтунами-меньшевиками наши товарищи часто проигрывали, несмотря на то что защищали правое дело. Демагогия – хитрый и подлый прием, но он действует. В своей брошюре Сталин простым языком разбил все хитрые доводы меньшевиков и показал, что в нашей партии выявились две тенденции: тенденция пролетарской стойкости и тенденция интеллигентской шаткости. Любого товарища, прочитавшего брошюру, меньшевики уже не могли одолеть в спорах. Как бы они ни старались, на каждый их выпад давался отпор – логически аргументированный ответ. Очень помогла всем нам эта брошюра. Я столько раз перечитывал ее, что выучил наизусть, а фраза «однажды и ворона обрела розу, но это еще не значит, что ворона – соловей»[104] стала одной из любимейших моих фраз. Сталин всякий раз смеется, когда я при нем ее произношу.

---

[102] Кавказскому союзному комитету РСДРП.

[103] Кавказское бюро РСДРП.

[104] Из статьи И.В. Сталина «Коротко о партийных разногласиях»: «Тогда почему же в некоторых городах рабочие на нашей стороне? – спрашивают нас меньшевики. Да, верно, в некоторых городах рабочие на стороне «меньшинства», но это ничего не доказывает. Рабочие идут и за ревизионистами (оппортунисты в Германии) в некоторых городах, но это еще не значит, что их позиция пролетарская, это еще не значит, что они не оппортунисты. Однажды и ворона обрела розу, но это еще не значит, что ворона – соловей». Строки Шота Руставели «Коль найдет ворона розу, мнит себя уж соловьем» стали в Грузии пословицей.

Эту брошюру успел прочесть и высоко оценить умирающий от чахотки Александр Цулукидзе[105], наш Саша. Цулукидзе был одним из выдающихся марксистов Грузии и беспощадным борцом не только с самодержавием, но и с националистами-меньшевиками, которые не раз пытались перетянуть его на свою сторону.

– Саша, ты – грузин, ты – князь![106] – говорили они. – Как ты можешь поддерживать русских и армян, которые ущемляют наши права?

– Они ущемляют не права грузин, а права буржуазии всех национальностей! – отвечал Саша.

Меньшевики взывали к Сашиному княжескому происхождению, пытаясь перетянуть его к себе, и в то же время использовали это обстоятельство для того, чтобы опорочить Сашу в глазах народа.

– Неужели вы настолько наивны, что верите, будто князь Цулукидзе действительно борется за ваши интересы? – спрашивали они рабочих.

Но рабочие верили Саше, потому что привыкли судить о человеке по его делам, а не по происхождению. Ленин – сын генерала, и что с того?[107]

Саша помогал Иосифу во многих делах, начиная с организации первой тифлисской маевки на Соленом озере. Очень много он сделал в Батуми в 1902 году[108].

Узнав о Сашиной смерти, Сталин сказал:

– Мы похороним товарища Цулукидзе с таким почетом, которого не удостаивался никакой царь! Пусть все видят, как мы чтим своих погибших товарищей!

Саша умер в Кутаисе, а хоронить его собрались на родине, в Хони[109]. Было решено, что до кладбища гроб с телом Саши понесут на руках. На похороны съехались товарищи со всего Кавказа. Обстановка в Кутаисе в те дни была такой, что достаточно было одной искры для того, чтобы вспыхнуло восстание. Вице-губернатор Калачев, исполнявший в то время обязанности губернатора, мудро приказал полиции ни во что не вмешиваться. Впрочем, полиция и не имела такого желания. К тому времени все уже поняли, на что способны сплоченные пролетарские массы.

В день похорон с утра пошел сильный дождь, но это не изменило наших планов. Похороны начались в назначенный час – в девять, и шли как было запланировано. Гроб несли на руках, пели «Марсельезу» и другие революционные песни, время от времени процессия останавливалась, и кто-то произносил речь. Трудно судить на глаз, но у меня и других товарищей сложилось мнение, что в Кутаисе за Сашиным гробом шло не менее пятидесяти тысяч человек, а до Хони гроб сопровождало тысяч тридцать. В толпе то и дело кричали: «Долой самодержавие!» и «Да здравствует социализм!» Сталин и другие товарищи, находившиеся на нелегальном положении, шли вместе со всеми. Сталин сказал две речи – одну в Кутаисе, а другую в Хони. Очень хорошо сказал, люди плакали, слушая, как он рассказывает о Саше и о его делах.

– Врачи советовали товарищу Сандро беречь себя, но он работал изо всех сил, приближая наше общее счастье, приближая революцию! Только революция позволит нам сбросить оковы и стать свободными, товарищи. Не слушайте предателей, которые пытаются увести вас с пути борьбы. Да здравствует революция! Да здравствует социализм! Долой самодержавие!

Этими словами Сталин заканчивал оба своих выступления.

---

105 Александр (Саша) Григорьевич Цулукидзе (1876–1905) – грузинский революционер, соратник И.В. Сталина, один из основоположников марксистского движения на Кавказе, один из организаторов газеты «Брдзола» и большевистского Кавказского союзного комитета РСДРП.

106 Александр Цулукидзе происходил из княжеского рода.

107 Отец Владимира Ульянова-Ленина Илья Николаевич Ульянов имел чин действительного статского советника (чин 4-го класса Табели о рангах), соответствовавший армейскому чину генерал-майора.

108 То есть во время забастовки на керосино-нефтяном заводе Ротшильда в 1902 году.

109 Хони – город в 25 км к западу от Кутаиси.

Мне Сталин поручил важное дело – руководить боевой дружиной, которая обеспечивала защиту Сашиных похорон. Я привык к револьверам, но у некоторых товарищей были маузеры, которые незаметно носить под одеждой невозможно. Полиция видела их, но отворачивалась. Сталина и других наших товарищей-нелегальщиков полиция тоже видела, каждый из них выступал перед народом, но полицейские не сделали попытки схватить хоть кого-то. В тот день полицейские напоминали статуи, были слепыми, глухими, неподвижными.

Двойственное впечатление владело мной во время Сашиных похорон. Мне было жаль Сашу, которого я знал лично и очень уважал, но в то же время я радовался тому, как проходят его похороны. Вечером после похорон те, кто близко знал Сашу, собрались для того, чтобы помянуть его по народному обычаю.

– Когда победим, непременно поставим Саше памятник в Тифлисе[110], – сказал Иосиф.

Он так буднично это сказал, как будто до нашей победы оставалось несколько дней. Никто из нас не сомневался в победе, но никто не был уверен в ней так, как Сталин.

Третий съезд[111], на котором Кавказ представляли Джапаридзе и Цхакая[112], официально подтвердил то, что всем нам было давно известно. Единственным средством свержения царизма является всенародное вооруженное восстание. Сталин начал создавать вооруженные отряды рабочих в Чиатурах и Кутаисе. От обычных боевых дружин эти отряды отличались размерами и лучшим вооружением. Регулярно проводились военные учения. В Чиатурах правой рукой Сталина был Михо Давиташвили, стойкий марксист, хороший организатор и конспиратор. Благодаря Михо удалось спасти от полиции нелегальный склад оружия. Получив известие о готовящемся налете полиции, Михо за считаные часы перебросил оружие в другое место. Доставкой оружия, а также всего необходимого для устройства нелегальных типографий занимался я вместе с несколькими товарищами. В то время мы жили не дома, а в поездах. Не успевали вернуться в Тифлис, как выезжали снова. И оружие, и типографское оборудование приходилось возить понемногу, чтобы не вызывать подозрений. Железнодорожные жандармы, знавшие о том, что готовится восстание, были очень внимательны.

Настал день, когда стало ясно, что по обычным каналам невозможно достать столько оружия, сколько нам требуется.

– Если оружие нельзя получить из-за границы или откуда-то еще, то у нас остается единственный выход – взять его на месте, – сказал Иосиф.

Это было примером того, что мы, его товарищи, называли «сталинским подходом к делу». Другой бы сказал: «раз оружия мало, то восстание придется отложить» или «передайте заграничным товарищам, чтобы они слали нам больше оружия». Но не таков Сталин. Его принцип: «Надо, так сделай!»

Оружие решено было добывать на полицейских заставах. Руководить первым налетом на заставу в Чхари[113] было поручено мне. Несколько выстрелов в воздух так напугали «доблестных» стражников[114], что они побросали оружие и предоставили нам полную свободу действий. Действуя таким образом, мы разоружили несколько застав.

---

110 Памятник Александру Цулукидзе работы скульптора Силована Какабадзе был поставлен в Тбилиси в 1949 году.

111 III съезд РСДРП проходил с 12 (25) апреля по 27 апреля (10 мая) 1905 года в Лондоне. Меньшевики называли этот съезд «встречей фракции большевиков», так как на нем присутствовали только большевики.

112 Михаил Григорьевич Цхакая (1865–1950) – грузинский революционер, большевик, советский государственный и партийный деятель. Председатель Всегрузинского Центрального Исполнительного комитета в 1923–1931 годах. Из воспоминаний бывшего студента Абдурахмана Авторханова: «В связи с приездом в Москву председателя ЦИК Грузии Михи Цхакая… собралось на банкет в его честь грузинское землячество… К концу вечера появился Сталин, произнес тост за Миху Цхакая, назвав его своим тифлисским учителем. Польщенный, Цхакая произнес ответный тост за ученика, который превзошел всех учителей». (*Авторханов А. Г.* В Москву и обратно.)

113 Чхари – село в Кутаисской губернии.

114 Представители т. н. Закавказской полицейской стражи, особой охранной структуры при полицейских учреждениях Закавказья, которая комплектовалась из добровольно поступающих на службу и исполняла обязанности постовой и конвойной

– Хорошо, – сказал Сталин. – Но мало. Вот если бы нам удалось взять оружие из кутаисского цейхгауза. По сведениям, там хранится около двух тысяч винтовок.

Две тысячи! Этого количества хватило бы на вооружение целого полка![115]

Цейхгауз охранялся гораздо лучше любой полицейской заставы. В то время невозможно было захватить его силой. Пришлось идти на хитрость. В сентябре Сталин отправился в Кутаис вместе с несколькими товарищами, среди которых была и тетка Михо Бочоридзе Бабе Лошадзе. Бабе, будучи преданной нашему делу, выглядела совершенно по-буржуазному и ни у кого не вызывала подозрений. Она сняла дом, расположенный напротив цейхгауза, и товарищи под руководством Сталина начали рыть оттуда подкоп под цейхгауз. Сталин раздобыл план цейхгауза, часы смены охраны и все прочее, что было нужно для успешного осуществления операции. Захват оружия сорвался по причине, которую невозможно было предусмотреть. В этом месте земля была очень рыхлой, размываемой подземными водами, и подкоп постоянно осыпался. Товарищи попробовали укреплять его досками, но из этого ничего не получилось. Стало ясно, что в этом месте рыть невозможно, и от этой затеи пришлось отказаться. Член нашей боевой группы Пация Галдава настаивала на том, что подкоп надо продолжать, но не могла сказать, как это можно сделать.

– Есть разумный риск, Пация, а есть неразумный, – сказал ей Иосиф. – Не забывай, что мы должны сделать все тайно, так, чтобы сверху над нашим тоннелем земля бы ничуть не просела. И подкоп должен быть надежным, чтобы мы смогли быстро вынести оружие. Но раз это невозможно, мы будем искать другой способ раздобыть оружие.

Все мы сильно переживали эту неудачу. Так надеялись! Уже место приготовили, где можно было спрятать эти винтовки! Кто мог подумать, что там такая почва? Много подкопов я видел в своей жизни, но всегда трудность была обратной, роешь и натыкаешься на скалу. Никто из нас и представить не мог, что слишком мягкая земля тоже может стать препятствием.

Как мы станем смотреть в глаза своим товарищам? Ведь мы практически пообещали им эти две тысячи винтовок. Я был готов в одиночку напасть на этот проклятый цейхгауз! Пускай меня убьют, лишь бы не испытывать такого стыда. Когда я сказал об этом Иосифу, он рассмеялся.

– Я знаю, что ты шутник, Камо-джан, – сказал он, – но так ты еще никогда не шутил. Убьют тебя – и все будет хорошо, потому что стыдно тебе не будет? А винтовки другие за тебя добывать будут, да? Рассуждаешь, как институтка, а не как большевик!

Мне стало еще стыднее, но от этого стыда была польза. Вся моя глупая горячность прошла. Я понял, что поступил глупо. Надо было гнать из головы эти дурные мысли и думать о деле.

– Если у нас не получилось взять винтовки в цейхгаузе, придется взять их в другом месте, – сказал Сталин так спокойно, будто речь шла не о винтовках, а о покупке чурчхелы. – В Поти[116] скоро должен прийти груз для управления местной бригады[117]. Там больше винтовок, чем мы надеялись взять в цейхгаузе, около трех тысяч. И взять их будет гораздо проще. Землю копать не придется.

– Проще? – удивился я. – Вряд ли. Порт охраняют не хуже, чем цейхгауз. Даже лучше.

В том году мне часто приходилось бывать в Поти. Тамошняя организация работала очень активно, надежные были товарищи. Я видел, как усиленно стали охранять порт с началом первых волнений в городе. Охрана была тройной – полиция, солдаты и местная стража. Я тут же прикинул в уме, сколько народу потребуется для акции в порту. Это же не «экс», когда взял

службы.

[115] Полная численность полка мирного времени в Российской империи начала XX века составляла около 2000 человек.

[116] Поти – город и порт на западе Грузии, в устье реки Риони, на берегу Чёрного моря.

[117] Управление местных бригад – орган военного управления на местах, объединявший несколько губерний и называвшийся по месту нахождения своего штаба. В данном случае речь идет об Управлении тифлисской местной бригады.

мешок с деньгами и тут же скрылся. Три тысячи винтовок – это же уйма ящиков! В юности я думал, что русское слово «уйма» происходит от грузинского «вай мэ»[118]. Получалось «вай мэ». Даже если мы соберем все свои силы и захватим порт, вряд ли мы сможем удерживать его столько времени, чтобы спокойно вывезти винтовки. Непременно будет погоня, а далеко ли мы уедем с таким тяжелым грузом? На железной дороге захватить винтовки тоже не получится. Все силы жандармов[119] будут стянуты для охраны такого ценного груза в такое неспокойное время.

Все свои соображения я изложил Иосифу. Он кивал – да, правильно говоришь, а потом сказал:

– Твоя беда в том, Камо-джан, что ты рассуждаешь, как экспроприатор. С этой точки зрения ты прав. Но попробуй посмотреть на вещи шире. Если в порту нельзя взять винтовки и на железной дороге тоже нельзя, то где можно?

– В море? – догадался я.

– Верно! Потийские товарищи разработали хороший план и просят помощи. Им нужен ты с твоими храбрецами. На пароходе, который везет оружие, есть наши товарищи. На подходе к Поти они испортят машину, и пароход встанет. Твоя задача – добыть в порту какое-нибудь небольшое судно, подплыть к пароходу, забрать винтовки, выгрузить их на берегу и отвезти на склад. В море у тебя будет достаточно времени.

Я догадался, что на самом деле план придумал Сталин, и в очередной раз поразился как его уму, так и предусмотрительности. Занимаясь цейхгаузом, он собирал сведения о других источниках оружия и разрабатывал запасные планы. Скажу без преувеличения, что в тех успехах, которых добились кавказские большевики, очень велика заслуга Сталина. Мы чувствовали, что у нас есть мудрый и надежный руководитель, который помогает нам даже из тюрьмы, который поддержит в случае неудачи и укажет, что нам следует делать. Я ни в коей мере не хочу умалять то, что сделали наши товарищи в других местах, все мы сделали много для победы революции, и всем нам было трудно работать. Но скажу, что на Кавказе приходилось работать в особенно трудных условиях, преодолевая национальные противоречия, на которых так искусно играли самодержавие и меньшевики. Но мы победили, несмотря ни на что, и не только благодаря нашей самоотверженности, но и потому, что мы всегда, в любой момент, благодаря Сталину знали, что нам нужно делать, как поступить. И когда сейчас я слышу, что победу революции на Кавказе обеспечили товарищи Махарадзе[120] и Кнунянц[121], мне становится смешно. Да, эти товарищи много сделали, не спорю. Товарищ Кнунянц был настоящим несгибаемым революционером. Царские палачи убили его в тюрьме, потому что сильно его боялись. Товарищ Махарадзе показал свои способности на посту председателя Грузинского ревкома. Но нельзя сравнивать их вклад в дело революции со вкладом Сталина. Большевикам следует быть объективными.

В Поти все прошло благополучно. Винтовки были переданы Имеретино-мингрельскому комитету[122].

Я так много пишу о меньшевиках и меньшевизме, потому что на Кавказе эта «зараза», как выражался товарищ Шаумян, досаждала и мешала особенно. Я уже писал почему именно.

---

[118] Горе мне! (*груз.*) Традиционный возглас, выражающий сожаление.

[119] Охрана порядка на железных дорогах и относящихся к ним территориях осуществлялась Жандармскими полицейскими управлениями железных дорог (ЖПУЖД).

[120] Филипп Иесеевич Махарадзе (1868–1941) – грузинский революционер, большевик, советский партийный и государственный деятель. Один из организаторов Кавказского союза РСДРП. С февраля по июль 1921 года был председателем Грузинского ревкома. С июля 1938 по декабрь 1941 года был председателем Президиума Верховного Совета Грузинской ССР.

[121] Богдан Мирзаджанович Кнунянц (1878–1911) – армянский революционер, большевик. Один из организаторов Кавказского союза РСДРП. Умер в мае 1911 года в бакинской Баиловской тюрьме.

[122] Имеретино-мингрельский комитет – подпольный большевистский комитет, созданный в 1905 году по инициативе И.В. Сталина для централизованного руководства партийными организациями Кутаисской губернии.

В 1905 году, когда мы готовились к вооруженному восстанию, нам одновременно приходилось бороться с меньшевиками, которые всячески старались обмануть народ. Помимо боевиков приходилось готовить пропагандистов, всем нам, и Сталину в первую очередь, приходилось отвлекаться от дел ради дискуссий с меньшевиками. Уклоняться от дискуссий было невозможно, потому что тогда меньшевики одурманили бы несознательную часть народа ядом соглашательства. Скажу честно, хоть и знаю, что не все товарищи со мной согласятся: если бы меньшевики помогали нам, вместо того чтобы мешать, то революция могла бы победить в 1905 году! Но они мешали.

Когда напуганный до смерти царь издал свой Октябрьский манифест[123], который годился только для того, чтобы им подтереться, меньшевики сразу же начали кричать о «победе», о том, что в России «самодержавия больше нет», что борьбу надо прекращать. Неграмотные люди слышали слова: «манифест», «Дума», «свобода» – и думали, что самодержавие действительно исчезло, что царь сам его уничтожил. Как бы не так! Нам приходилось разъяснять народу, что самодержавие никуда не делось, что оно просто надело на себя маску конституционной монархии, что говорить о победе можно будет только тогда, когда установится наша рабочая власть.

Помню митинг в Тифлисе, который почтил своим присутствием сам Ной Рамишвили[124].

– Поздравляю вас с победой, товарищи! – так начал он свое выступление. – Мы победили! Мы получили ту свободу, за которую боролись! Пора складывать оружие!

И дальше продолжал в том же духе, долго говорил. Митинг был большим, на нем присутствовало около 20 тысяч народу. Многие кричали «ура» Рамишвили и другим меньшевикам, аплодировали им. Когда меньшевики высказались, выступил Сталин. В отличие от долгого словоблудия меньшевиков его речь была короткой.

– Вы как будто в театр пришли, – начал он, – только и делаете, что аплодируете, не понимая, чему вы аплодируете. Слушайте, что вам говорят! Думайте! Учитесь отличать революционера от предателя! «Долой оружие» означает «долой революцию», потому что никакая революция без оружия победить не может! Тот, кто говорит «долой оружие», не революционер, враг революции! Пока в Петербурге сидит царь, а в Тифлисе его наместник[125], самодержавие не исчезло. Оно само не исчезнет, его надо сбросить вооруженным восстанием. Знаете, что нам нужно для победы? Для этого нам нужны три вещи: вооружение, еще раз вооружение и еще и еще раз вооружение![126]

Меньшевиков больше на том митинге не слушали.

К тому времени мы с меньшевиками только формально считались однопартийцами, принадлежавшими к разным партиям. На самом деле мы были врагами и встречались только для

---

[123] Имеется в виду Высочайший манифест от 17 (30) октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка», подписанный Николаем II. Вместе с Манифестом от 6 (21) августа 1905 года «Об учреждении Государственной Думы» Октябрьский манифест учреждал парламент – Государственную Думу, без одобрения которой не мог вступать в силу ни один закон. Однако за императором сохранялось право распускать Думу и накладывать вето на ее решения, то есть Российская империя по существу и при наличии Думы продолжала оставаться самодержавной монархией. Также Манифест провозглашал политические права и свободы граждан: свободу совести, свободу слова, свободу собраний, свободу союзов и неприкосновенность личности.

[124] См. примечание на стр. 116.

[125] В феврале 1905 года был издан Высочайший Указ о восстановлении на Кавказе должности Наместника Его Императорского Величества и о назначении на эту должность генерал-адъютанта графа Иллариона Воронцова-Дашкова. Интересный факт: когда в ноябре 1905 года в Тифлисе начались столкновения между татарами (азербайджанцами) и армянами, то было выдвинуто предложение просить у наместника оружие для пролетариата, который был готов взять на себя защиту населения и умиротворение враждующих сторон. Граф Воронцов-Дашков предложение принял и к недовольству офицерства и администрации передал РСДРП 500 винтовок.

[126] В прокламации «Ко всем рабочим», написанной в октябре 1905 года и отпечатанной в Авлабарской типографии, И.В. Сталин провозгласил следующие лозунги российского пролетариата:Долой Государственную Думу!Да здравствует вооруженное восстание!Да здравствует революционная армия!Да здравствует временное революционное правительство!Да здравствует всенародное Учредительное собрание!Да здравствует демократическая республика!Да здравствует пролетариат!

того, чтобы вести ожесточенные дискуссии. После выхода Октябрьского манифеста меньшевики окончательно предали дело социализма и превратились в царских холуев. Когда в ноябре 1905 года в Тифлисе собралась партийная конференция[127], меньшевики каким-то образом прознали об этом и выдали первоначальное место ее проведения полиции. Мы узнали об этом через наших осведомителей в полиции и изменили место.

Когда я пишу о наших осведомителях в полиции, у людей, незнакомых с делом, может сложиться впечатление, будто среди полицейских были такие, кто нам сочувствовал и помогал нам по велению своей совести. Нет! Если у человека была совесть, то он не шел служить в полицию. Если вдруг у полицейского просыпалась совесть, то первым делом он уходил с этой собачьей службы. Нет, все наши осведомители работали за деньги. Мы им платили, они нас информировали. Каждый осведомитель получал ежемесячную плату и еще сверх этого за особо важные сведения. Даже во время восстания полицейские продолжали передавать нам сведения. Деньги для этой публики заменяли присягу и верность.

Когда началось восстание, все мы испытывали невероятную радость. Свершилось! Сбылась наша мечта! Настал тот час, которого мы ждали долгие годы! Когда мне сказали, что Сталин хочет встретиться со мной по важному делу, я был уверен, что речь пойдет о каком-то боевом поручении. Но Сталин сказал:

– Камо, нам срочно нужна еще одна типография, чтобы печатать «Кавказский рабочий листок»[128]. Нам нужна ежедневная газета, которая станет освещать нашу борьбу.

У меня был на примете подходящий дом в Сололаках на Вельяминовской улице[129]. Машину и все, что было нужно, мы взяли в типографии Кутателадзе, владелец которой сочувствовал нашей борьбе. Были некоторые капиталисты, которых совесть побуждала помогать нам.

В декабре 1905 года меня, раненого, арестовали и посадили в Метехи[130]. Там в то время творилось нечто невообразимое. В камерах содержалось столько арестантов, что негде было присесть. Надзиратели от страха перед революцией всячески зверствовали. Бежать, бежать! На воле столько дел! Восстание не достигло своей цели, но это еще не значит, что мы проиграли. Мне очень не нравится, когда 1905 год называют «репетицией Октябрьской революции». Мы не репетировали, мы сражались, чтобы победить!

---

[127] IV большевистская конференция Кавказского союза РСДРП, на которой были представлены тифлисский, имеретино-мингрельский, батумский и бакинский партийные комитеты, а также гурийская партийная группа, проходила под руководством И.В. Сталина.

[128] «Кавказский рабочий листок» – первая ежедневная большевистская газета на Кавказе, орган Кавказского союзного комитета РСДРП. Выходила в Тбилиси на русском языке с 20 ноября (3 декабря) по 14 (27) декабря 1905 года. Газетой руководили И.В. Сталин и С.Г. Шаумян. Всего вышло 17 номеров. Два последних номера газеты вышли под названием «Елисаветпольский Вестник». Тираж составлял 15–17 тысяч экземпляров. 20 ноября (3 декабря) в «Кавказском рабочем листке» была опубликована статья И.В. Сталина «Тифлис, 20 ноября 1905 г.», в которой, в частности, говорилось: «Великая Русская Революция началась! Мы пережили уже первый грозный акт этой революции, завершившийся формально Манифестом 17 октября. «Божьею милостью» самодержавный царь преклонил свою «коронованную голову» перед революционным народом и обещал ему «незыблемые основы гражданской свободы»… Но это только лишь первый акт. Это только начало конца. Мы находимся накануне великих событий, достойных Великой Русской Революции. Эти события надвигаются на нас с неумолимой строгостью истории, с железной необходимостью. Царь и народ, самодержавие царя и самодержавие народа – два враждебных, диаметрально противоположных начала. Поражение одного и победа другого может быть только результатом решительной схватки между тем и другим, результатом отчаянной борьбы, борьбы не на жизнь, а на смерть. Этой борьбы еще не было. Она впереди. И могучий титан русской революции – всероссийский пролетариат готовится к ней всеми силами, всеми средствами».

[129] Ныне это дом № 7 на улице Дадиани в Тбилиси.

[130] В бою с казаками Камо, руководивший боевым рабочим отрядом, получил пять ранений и был схвачен в бессознательном состоянии. Когда он пришел в сознание, то услышал, как казаки обсуждают его судьбу. Что сделать с бунтовщиком – отрезать ему нос или повесить? Камо в тот момент предпочел бы быть повешенным, поскольку отрезанный нос полностью исключал возможность конспиративной работы. Такая примета, как отрезанный нос, бросалась бы всем в глаза. К счастью, казаки решили передать Камо, выдававшего себя за крестьянина, случайно оказавшегося в месте боя, в руки полиции. *(Примечание И. Г. Капанадзе.)*

На третий день моего пребывания в тюрьме ко мне подошел молодой грузин.

– Меня зовут Сандро Шаншиашвили[131], – сказал он. – Я – ученик аптекаря Рухадзе. Вы можете назваться моим именем для того, чтобы вас выпустили. Меня арестовали случайно, у полиции на меня ничего нет.

В тюрьмах всегда было много провокаторов, поэтому я ответил:

– Не понимаю, о чем вы говорите, господин Шаншиашвили. Меня и без вас должны отпустить, ведь я случайно попал в тюрьму. Шел домой, как вдруг налетели казаки и схватили меня. Я ничего не делал, скоро разберутся и выпустят меня.

Шаншиашвили понимающе улыбнулся и сказал:

– Иосиф Джугашвили передавал вам поклон, – сказал Шаншиашвили и добавил кое-что такое, что убедило меня в том, что он не провокатор.

Иосиф в то время только что вернулся из Таммерфорса, где он был на Первой Всероссийской конференции РСДРП и познакомился с Лениным. Узнав о моем аресте, он верно оценил шансы на побег и разработал единственно возможный план. Убежать из Метехского замка в то время было очень трудно. Охрану тюрьмы усилили, добавили много предосторожностей. Вдобавок ко всему Метехи пользовались у нас, революционеров, дурной славой. Тамошние тюремщики чуть что стреляли в арестантов и гордились этим – вот мы какие строгие, у нас не забалуешь! Здесь был убит товарищ Ладо[132] и многие другие наши товарищи. Сталин опасался того, что я могу пострадать, и решил, что лучше всего будет организовать замену.

Под именем Шаншиашвили я ходил на допросы и старательно изображал простака. Сам я не назвал своего настоящего имени при аресте. Сказал, что меня зовут Петрос Овнанян. Под этим именем до моего выхода на свободу жил в тюрьме Сандро Шаншиашвили. Мы встретились с ним недавно и вспомнили события тех дней.

Под именем Сандро Шаншиашвили я вышел на волю в феврале 1906 года. При моем освобождении возникла одна сложность. Мне дали в провожатые городового, который должен был довести меня до полицейского участка, в котором был прописан Шаншиашвили. «Мой» паспорт, то есть паспорт Сандро, был у городового. Как нарочно, городовой оказался крепким, нестарым еще мужчиной. Я понял, что сбить его с ног одним ударом кулака у меня не получится. К тому же после сидения в тюрьме я чувствовал себя не очень хорошо. Драка означала провал. В Тифлисе, набитом полицией и казаками, среди бела дня городовому кто-то сразу бы пришел на помощь. Пришлось мне пойти на хитрость.

– Вай, вай, какой позор, – запричитал я, схватившись за голову. – Что скажут люди, когда увидят, что меня ведет по Тифлису полиция? Что скажут родители моей Нино? Вай, вай, они скажут: не нужен нам зять-арестант, найдем тебе другого жениха! Какой позор! Что мне делать? Топиться? Все, решено, утоплюсь! Сначала арестовали ни за что, теперь на весь город позорите!

Городового не столько тронули мои причитания, сколько «синенькая»[133], которую я ему дал. Деньгами перед выходом из тюрьмы снабдили меня товарищи. Мы договорились, что он разрешит мне доехать до участка на извозчике, а сам поедет на трамвае. Городовой не беспокоился, что я убегу, ведь «мой» паспорт был у него. Да и зачем мне бежать, если меня выпустили из тюрьмы? Мы с Сандро были немного похожи, но не очень, и я не мог рисковать, выдавая себя за Сандро в участке. Городовой остановил извозчика, записал его номер и велел доставить меня к участку. Я использовал старый трюк, который хорошо умел делать – выско-

[131] Сандро Ильич Шаншиашвили (1888–1979) – грузинский революционер, поэт и драматург. Заслуженный деятель искусств Грузинской ССР (1930). Лауреат Сталинской премии второй степени (1949).

[132] Владимир («Ладо») Захарьевич Кецховели (1876–1903) – грузинский революционер, социал-демократ, соратник И.В. Сталина. Был убит надзирателем в Метехской тюрьме.

[133] «Синенькая» – пятирублевая купюра.

чил из коляски во время поворота так, что извозчик ничего не заметил. Извозчику на сиденье оставил рубль в благодарность за участие, пускай и невольное, в моем спасении.

В ту пору из тюрем бежали многие наши товарищи, арестованные во время восстания. Некогда было сидеть по тюрьмам, надо было дело делать.

«Российский пролетариат не разгромлен, он только отступил и теперь готовится к новым славным боям»[134] – такой итог событиям 1905 года подвел Сталин.

[134] И.В. Сталин. Две схватки. Тифлис, январь 1906 года.

Подготовка к новым боям

На следующий день после моего побега я встретился со Сталиным. Встреча проходила в Дидубе[135], на ипподроме. В то время это было одно из немногих надежных конспиративных мест. За подавлением вооруженного восстания последовал невероятный разгул полицейского террора. За Сталина и других руководителей была объявлена большая награда, вне зависимости от того, живыми их возьмут или мертвыми. Несколько раз полиция проверяла документы у человека по фамилии Галиашвили и отпускала его, потому что все было в порядке и держался Галиашвили спокойно, непринужденно. Глупые полицейские не знали, что на самом деле перед ними не Галиашвили, а Джугашвили. Я по собственному опыту знаю, насколько важно для конспирации сохранять полное спокойствие во время разговора с полицейскими. Сталин превосходно владеет этим умением.

– Жаль, что нам не удалось победить на этот раз, – сказал мне Сталин. – Недостаточно сильно мы расшатали царский трон, недостаточно хорошо работали с народом. Не сумели открыть глаза солдатам, чтобы они повернули оружие против своих командиров, и многого еще не сумели сделать. Но ничего, мы станем учиться на своих ошибках и в следующий раз непременно победим!

Позже я узнал от товарищей, что Сталин в те дни разговаривал со многими из них, укрепляя в них веру в нашу неизбежную победу. Эта поддержка имела очень важное значение. Люди должны были понимать, что дело революции не погибло, что партия продолжает работать. Да, мы продолжали работать в то время, когда меньшевики думали только о выборах в Думу и о том, как бы окончательно перейти на службу к самодержавию.

– Войной с японцами дело не закончится, – сказал мне в тот день Сталин. – Грядет большая война между империалистами. Им мир стал тесен, каждый хочет править, не считаясь с другими. Очень скоро Англия и Франция начнут воевать с Германией и Австро-Венгрией. Непонятно, на чьей стороне выступит Россия, но для нас это не имеет значения. Значение имеет то, что эта война станет крахом самодержавия.

Никто из нас тогда всерьез не задумывался о мировой войне, а Сталин уже все предугадал. Он умеет смотреть вперед так далеко, как никто не умеет.

– Мы должны подготовиться к этой войне. В первую очередь, Камо, сейчас нам нужны деньги. Много денег. В декабре я был в Таммерфорсе[136] на партийной конференции[137] и познакомился с Лениным. Он просил меня как можно скорее достать сто тысяч на партийные нужды.

У меня уже давно были свои люди в банках, на почте и в казначействе, которые сообщали мне о перемещениях крупных сумм денег. Деньги легче всего взять при перевозке. Сколь велика ни была бы охрана, она все равно меньше той, что в банке, и взломать дверцу кареты гораздо легче, чем банковское хранилище. На сбор сведений у меня ушло около недели, после чего я начал готовиться сразу к двум «эксам» – в Кутаисе и на Коджорском тракте. Оба «экса» прошли хорошо, только вот денег было взято меньше, чем я рассчитывал, – в общей сложности около сорока тысяч. Не хватало шестидесяти, и в ближайшее время взять их было неоткуда. Пришлось нам с товарищами устроить несколько небольших «эксов» в Тифлисе. Это было довольно опасно, поскольку полиция в то время проявляла невероятную бдительность. Мы решили, что проведем все «эксы» в один день, один за другим, чтобы привести полицию в замешательство.

---

[135] Дидуб – окраинный район Тбилиси.

[136] Тампере (Таммерфорс) – город на юге Финляндии, второй по величине после Хельсинки.

[137] Речь идет о Первой Всероссийской конференции РСДРП, которая проходила в Таммерфорсе в декабре 1905 года.

Под видом князя Геловани (этих Геловани было что собак на базаре, а стало одним больше) я снял роскошную квартиру на Головинском проспекте, которая на время стала пристанищем для всей моей боевой группы. Девушки исполняли роль служанок, а парни – собутыльников князя. Нам следовало быть вне подозрений, поэтому мы вели себя соответствующим образом – кутили, буянили, горланили по ночам песни. Домовладельцу, который приходил нас увещевать, я сначала грозился отрезать уши, а затем сажал его за стол, давал в руки двухштофовый[138] рог и начинал провозглашать тосты. В общем, вел себя как настоящий благородный князь. Привлекать к себе слишком много внимания – это все равно что не привлекать его вовсе.

В назначенный день мы хорошенько встряхнули весь Тифлис, начав с Эриванской площади, где мы взяли кассу городского ломбарда, и закончив кассой общества взаимного кредита[139]. Между «эксами» в среднем проходило от сорока минут до часа. Мы взяли семьдесят две тысячи. Вечером князь Геловани дал у себя на квартире пир в честь своего друга князя Цулукидзе, которым был мой помощник Елисо Ломидзе. Кутеж продолжался до утра, а утром князья поехали на вокзал, провожать друг друга. Князь Цулукидзе отбывал домой в Кутаис, а князь Геловани – в Петербург. Князья, окруженные приятелями и веселыми девицами, не вызвали на вокзале подозрения.

Я беспрепятственно доехал до Финляндии, познакомился с Лениным и вернулся обратно в Тифлис. Знакомство с Лениным произвело на меня огромное впечатление. Я столько слышал о нем, читал его статьи, восхищался его умом, и вот этот великий человек сидит напротив меня и разговаривает со мной запросто, как с товарищем. Мы пили чай и говорили обо всем – о нашем деле, о работе на Кавказе, о том, что ждет Россию впереди. Ленин дал мне следующие поручения: добыть еще денег, организовать на них закупку оружия за границей, а также организовать на Кавказе производство новых мощных бомб, которые вскоре в нашем кругу стали называться «столыпинками», поскольку впервые они были испытаны в деле при нападении на дачу Столыпина[140].

– Время мирных демонстраций прошло, – сказал мне Ленин. – Теперь нужно выходить на улицу с бомбами[141] и винтовками.

Вскоре после возвращения в Тифлис я снова уехал в Петербург под именем князя Дадиани. Столичная полиция не испытывала такого пиетета к князьям, как тифлисская, в ней служили куда более умные люди, и вообще порядки в Петербурге были более строгими, поэтому я использовал для конспирации не выдуманное имя, а настоящее – князя Николая Дадиани (младшего)[142]. Николай, которого вся Грузия знала как Коку, был кутилой и игроком. При

---

[138] Штоф равнялся 1,23 литра.

[139] Тифлисское общество взаимного сельскохозяйственного кредита.

[140] Петр Аркадьевич Столыпин (1862–1911) – видный государственный деятель Российской империи. В разные годы занимал посты гродненского и саратовского губернатора, министра внутренних дел, премьер-министра. На Столыпина планировалось и было совершено 11 покушений. Во время последнего, совершенного в Киеве анархистом Дмитрием Богровым, Столыпин получил смертельное ранение, от которого через несколько дней скончался. «Нападение на дачу», о котором упоминает Камо, это неудачное покушение эсеров-максималистов на Петра Столыпина 12 (25) августа 1906 года.

[141] Отрывок из одной ленинской статьи того времени дает представление о том, какое значение у большевиков придавалось бомбам: «Бомба перестала быть оружием одиночки-«бомбиста». Она становится необходимой принадлежностью народного вооружения. С изменениями военной техники изменяются и должны изменяться приемы и способы уличной борьбы. Мы все изучаем теперь (и хорошо делаем, что изучаем) постройку баррикад и искусство защиты их. Но за этим полезным старым делом не надо забывать новейших шагов военной техники. Прогресс в применении взрывчатых веществ внес ряд новинок в артиллерийское дело. Японцы оказались сильнее русских отчасти и потому, что они умели во много раз лучше обращаться с взрывчатыми веществами… Изготовление бомб возможно везде и повсюду. Оно производится теперь в России в гораздо более широких размерах, чем знает каждый из нас (а каждый член социал-демократической организации, наверное, знает не один пример устройства мастерских). Оно производится в несравненно более широких размерах, чем знает полиция… Никакая сила не сможет противостоять отрядам революционной армии, которые вооружатся бомбами…» (*В. И. Ульянов-Ленин.* От обороны к нападению, газета «Пролетарий» № 18 от 26 (13) сентября 1905 года.)

[142] Николай Николаевич Дадиани (1876–1919), второй и последний светлейший князь Мингрельский, чиновник Мини-

жизни его отца[143] Кока не имел возможности гулять на широкую ногу, но после того, как старый князь умер, пустился во все тяжкие и очень скоро, за каких-то три года, промотал отцовское наследство. Я на правах старого знакомого арендовал у Коки его имя вместе с документами и кое-какими семейными драгоценностями. На время моего отсутствия Кока обязался безвыходно сидеть дома. Просьба ко мне у него была всего одна – не посрамить честь рода Дадиани.

– Не беспокойся, князь, – заверил его я, – не посрамлю, стану сорить деньгами налево и направо.

Так я и поступил. Имя князя Дадиани было для меня хорошим прикрытием. Никто и подумать не мог, что под ним скрывается политический арестант, дважды бежавший из-под стражи. Кроме этого, благородному князю положено иметь много багажа. Мой багаж занимал чуть ли не полвагона. По дороге в Петербург многие чемоданы и коробки были набиты кирпичами, а вот обратно я привез в них то, что было нужно для изготовления бомб и оружие. Первая на Кавказе мастерская по изготовлению бомб была организована в Авлабарской типографии. Вскоре таких мастерских было уже семь – две в Тифлисе, одна в Чиатурах, одна в Кутаисе, одна в Батуме, одна в Поти и одна в Баку. Все произошло быстро, поскольку товарищи заранее подготовились – нашли места, выделили людей. Находясь в Петербурге под видом князя Дадиани, я досконально изучил устройство новой бомбы и процесс ее изготовления. Обучал меня сам ее изобретатель – товарищ Красин[144], с котором я был знаком по совместной работе в Баку. Происходило это в одной из лабораторий Технологического института. Чтобы оправдать свои частые появления в институте, князь Дадиани рассказывал всем, что он интересуется горным делом, но в подробности не вдавался. Люди «догадывались», что князь собирается добывать что-то на своих землях, скорее всего золото, но пока держит все в тайне.

После того как мастерские были организованы и начали работать, Сталин сказал мне:

– Камо, на моих глазах ты из мальчишки превратился в революционера. Потом революционер стал командиром боевиков. Теперь же ты стал организатором. Это высшее звание для революционера. Главное наше дело – организовывать народ на борьбу с самодержавием и снабжать его всем необходимым для этого. Я радуюсь, когда рядом со мной вырастает новый организатор. Значит, партия крепнет, значит, ширится наше дело. Думаю, что вскоре ты сможешь возглавить одну из наших организаций.

Мне было очень приятно слышать такие слова, но я не считал себя готовым к руководству организацией. Руководитель организации должен быть не только практиком, но и теоретиком. Надо проводить дискуссии, обучать агитаторов, направлять и контролировать их работу, писать статьи и прокламации. Я не считал себя в то время готовым ко всему этому. Так я и сказал Сталину.

– Для большевиков нет ничего невозможного! – резко ответил мне Сталин. – Будет нужно, так начнешь не то что прокламации, книги начнешь писать! «Я не готов» – это не партийный ответ, Камо. Партийный ответ: «Я готов на все ради победы революции!» Удивительно, только что передо мной сидел большевик Камо, и вдруг вместо него я вижу мальчишку Тер-Петросова!

Сталин редко отчитывал меня, но все эти случаи я запомнил на всю жизнь. Очень уж сильно мне было стыдно в такие моменты. Я относился и отношусь к Сталину не только как

стерства иностранных дел Российской империи.

[143] Нико Дадиани (светлейший князь Николай Давидович Мингрельский; 1847–1903) – последний владетельный князь Мегрелии, утративший трон в 1866 году после упразднения Мегрельского княжества.

[144] Леонид Борисович Красин (1870–1926) – русский революционер, советский государственный и партийный деятель. В 1905–1908 годах возглавлял Боевую техническую группу при ЦК РСДРП, занимавшуюся изготовлением, приобретением и транспортом оружия для боевых дружин, а также формированием и обучением этих дружин. Боевая техническая группа действовала под контролем большевистской фракции РСДРП. Несмотря на свои заслуги, значительным влиянием в партии Красин не пользовался в связи с его конфликтом с Ульяновым-Лениным в 1909 году и последовавшим за этим отходом от активной политической деятельности, которая возобновилась с конца 1917 года.

к одному из руководителей нашей партии, но и как к своему наставнику, человеку, который поверил в меня, юного и глупого, который оказал мне доверие и привел меня в революцию. Много раз я думал о том, кем бы я мог стать, не сведи меня судьба со Сталиным. Мог стать меньшевиком, ведь в одно время я был ярым националистом. Мог бы стать обычным налетчиком, ведь я по складу характера человек рисковый, риск приятно щекочет мне нервы. А мог бы жениться на девушке из приличной семьи, которую сосватала бы мне моя тетка, завести какую-нибудь лавку, обуржуазиться. Страшно представить, что только могло со мной случиться! В отличие от таких товарищей, как Степан Шаумян или Михо Бочоридзе, у меня в юности в голове гулял ветер. Я был глупым, несерьезным, не знающим жизни юнцом. Мне очень повезло, что мой старинный знакомый Иосиф Джугашвили поверил в меня. Он сумел разглядеть то, что крылось глубоко в моей душе. Он поверил в меня, и как я могу его подвести? Не могу!

В том же году случилось так, что я, пусть и не по своей воле, подвел товарищей. Я очень сильно переживал по этому поводу и непременно хочу рассказать про этот случай.

В середине 1906 года я уехал за границу, чтобы помогать товарищу Литвинову[145] в закупках оружия и перевозке его в Россию, а именно – на Кавказ, поскольку оружие предназначалось для наших кавказских товарищей. Партия была большой, счет шел на тысячи, и кроме винтовок с маузерами там было несколько пулеметов и тонна динамита. Груз со всей Европы (покупали мелкими партиями, чтобы не вызывать подозрений) собирали в Варне, откуда мне было поручено переправить его в Батум.

Было две сложности – деньги и команда. Не сразу удалось найти и то и другое. В ЦК в то время заправляли меньшевики[146], которые всячески ставили нам палки в колеса[147]. В результате мы упустили время и вышли в море не летом, как намеревались изначально, а поздней осенью, в сезон штормов. Кроме этого, наше длительное пребывание в Варне привлекло внимание полиции, и сразу после выхода в море нас попытались перехватить военные корабли. Формально груз предназначался турецким армянам для их борьбы против турок, но местной полиции все же удалось разнюхать, что оружие идет не в Турцию, а в Россию.

Чтобы обмануть преследователей, наш капитан решил идти в Батум кружным путем. Сложно было набрать команду, на которую мы могли бы положиться. Основу ее составили мат-

---

[145] Максим Максимович Литвинов (настоящее имя Меир-Хенех Моисеевич Баллах; 1876–1951) – российский революционер, советский дипломат и государственный деятель.

[146] В апреле 1906 года в Стокгольме собрался 4-й Объединительный съезд РСДРП, на котором меньшевики имели больше мандатов, чем большевики (из 112 делегатов с решающим голосом 62 были меньшевиками, а 46 – большевиками). В. И. Ульянов-Ленин разработал к съезду тактическую платформу большевиков (проекты основных резолюций съезда), согласно которой следовало готовить новое революционное восстание, направленное против самодержавия. Меньшевики подготовили к съезду свою платформу, в которой практически отказывались от революционных форм борьбы. Формально Стокгольмский съезд закрепил объединение РСДРП, но на деле никакого единства в партии не наблюдалось. «В ЦК взяли несколько наших товарищей, как мы тогда говорили, заложниками, – вспоминал революционер Григорий Зиновьев. – Но в то же время на самом съезде большевики составили свой внутренний и нелегальный в партийном отношении Центральный комитет. Этот период в истории нашей партии, когда мы были в меньшинстве и в ЦК, и в Петроградском комитете и должны были скрывать свою сепаратную работу». На 6-й (Пражской) Всероссийской партийной конференции РСДРП, состоявшейся в январе 1912 года в Праге, произошел окончательный раскол РСДРП, который положил начало оформлению большевистской (ленинской) фракции в самостоятельную партию – Российскую социал-демократическую рабочую партию (большевиков), или РСДРП(б).

[147] Из воспоминаний М.М. Литвинова: «В Варне все было готово для отправки в июле или в августе, и я не сомневаюсь, что все сошло бы благополучно, если бы мы могли тогда произвести отправку. Произошла, однако, заминка финансового характера… Я в самом деле не был достаточно предусмотрителен, чтобы перевести за границу всю доставленную в мое распоряжение кавказскими товарищами сумму, выписывая деньги от ЦК по мере надобности. До Стокгольмского съезда мои финансовые требования удовлетворялись т. Никитичем без всяких задержек, и я, в свою очередь, имел возможность оплачивать счета, скрепляя свое положение и доверие к себе со стороны коммерсантов, с которыми мне приходилось иметь дело. С переходом же ЦК в руки меньшевиков в пересылке денег наступили серьезные перебои. На телеграммы и письма в ЦК я подолгу не получал ответов, просьбы о денежной помощи оставались гласом вопиющего в пустыне. Я протестовал, ругался, указывал, что успех дела зависит от своевременной отправки оружия в спокойную погоду, до наступления осенних штормов в Черном море. Видя, что делу грозит несомненный крах и что письмами и телеграммами на меньшевистский ЦК не воздействуешь, я вынужден был отправиться в Петербург».

росы с броненосца «Потемкин»[148]. Капитаном тоже был матрос-потемкинец Афанасий Каютенко. Только машинист был болгарским армянином, тоже социалистом, все остальные были русскими. У товарищей было много революционной сознательности, но знаний им не хватало. Я думал о том, чтобы перед отплытием захватить в Варне нескольких морских офицеров и заставить их вести корабль в Батум, но наш капитан отговорил меня от этого намерения. Он заверил, что все будет в порядке.

– Не в Америку же нам плыть, а по Черному морю, – повторял он. – Я по нему столько раз ходил, что с закрытыми глазами приведу нашу «ласточку» в Батум.

Капитан и остальные члены команды держались настолько уверенно, что я, человек, далекий от морских дел, поверил им. За это я упрекаю себя до сих пор, несмотря на то что набором команды занимался не я и не я был виноват в столь позднем отплытии. Но доставка была поручена мне, значит, я должен был верно оценить обстановку и все предусмотреть. Случилось так, что наш корабль на третий день своего плавания во время шторма сел на мель недалеко от румынского берега, и сел так крепко, что пришлось бросить его там вместе со всем грузом. Я плакал, когда плыл в лодке до берега. Столько денег, столько усилий пропали зря! Невероятно жаль было груза. Доплыв до берега, я хотел нанять в Констанце какое-нибудь небольшое судно, чтобы спасти хотя бы самое ценное (деньги на это у меня были), но меня арестовала румынская полиция. У Румынии были напряженные отношения с царской Россией, поэтому меня не торопились выдавать и вообще не предпринимали со мной ничего, а просто держали в камере, причем в одиночной. В результате сложной политической игры наш груз был объявлен принадлежащим македонской революционной организации, боровшейся за обретение независимости Македонии от Османской империи. Румынские власти поспешили счесть меня македонцем, против чего я совершенно не возражал, и выпустили на волю.

Никто из товарищей не упрекнул меня ни единым словом за эту неудачу. Все ругали меньшевиков, которые вовремя не снабдили Литвинова деньгами. Если бы мы плыли в июле или августе по спокойному Черному морю, то шансов доплыть до Батума у нас было бы гораздо больше. Но я сам упрекал себя и считал, что как ответственный за доставку груза, я отчасти виновен в случившемся перед партией и непосредственно перед кавказской организацией, для которой предназначалось оружие.

– Я тебя понимаю, Камо, – сказал мне Сталин, когда я вернулся в Тифлис. – Очень хорошо понимаю, потому что знаю, что такое ответственность за порученное дело. Плохо получилось, но сейчас нужно думать не об этом, а о том, как мы можем компенсировать эту потерю.

[148] «Князь Потемкин-Таврический» – легендарный броненосец российского Черноморского флота. Летом 1905 года из-за некачественной пищи на нем стихийно началось вооруженное выступление матросов, которые захватили корабль, убив при этом часть офицеров. Восстание закончилось тем, что мятежный броненосец сдался румынским властям в порту Констанца.

Как мы компенсировали потерю корабля с оружием

Еще до 1905 года, благодаря нашим частым экспроприациям, у банков и почтовых контор выработалась привычка не перевозить разом крупные суммы денег. Обычно крупные суммы делились на несколько помельче, так что взять при перевозке тысяч восемьдесят или больше считалось удачей.

В начале июня 1907 года товарищ Красин сообщил, что из Петербурга в Тифлис готовится отправка двухсот пятидесяти тысяч. Огромная сумма! Столько мы еще никогда не брали. Мы стали думать, как и где мы можем взять эти деньги.

Незадолго до того в Лондоне состоялся пятый по счету съезд РСДРП, на котором предателям-меньшевикам удалось принять постановление о запрете экспроприаций [149]. Это постановление было для нас как удар кинжалом в спину. После подавления восстания 1905 года наши силы были ослаблены, а царизм развязал против нас настоящий террор. В таких условиях нам было очень сложно работать, и этим тут же воспользовались буржуи, прежде регулярно дававшие нам деньги. Они начали отказываться делать это, и наши «доходы» сильно упали, в то время как расходы возросли. По мнению меньшевиков, то есть по их заявлениям, абсурдность которых они прекрасно понимали и сами, наше финансирование должно было осуществляться за счет добровольных пожертвований. «Мы не уголовники, а политики!» – твердили меньшевики. «Уголовник – это тот, кто берет для себя, а тот, кто старается для народного блага – герой», – обычно отвечали на это мы. О каких серьезных «добровольных пожертвованиях» могла идти речь в партии, поддерживаемой беднейшей частью населения? Собирать последние копейки с рабочих? Они бы дали, они доказали, что не только деньги, но и жизни свои готовы отдать для победы нашего дела, но нам не позволила бы совесть забирать у них последнее. Да и много ли мы могли бы собрать с рабочих?

«Историческая справедливость проявляется в том, что капитализм сам финансирует свое уничтожение», – говорил Сталин.

Меньшевики также предлагали распустить боевые отряды партии и сдать властям все имевшееся у нас оружие. Но мы их не слушали, у нас был свой большевистский центр[150], который возглавлял Ленин. Сейчас товарищи, далекие от политики, часто спрашивают: почему размежевание с меньшевиками не было проведено раньше? Обстановка не позволяла сделать этого раньше. Но на деле наши дороги разошлись навсегда уже в 1905 году.

Разумеется, никто из большевиков и не думал отказываться от вооруженной борьбы и экспроприаций, сдавать оружие и распускать боевые отряды. Сделать это означало бы пре-

---

[149] «Меньшевики часто говорят, что задачей социал-демократии всегда и везде является превращение пролетариата в самостоятельную политическую силу. Верно ли это? Безусловно верно! Это – великие слова Маркса, которые всегда должен помнить всякий марксист. Но как их применяют тов. меньшевики? Содействуют ли они фактическому выделению пролетариата из массы окружающих его буржуазных элементов в самостоятельный независимый класс? Сплачивают ли они революционные элементы вокруг пролетариата и готовят ли они пролетариат к роли вождя революции? Факты показывают, что ничего подобного меньшевики не делают. Наоборот, меньшевики советуют пролетариату почаще устраивать соглашения с либеральной буржуазией – и тем самым содействуют не выделению пролетариата в самостоятельный класс, а смешению его с буржуазией; меньшевики советуют пролетариату отказаться от роли вождя революции, уступить эту роль буржуазии, идти за буржуазией – и тем самым содействуют не превращению пролетариата в самостоятельную политическую силу, а превращению его в хвостик буржуазии… То есть меньшевики делают как раз обратное тому, что они должны были бы делать, исходя из правильного марксистского положения». *И.В. Сталин*. Лондонский съезд Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (Записки делегата). Впервые опубликовано в газете «Бакинский Пролетарий» № 1 и 2 от 20 июня (3 июля) и 10 (23) июля 1907 года под псевдонимом «Коба Иванович».

[150] Большевистский центр – нелегально существовавший с мая 1906 по январь 1910 года (при формальном единстве РСДРП) руководящий орган фракции большевиков, который представлял собой расширенную редакцию газеты «Пролетарий». Руководство центром осуществляли Владимир Ульянов-Ленин, Александр Богданов и Леонид Красин.

дать революцию. Деньги, которые мы добывали, поступали напрямик в большевистский центр, минуя меньшевистский ЦК.

Решение меньшевиков сильно обрадовало царскую власть. Могу предположить, что решение о перевозке в Тифлисе двухсот пятидесяти тысяч разом, а не частями, принималось с учетом постановления о запрете «эксов». На Кавказе «эксы» проходили чаще, гораздо чаще, чем в других областях, и здесь при перевозке денег соблюдались особые предосторожности. Наши враги не понимали или понимали, но не до конца, что настоящие революционеры не пойдут на поводу у предателей. Но мы скоро дали им это понять[151].

Сталин и я под видом богатых бездельников дважды прошли от почты до банка, выбирая подходящее место. Во второй раз Сталин остановился на Эриванской площади и сказал мне:

– Здесь удобнее всего.

– Здесь? – удивился я. – Почему?

Мне казалось, что лучше напасть сразу же по выезде с почты. Конвой еще не успеет сосредоточиться, да и не будет никто ждать нападения прямо у почты, обычно же нападают на улице, там где потише. Но нападать на Эриванской, у штаба Кавказского военного округа, где всегда полным-полно военных и рядом полицейский участок, казалось безумием.

– Здесь! – повторил Сталин. – Банк близко, рукой подать. Они расслабятся, будут считать, что уже доехали до него. На площади много полиции и офицеров, здесь никто не будет ждать нападения. Внезапность нам на руку.

Прямо здесь, на площади, Сталин показал мне, как нужно будет расставить товарищей. За время прогулки, пока я только прикидывал, как быть, он уже составил четкий и весьма необычный план. По этому плану после того, как на площади будут брошены бомбы, мне, одетому в казачью офицерскую форму, предстояло «спасти» деньги. Я должен был везти мешки с деньгами открыто в фаэтоне и кричать всем полицейским и военным, которые будут попадаться мне навстречу: «Деньги спасены, господа! Скорее на площадь! Там настоящее сражение!» Никто не подумает, что офицер, открыто везущий мешки с деньгами, может быть экспроприатором.

Казаком я должен был нарядиться не для того, чтобы вызывать меньше подозрений как верный слуга престола, а потому что среди казаков было много брюнетов с восточными чертами лица.

Мне план очень понравился. Замечательный, гениальный план! Я сразу поверил в то, что мы возьмем эти деньги. В сталинском плане, на мой взгляд, был только один недостаток. Сталин не сказал, кто из товарищей будет моим напарником. Мне предстояла ключевая роль в «эксе», поэтому непременно должен был быть кто-то, кто сможет заменить меня в том случае, если меня во время взрывов на площади убьют или ранят.

– Надо будет Купрашвили[152] тоже в офицерскую форму одеть и на пролетку посадить, – сказал я. – На всякий случай, чтобы заменил меня, если потребуется. Пускай вот тут на углу встанет и с девушкой галантничать начнет.

– Почему невнимательно слушаешь? – нахмурился Сталин. – Мы же о важном деле говорим. Купрашвили пусть стоит там, где нужно, и делает свое дело. А «на всякий случай» здесь буду я.

– Ты?! – Я не поверил своим ушам. – Нет! Что ты, Иосиф! Тебе нельзя так рисковать!

– Вам можно, а мне нельзя?! – усмехнулся Сталин. – Или ты думаешь, что я не справлюсь? Справлюсь, не беспокойся. Ты подъесаулом будешь, а я – жандармским ротмистром.

---

[151] Камо не упоминает о том, что незадолго до июньского «экса» 1907 года он был серьезно ранен в результате взрыва капсюля во время изготовления бомб в лаборатории. Осколки попали в правый глаз, навсегда нарушив зрение, и в правую руку. *(Примечание И Г. Капанадзе.)*

[152] Самуил («Бачуа») Дианозович Купрашвили (1887–1937) – грузинский революционер, большевик, помощник Камо.

Я понял, что спорить бесполезно. 13 июня[153] мы провели этот «экс» так, как было спланировано[154].

Накануне случилось неприятное происшествие. Один из членов нашей группы, Дато Чиабришвили, живший по чужому паспорту, попал в полицию. Дато шел по улице и увидел, как двое городовых с руганью волокли в участок старуху, которая едва стояла на ногах. Уж непонятно, в чем она могла провиниться. Прохожие, отворачиваясь, проходили мимо. Дато громко сделал жандармам замечание, сказал, что нельзя так грубо обращаться со старым человеком, тем более с женщиной. Если уж она в чем-то и виновата, так отвезите ее в участок на извозчике, видно же, что она еле ходит. Городовые бросили старуху и схватили Дато. В Тифлисе и во всей губернии в то время действовало военное положение, введенное еще в 1905 году. Его долго не отменяли, лет пять, потому что все время что-то случалось – то забастовка, то крестьянские волнения. Бедным крестьянам доставалось больше, чем рабочим. С рабочих драли три шкуры, а с крестьян все семь.

Городовые привели Дато в участок и стали обвинять в подстрекательстве к бунту. Дато ни к какому бунту не подстрекал, просто сказал: «Что вы делаете? Разве так можно?» – но городовых было двое против него одного, и они вместе с приставом явно хотели заработать на нем легкие деньги. Дато попросил разрешения отправить записку своему двоюродному брату. Ему разрешили. Под видом брата в полицию с фальшивым паспортом Дато явился я. Освобождение Дато обошлось мне в сто пятьдесят рублей. По двадцать пять рублей пришлось дать городовым и сотню взял пристав. По меркам 1904 года за такое «преступление» это была неслыханная взятка. Но военное положение увеличило аппетиты полиции.

– Нельзя так, Дато! – ругал его я, когда мы ехали домой. – Зачем лезешь на рожон?! Ты на нелегальном положении, вдобавок завтра у нас важнейшее дело и заменить тебя я никем бы не смог! Понятно, что старуху жалко, но надо было мимо пройти! Мы же для всех стараемся, и для нее тоже. Победим, разгоним царскую полицию ко всем чертям и организуем свою, рабочую, которая всем старухам «майрик-джан»[155] говорить станет! Это хорошо, что пристав оказался жадным дураком и больше смотрел на деньги, которые я ему дал, чем на твой паспорт!

– Я хотел мимо пройти, да не смог! – оправдывался Дато. – Видел бы ты эту старуху!

Проходить мимо творимого властями произвола было, пожалуй, самым трудным во всей конспиративной деятельности. У меня самого много раз чесались руки, когда я видел, как эти сволочи издеваются над людьми, особенно над пожилыми. Однажды в безлюдном переулке, около одной из наших конспиративных квартир, я вырвал нагайку у казака, хлеставшего ею пожилого крестьянина. Казак потянул из ножен шашку, но я не стал дожидаться, пока он ее достанет, и хлестнул лошадь нагайкой по морде. Лошадь встала на дыбы, казак вылетел из седла, а я подхватил старика, и мы быстро ушли через дворы.

Сталин после того, как восстание было подавлено, сказал мне:

– Смотри, Камо, как свирепствует полиция. Совсем распоясались эти негодяи! А я помню, как некоторые наши товарищи говорили: «Не надо лишней крови, если полицейские бросают оружие, то не надо их убивать». Они тогда побросали оружие со страху, а теперь снова его взяли. Нет, в следующий раз мы будем беспощадными к нашим врагам! У русских есть

---

[153] По старому стилю.

[154] Текст телеграммы заведующего Особым отделом по полицейской части канцелярии наместника полковника В. А. Бабушкина в Департамент полиции: «Тифлис, 13 июня 1907 года. Сегодня в 11 утра в Тифлисе на Эриванской площади транспорт казначейства в 250 тысяч был осыпан семью бомбами и обстрелян с углов из револьверов, убито два городовых, смертельно ранены три казака, ранены два казака, один стрелок, из публики ранены 16, похищенные деньги, за исключением мешка с девятью тысячами изъятых из обращения, пока не разысканы, обыски, аресты производятся, все возможные меры приняты».

[155] Дорогая мама *(арм.)*.

хорошая пословица: «Горбатого только могила исправит». Вот и полицейского тоже только могила может исправить.

Утром в день «экса» Сталин приехал к нам в жандармском мундире. Я в очередной раз оценил, как он умеет перевоплощаться. У него не только осанка с походкой изменились, но и взгляд стал жандармским. Если бы я не был с ним знаком, то принял бы его за настоящего жандарма, а у меня на эту публику взгляд наметанный. Сталин оглядел нас и еще раз напомнил каждому, что он должен делать. Мне сказал:

– Камо, держись посвободнее. Ты офицер, капитан, а не сопливый юнкер, чтобы в струнку тянуться. Тем более, ты не на службе, сидишь в фаэтоне, девушку ждешь.

Наших девушек, Александру Дарахвелидзе и Анету Сулаквелидзе, которые должны были изображать случайно встретившихся на площади подруг, Сталин попросил изобразить, как они станут разговаривать. Послушал немного и сказал:

– По-русски, только по-русски говорите, не переходите на грузинский, чтобы все понимали, о чем вы говорите. Хихикайте почаще и немножко французских слов в речь вставляйте – «мерси», например, или «тре бьен». Если кто-то из офицеров с вами заигрывать начнет, не возмущайтесь, а отвечайте.

Девушки должны были стоять возле штаба. Там останавливаться не разрешалось, сразу прогоняли, но мы решили, что двух молодых красоток из галантности прогонять не станут, и не ошиблись. Двое наших товарищей – Котэ Цинцадзе и Пация Галдава, караулили возле почты, чтобы дать нам знак. Еще двое, наш резервный отряд, Нодар Ломинадзе и Бесо Голенидзе засели в кондитерской Саакянца на Сололакской. У них была двойная задача. Если мы брали деньги, они отвлекали полицию, чтобы дать нам возможность скрыться. Если бы у нас ничего не получилось, Нодар с Бесо должны были бы предпринять еще одну попытку. Я снабдил их мощными бомбами.

– Только не бросайтесь в драку сразу, как только услышите взрывы! – несколько раз повторили им Сталин и я. – Вы не должны привлекать к себе внимания до тех пор, пока не придет ваш час. Вы – резерв!

Парни были горячие, отважные, я немного беспокоился, но они все сделали правильно. Когда я с деньгами уехал в сторону Головинского проспекта, они выскочили из кондитерской и стали громко кричать, показывая в сторону Ртищевской:

– Туда, туда они поехали! Двое мужчин в черных чохах на фаэтоне!

Для этого «экса» пришлось изготовить четырнадцать бомб, бросили мы восемь. Владелец кондитерской Карапет Саакянц был одним из немногих, кто искренне сочувствовал нашему делу. Правда, он не знал, зачем именно парни сидят в его кондитерской.

Я приехал на площадь в начале десятого. Моим фаэтоном правил Гиго Матиашвили, удивительно хладнокровный человек. У него можно было стрелять над ухом из револьвера – он даже не вздрогнет. Все члены моей группы были хладнокровными и храбрыми, но Гиго выделялся на общем фоне. Он очень хотел бросать бомбу, но я усадил его на фаэтон.

Сталин уже прогуливался по площади, время от времени поглядывая на часы. Часы у него были со встроенным в крышку зеркалом. Очень удобно для того, чтобы смотреть назад, не оборачиваясь. Фаэтоном, на котором он приехал, правил Илико Чичиашвили, самый лучший стрелок из всей нашей группы. Я настоял на том, чтобы именно Илико сопровождал Сталина, и просил Илико не столько смотреть за «эксом», сколько охранять Сталина.

– Смотри, Илико, головой мне отвечаешь за товарища Сосо, – сказал ему я. – Те деньги, которые мы собираемся взять, не стоят ничего перед его жизнью. Если с ним что-то случится, никто его не заменит.

Я нисколько не преувеличивал. Много хороших организаторов было среди кавказских большевиков, но ни один из них не мог сравниться со Сталиным. Так же, как никто не может сравниться с Лениным. Иосифу в 1907 году не было еще и тридцати лет, но его авторитет при-

знавали все. Даже меньшевики, всячески поносившие большевиков, уважали его. Уважали и боялись, избегали вступать с ним в дискуссии, потому что знали, что он разобьет их. Сталин все знал, все предвидел, обо всем помнил… Скажу честно, что, зная его много лет, я не представляю, как один человек может делать такую работу, и делать ее столь блестяще. Двумя революционерами я восхищаюсь – Лениным и Сталиным, не просто уважаю и ценю их, а именно восхищаюсь ими, их мудростью, их прозорливостью, их способностью держать в уме столько всего, отчего моя голова, наверное бы, раскололась. Эти люди – истинные гении революции, и оба они, при всех своих достоинствах, невероятно скромны.

Следом за мной появились остальные товарищи и заняли свои места. Купрашвили и Чиабришвили были одеты в щегольские костюмы, они остались на площади. Другие парни оделись как авлабарские приказчики, только не в повседневное, а в праздничное. Они засели в ресторане «Тилипучури».

Мы не знали точно, в котором часу повезут деньги, но знали, что их повезут с утра. Об этом сказал наш человек на почте. В половине одиннадцатого через площадь на фаэтоне проехали Цинцадзе и Галдава. Изображая гуляку, который пьян с самого утра, Котэ громко, на всю площадь, горланил песню. Это означало, что деньги уже везут. Пация, встретившись со мной взглядом, показала два оттопыренных пальца. Это означало, что фаэтонов два, один с деньгами, а другой с охраной. Этого я и ожидал. Такую огромную сумму не повезут под охраной двух солдат.

После того как фаэтон с Котэ и Пацией свернул на Вельяминовскую, Дато Чиабришвили вызвал из ресторана сидевших там товарищей. Мы приготовились действовать. Котэ с Пацией вышли из фаэтона и встали на углу Вельяминовской. Котэ звал Пацию в ресторан, а она уговаривала его ехать домой и проспаться. Котэ должен был бросить бомбу на другом конце площади, чтобы вызвать суматоху и отвлечь внимание от фаэтона с деньгами. После этого они с Пацией должны были действовать по обстоятельствам. Мы подготовились очень хорошо. Ни в одном моем «эксе» не участвовало сразу столько товарищей. Дело того стоило – целых двести пятьдесят тысяч!

– Здесь стоять нельзя! Проходите! – вдруг услышал я голос Сталина. – Военное положение! Проходите!

Он прогонял гимназистов, которые стояли возле дома Общества взаимного кредита, мимо которого должны были проехать фаэтоны, чтобы затем свернуть на Сололакскую. Прогонял, чтобы они случайно не пострадали во время «экса». Я еще удивился, что здесь делают гимназисты в то время, когда им положено быть в гимназии?

Деньги везли под двойной охраной. На втором фаэтоне сидели стражники, а впереди и по бокам ехали казаки, пятеро. Казаки представляли наибольшую опасность, но мы надеялись, что от взрывов лошади испугаются и сбросят седоков.

«Экс» удался благодаря предусмотрительности Сталина, который продумал все возможные варианты развития событий. Сам я был уверен, что бомба, брошенная под фаэтон с деньгами, непременно его остановит, или убьет хотя бы одну из лошадей, или повредит колеса, а скорее всего, сделает и то и другое. Но Сталин поручил Бачуа Купрашвили остановить лошадей в том случае, если первая бомба не причинит ни им, ни фаэтону никакого вреда. Эта предусмотрительность оказалась кстати. Первая бомба только разметала в стороны тех, кто сидел в фаэтоне. Испуганные лошади понеслись к Солдатскому базару, но Купрашвили остановил их, бросив еще одну бомбу. Бросать пришлось на бегу, Купрашвили оглушило брошенной бомбой, но его спас Сталин – втащил в свой фаэтон и увез с площади. Когда фаэтон остановился, Чиабришвили схватил мешок с деньгами и бросил его в мой фаэтон. Гиго тут же хлестнул лошадей, и мы понеслись по Дворцовой к проспекту. На то, как мы уехали с площади, никто не обратил внимания, потому что там шума было больше, чем на базаре.

Никто из наших товарищей не был ранен или схвачен. Мог попасться полиции мой помощник. Мне никто не препятствовал увозить деньги. Правда, на Головинском проспекте мне навстречу выехал исполняющий должность[156] полицмейстера подполковник Балабанский, но я крикнул ему: «Деньги спасены! Спешите на площадь!», и он, ничего не заподозрив, поспешил туда. Если бы он попытался мне помешать, то я бы его застрелил. Но позже он от позора сам застрелился на могиле своей матери. Товарищи радовались этому – одним псом самодержавия меньше, а я не радовался, потому что любовница Балабанского снабжала меня ценными сведениями. Подполковник любил распускать хвост перед дамами и поражать их значительностью своей персоны и много рассказывал любовнице о полицейских делах.

Я увез деньги в столярную мастерскую Михо Бочоридзе. Мастерская была хорошим прикрытием для Михо, который после побега из Метехской тюрьмы находился на нелегальном положении. Также мастерская была хорошим конспиративным местом, так как имела три входа и множество тайников, искусно устроенных Михо. Михо с женой переложили деньги в тахту с двойным дном, которую ничего не подозревавшие амбалы отнесли на конспиративную квартиру. Если бы даже кто-то меня и выследил до мастерской Михо, то денег он бы там не нашел. Использовать для переноски денег тахту придумал Михо. Кто может подумать, что взятые на площади деньги лежат в тахте? Жена Михо Маро шла за амбалами, осыпала их ругательствами и требовала, чтобы они осторожнее несли тахту, а то сами будут отвечать перед заказчиком. Обычная картина, не вызывающая никаких подозрений. Весь Тифлис был заполнен мундирами, полиции помогали казаки и солдаты. Хватали всех, кто казался подозрительным, заглядывали в саквояжи и хурджины, обшаривали фаэтоны и телеги, но на тахту не обращали никакого внимания. Караулить деньги на конспиративной квартире было поручено Гиго Матиашвили и Илико Чичиашвили. Гиго долго потом шутил:

– Ах, как я сладко спал на этих тысячах! Никогда в жизни больше так сладко не спал! Такое чувство было, будто на облаке над землей парю.

Гиго умер в Орловском централе от чахотки в 1916 году. Всего одного года не дожил он до Октябрьской революции. Чахоткой он заболел в тюрьме. До ареста это был богатырь, настоящий Тариэл.

Поздно вечером мы, кроме Гиго и Илико, собрались в мастерской Михо для того, чтобы обсудить «экс». Обсуждать дело после того, как оно сделано, посоветовал мне Сталин после первого группового «экса». Мне сначала показалось – ну что обсуждать, если уже сделали, но Сталин объяснил, что так надо делать, чтобы в следующий раз не повторять ошибок.

У нас было правило, которое установил я. Когда обсуждаем «экс», любой может высказать свое недовольство поведением товарища. Если что-то на душе есть, то лучше открыто сказать, нежели за спиной шептаться. Ты скажи, а товарищи решат, кто прав. При таком подходе в моей группе никогда не было споров и обид.

Анета Сулаквелидзе, которой нравился Бачуа Купрашвили, обвинила Дато Чиабришвили в том, что он не помог Купрашвили, когда тот упал, оглушенный бомбой. Мешок с деньгами схватил, а о товарище не подумал. Сказал бы такое кто-то из мужчин, я бы ответил ему как надо, но Анету мне не хотелось строго отчитывать. Девушка, любовь у нее к Купрашвили, он ей дороже всех мешков с деньгами. Поэтому я просто сказал:

– Давайте спросим у Бачуа, как он считает что должен был делать Дато?

– Мешок хватать, тут и думать нечего! – ответил Бачуа и посмотрел на Анету с такой яростью – зачем меня перед товарищами позоришь? – что она покраснела.

Я думал, что на этом дело закончилось, но после, когда все разошлись, получил суровый выговор от Сталина:

---

[156] Так в то время называлось исполнение обязанности.

– Ты совершил большую ошибку, Камо, когда взял на «экс» Анету и Бачуа. Кого-то надо было оставить, не брать или хотя бы поручить Анете караулить у почты вместо Пации. Любовь – дело хорошее. Но у тех, кто идет на «экс», в голове должна быть только одна мысль – как взять деньги? Только одна! А вдруг случилось бы так, что вместо Дато мешок пришлось бы хватать Анете? А она вместо этого бросилась бы к Бачуа? Ты даже не одну ошибку совершил, а две. Вторая ошибка в том, что ты не сказал мне о том, что Анета влюблена в Бачуа. А должен был сказать. Если хочешь добиться успеха, то должен учитывать все! В нашем деле мелочей быть не может!

«Если хочешь добиться успеха, то должен учитывать все! В нашем деле мелочей быть не может!» Эти слова я запомнил навсегда и много раз говорил другим людям.

За сведения о нас было обещана неслыханная награда – 25 тысяч! Дураки-полицейские хотели таким образом облегчить себе работу, но на самом деле только усложнили ее. Награда привлекла невероятное количество проходимцев, которые буквально засыпали полицию ложными сведениями в надежде получить деньги. Наши товарищи тоже постарались и распустили разные слухи. Одни говорили, что деньги похитили варшавские уголовные, другие – эриванские дашнаки, третьи – бакинские уголовные. Каждый слух сопровождался множеством подробностей, чтобы еще больше затруднить работу полиции.

Сталин, разработавший план «экса», контролировавший его исполнение и спасший от ареста Бачуа Купрашвили, вел себя так, будто он к этому совершенно непричастен. Если при нем заходила речь об этом деле, он говорил:

– Камо и его товарищи молодцы! Сильно помогли партии!

Говорить «я сделал», «я сумел» не в его привычках.

Из взятых денег мы оставили себе на подготовку новых «эксов» 23 тысячи. У нас, революционеров-экспроприаторов, были очень строгие правила. Ни копейки из взятых денег нельзя было израсходовать на себя, ни копейки нельзя было утаить от товарищей. За такой поступок провинившегося сразу же беспощадно карали. Какую-то часть можно было оставлять себе на дело, но только по решению общего собрания, которое утверждала местная организация. Отчетность у нас была очень строгой. Не потому, что мы не доверяли друг другу, а потому, что иначе нельзя. В денежных вопросах должен быть порядок, иначе хорошего не жди.

Остальные деньги я отвез Ленину в Куоккалу[157]. То, как я вез деньги в поезде, уже стало среди товарищей анекдотом. Но мало кто знает, что использовать для их перевозки шляпную коробку мне посоветовал Сталин.

– Багаж всех, кто садится в Тифлисе или раньше, обыскивается жандармами, – сказал он. – Они не смотрят ни на чины и прочее, обыскивают всех – генералов, архиереев, князей, причем обыскивают очень дотошно. Ходят слухи, что наместник пообещал разогнать все местное начальство, если за месяц деньги и виновные не будут схвачены. Деньги везти надо, их ждут, но надо везти их так, чтобы жандармы их не нашли. Я думаю, что лучше всего будет взять большую шляпную коробку. Большая часть денег туда поместится, остальное повезешь открыто при себе. Коробку в поезде поставишь на видное место, жандармы в нее и не заглянут. Ехать ты должен один, это вызовет меньше подозрений. Все же будут уверены, что такую крупную сумму будут провозить по меньшей мере два, а то и три человека.

Деньги в коробку уместились, потому что товарищи для удобства перевозки заранее по частям обменяли мелкие билеты на крупные. Правда, коробка с таким грузом весила больше, чем со шляпой, но я нес ее сам, не давая никому в руки, и притворялся, что она легкая. Я сделал все так, как посоветовал мне Сталин и благополучно доехал до Петербурга. Жандармы

[157] Куоккала (ныне – Репино, муниципальное образование в составе Курортного района города Санкт-Петербурга) – поселок, в то время находившийся на территории Великого княжества Финляндского. В Куоккале у большевиков была своя резиденция – дача «Ваза», на которой одно время жил В.И. Ульянов-Ленин.

перетрясли все вещи у меня и моих попутчиков, но в коробку не заглянули. Из-за того, что не исключалась возможность личных обысков пассажиров, я поехал в Петербург без револьвера. Из оружия при мне был только лежащий в саквояже кинжал, который я якобы вез в подарок моему петербургскому приятелю. Кинжал был надежным, острым, как бритва. Я рассчитывал, что в случае чего с его помощью смогу отбиться от жандармов. Вряд ли, думаю, они рискнут стрелять в набитом людьми вагоне. Но все закончилось хорошо.

Плохо было, что сто тысяч нам досталось в пятисотрублевых билетах, номера которых были переписаны. Полиция опубликовала эти номера в газетах, а также разослала их по русским и заграничным банкам. Впоследствии не раз наши товарищи задерживались при попытке обменять эти проклятые билеты. У Сталина было предложение касательно переписанных номеров билетов. Когда я уезжал к Ленину, он сказал мне:

– Передай Владимиру Ильичу вот что. Номера пятисотрублевых билетов известны полиции. Их всего двести, нетрудно проверить в банке или где-то еще. Хорошо было бы, если какую-то часть билетов, например – двадцать или тридцать штук рассеять по всей империи. Например, покупатель в лавке случайно выронил портмоне и быстро ушел. Что будет делать купец, если найдет в портмоне пятьсот рублей? Отнесет в полицию? Да никогда в жизни. Оставит себе и будет радоваться такой удаче. А как понесет в банк, тут-то его и схватят. Обрадуются, станут допрашивать, но толком ничего не добьются. Если по разным городам один за другим пойдут такие случаи, полиция придет в замешательство. Это облегчит нам обмен основной массы билетов.

Идея мне понравилась – умно. Лучше пожертвовать небольшой частью билетов, но зато иметь возможность беспрепятственно обменять остальное. Я передал слова Сталина Ленину, но не знаю, почему так не было сделано.

Беседы с Лениным

Два месяца, июль и август 1907 года, провел я в Куоккале. Товарищи сочли, что мне пока не стоит возвращаться в Тифлис. Полиция каким-то образом узнала, что я участвовал в «эксе» на Эриванской площади, и меня искали по всему Кавказу.

– Скоро вы получите важное поручение, – сказал мне Ленин, – а пока отдохните. Вы заслужили отдых.

Бездельничать, да еще и так долго, я не привык. Характер у меня такой, что не терпит безделья. Я решил потратить высвободившееся внезапно время на самообразование, благо литературы на партийной даче было много. Я читал книги одну за другой и обсуждал прочитанное с Лениным или Крупской. Большей частью приходилось обсуждать с Надеждой Константиновной, поскольку она располагала каким-то свободным временем, а у Владимира Ильича его не было вовсе. Но тем не менее он регулярно находил час-другой для того, чтобы побеседовать со мной. Ленин никогда не бывал на Кавказе, и его очень интересовали местные условия, обычаи и все остальное. Ленин очень хорошо умеет слушать, редко кто так умеет.

Однажды я сильно его рассмешил, когда предложил выявлять в партии предателей при помощи провокации.

– Вот, – говорю, – хорошо бы было переодеть надежных товарищей в жандармскую форму, и пускай они производят аресты тех, чья преданность делу вызывает сомнения. Кто под угрозой пытки струсит, начнет болтать, тот предатель. Явный или возможный. От таких надо избавляться.

Ленин рассмеялся так, будто я анекдот ему рассказал, и сказал:

– Очень интересное предложение, товарищ Камо, только боюсь, что в масштабах всей партии оно невыполнимо.

Не могу сказать про масштабы всей партии, а в своей боевой группе я применял этот способ довольно успешно, когда мне нужно было проверить новых ее членов. В рискованном деле нужно точно знать, чего стоит твой товарищ, иначе дела не сделать.

Ленин с большим уважением отзывался о Иосифе, которого называл «товарищ Коба». «Сталиным» Иосиф стал позже, лет через пять. Лично мне псевдоним «Коба»[158] никогда не нравился. Я не люблю псевдонимов, взятых из книг. Есть в них что-то ненатуральное, оторванное от жизни. Не знаю, прав ли я, но я так считаю. Романы далеки от жизни. Мне больше по душе другой псевдоним Иосифа – Сталин. Он передает сущность его стального большевистского характера.

Никогда не бывая на Кавказе, Ленин тем не менее очень хорошо знал особенности Кавказа и местные препятствия в работе с народом. В первую очередь препятствием была национальная разобщенность, которую очень ловко использовали в своих целях меньшевики. Европейскому человеку трудно понять, почему вдруг бедняк-татарин берет кинжал и идет резать не угнетающего его богача, а такого же бедняка-армянина, но Ленин очень тонко понимал все эти нюансы. Расспрашивая меня о работе среди разных национальностей, Владимир Ильич несколько раз спросил:

– Товарищу Кобе не мешает работать с армянами (или с татарами) то, что он грузин?

– Не мешает, – всякий раз отвечал я. – Его все принимают за своего, такой уж это человек.

---

[158] На молодого Иосифа Джугашвили сильное впечатление произвели книги грузинского писателя Александра Казбеги. Особенно ему нравился роман «Отцеубийца», в котором рассказывалось о борьбе крестьян за свою независимость и свободу. В честь одного из главных героев романа, благородного и смелого разбойника Кобы, Иосиф Джугашвили взял себе партийный псевдоним «Коба».

Возможно, эти наши разговоры сыграли небольшую роль в назначении Сталина наркомом по делам национальностей[159].

Большой интерес вызвало у Ленина то, что я знал Иосифа с детства. Он в подробностях расспросил меня о Гори, о нашем доме, о моих родителях. Я чувствовал, что за его вопросами стоит не простое любопытство, а искренний человеческий интерес.

Несколько раз Ленин просил меня выступить с рассказами о положении дел на Кавказе перед товарищами, которые приезжали к нему. Я с удовольствием делал это, гордясь тем доверием, которое мне оказывает сам Ленин! По поручению Красина я сделал доклад о нашем «эксе» для товарищей из Боевой группы[160]. Начертил большую карту Эриванской площади с прилегающими к ней улицами, взял у Владимира Ильича шахматные фигуры, расставил их на карте и показывал, кто где стоял и что делал. Слушали меня с огромным интересом. Ленин тоже присутствовал на этом моем докладе. Когда я закончил, он сказал:

– Замечательно спланировали и осуществили акцию наши кавказские товарищи! Молодцы!

Не всех из тех, кто был со мной на Эриванской площади, довелось мне впоследствии увидеть, но тем, с кем я встречался, я непременно передавал слова Ленина.

Большой интерес у товарищей вызвала тахта, которую сделал Михо Бочоридзе для конспиративных целей. Двойное дно было устроено настолько хитро, что, не зная секрета, невозможно было открыть тайник, и снаружи невозможно было догадаться о том, что эта тахта чем-то отличается от обычной.

С тревогой следили все мы за новостями, приходившими из Тифлиса. Наш «экс» вызывал ярость у грузинских меньшевиков. Как так?! Большевики нарушили решение съезда! Как они смели?! В Тифлисе, Батуме, Кутаисе и вообще по всей Грузии сложилась настолько неблагоприятная обстановка, что Иосифу вместе с другими большевиками пришлось перебраться в Баку, где позиции меньшевиков были гораздо слабее. Мы уже знали, испытали на себе, что меньшевики легко идут на сотрудничество с полицией.

Вместе с Иосифом в Баку перебрались Шаумян, Давиташвили[161], Джапаридзе и другие товарищи. Можно сказать, что революционный центр Кавказа переместился из Тифлиса в Баку. Сталин начал издавать газету «Бакинский пролетарий», которую доставляли Ленину. Каждый номер мы сначала читали по отдельности, а потом обсуждали вместе. Помню, как хвалил Владимир Ильич статью Сталина «Разгон Думы[162] и задачи пролетариата».

– Задал он им перцу! – говорил Ленин, имея в виду либералов с кадетами[163]. – Как хорошо, как точно, как ясно написано!

---

[159] Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац) входил в число первых народных комиссариатов (министерств), образованных в соответствии с «Декретом об учреждении Совета Народных Комиссаров», принятым II Всероссийским съездом Советов 26 октября (8 ноября) 1917 года. На Наркомнац возлагались задачи по осуществлению национальной политики РСФСР, а именно: обеспечение мирного сосуществования и братского сотрудничества всех национальностей и племен РСФСР, а также дружественных советских республик, содействие их материальному и духовному развитию, наблюдение за проведением в жизнь национальной политики советской власти. Народным комиссаром по делам национальностей был назначен И.В. Сталин. Наркомнац существовал с октября 1917 по апрель 1924 года. Он был упразднен в связи с образованием союзного государства – СССР, а его функции были переданы Всероссийскому центральному исполнительному комитету (ВЦИК).

[160] Боевая техническая группа при ЦК РСДРП.

[161] Революционер Михаил Давиташвили был близким другом и соратником И.В. Сталина.

[162] 3 (16) июня 1907 года Николай II досрочно распустил Вторую Государственную Думу, сопроводив этот шаг изменением избирательной системы. Круг избирателей значительно сузился, избиратели с высоким имущественным цензом (землевладельцы, промышленники, домовладельцы и пр.) фактически определяли, кто будет выбран в Думу.

[163] Из статьи И.В. Сталина «Разгон Думы и задачи пролетариата»: «Свержение царской власти и созыв Всенародного Учредительного Собрания – вот куда ведет нас разгон второй Думы. Война с изменнической либеральной буржуазией, тесный союз с крестьянством – вот о чем говорит нам разгон второй Думы. Задача пролетариата – сознательно стать на этот путь и достойно выполнить роль вождя революции».

Я много рассказывал Владимиру Ильичу о бакинской стачке 1904 года и о распрях между татарами и армянами. Однажды сказал:

– Нас, армян, на Кавказе считают прирожденными социалистами, потому что в душе каждого армянина есть жажда справедливости.

– Разве Манташев тоже социалист? – тут же спросил меня Ленин. – Тогда почему у него рабочие бастуют? Или братья Гукасовы, о которых вы мне рассказывали, тоже социалисты?

– Кровопийцы они, а не социалисты, – ответил я, смутившись.

– То-то же! – Ленин в шутку погрозил мне пальцем. – Жаждут справедливости угнетенные массы всех национальностей, а богачам, кем бы они ни были, справедливость не нужна, у них и так есть все, что душе угодно.

Если Ленин уважает человека, то замечание ему делает мягко, часто в шутливой форме.

Иногда Ленин просил меня:

– Камо, расскажите, пожалуйста, что-нибудь веселое.

Я рассказывал. Веселого в моей жизни много было. Особенно понравился Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне рассказ о том, как в 1906 году я два дня скрывался в гинекологической лечебнице доктора Шах-Паронянца на Ртищевской. Невозможно было предположить, что полицейские средь бела дня вломятся в такое место и устроят там обыск. Но доктор успел дать мне женскую татарскую одежду и выпустил меня на улицу на глазах у полиции. Заглядывать под чачван[164] полицейские не рискнули, потому что это могло вызвать волнения среди татар – по какому праву вы бесчестите наших женщин? Проходя мимо полицейских, я не отказал себе в удовольствии осыпать их проклятиями на турецком[165] языке. Голос я умею менять очень хорошо, когда-то специально учился этому. Говорить так звонко, как юная девушка, я, разумеется, не могу, но, как старуха, могу.

В Куоккале меня готовили к предстоящей работе за границей. Мне предстояло побывать в Париже, Вене, Берлине и некоторых других городах. Скажу честно, что после неудачи с доставкой оружия из Варны я не надеялся на то, что мне когда-нибудь доверят еще что-то подобное. Я тяжело переживал эту неудачу, считая себя виноватым, и даже удачный «экс» не уменьшил моих переживаний. То и дело думал: «Эх, вот бы нам те винтовки…» Только сейчас, после того как революция победила, я перестал переживать.

Но мне доверили, и я начал готовиться. Очень много ценных советов дали мне Ленин и Красин. Я словно окончил в Куоккале конспиративный большевистский университет.

– Вы эти деньги добыли, вам их и тратить! – шутил Ленин.

На большую часть денег, взятых во время «экса», мне с товарищами предстояло закупить оружие и доставить его в Россию морем через Одессу. Доставка в Батум и Поти исключалась из-за временно усилившегося влияния меньшевиков в Грузии. Эти предатели непременно выдали бы оружие и тех, кто его доставлял, властям. Я дал себе слово, что в этот раз непременно выполню поручение. Учту все мелочи, наизнанку вывернусь, но оправдаю доверие товарищей, и в первую очередь доверие Ленина. Документы мне сделали замечательные. По ним я был австрийским подданным, страховым агентом. Паспорт был не поддельным, а настоящим, выданным австрийским[166] консулом в Тифлисе.

Вместе с паспортом мне привезли письма от Сталина и от моей сестры Джаваир. «Тебе поручено важное дело, Камо, и я уверен, что ты с ним справишься, – писал мне Сталин. – Делай свое дело, а мы здесь будем делать свое. Самодержавие уже дало глубокую трещину. Скоро ему придет конец».

---

[164] Чачван (в переводе с персидского «повязка для глаз») – густая сетка из конского волоса, закрывающая лицо мусульманской женщины.

[165] Азербайджанский язык очень близок к турецкому, армяне обычно называют его «турецким».

[166] То есть консулом Австро-Венгерской империи.

«Вот какой человек! – подумал я с восхищением и признательностью. – Живет сейчас в Баку, ведет труднейшую работу, а все же нашел время, чтобы написать мне ободряющее письмо. Понимает, что после той неудачи я буду особенно рад такому письму». Казалось бы, какое дело Сталину до моего поручения? У него в Баку своих забот полным-полно. Но он и обо мне помнит. Он все помнит и никогда ничего не забывает. Ни хорошего, ни плохого. Когда я был за границей или сидел в тюрьме, Сталин заботился о моих сестрах. Он вообще никогда не забывал о помощи семьям революционеров. У большевиков вообще было принято поддерживать семьи товарищей, но Сталин относился к этому с особенным вниманием. Когда заходила речь о том, как распорядиться деньгами, он сначала откладывал то, что шло на помощь семьям товарищей. Однажды при мне Михо Бочоридзе сказал, что мы слишком много тратим на это дело, и упомянул в числе прочих, кому мы помогали, семью Джорджиашвили. Михо сказал так не от жадности или по каким-то иным плохим причинам, а потому что в тот момент партийная касса была почти пустой.

– Как ты можешь так говорить?! – возмутился Сталин. – Арсен[167] отдал жизнь ради нашего дела! Какими деньгами мы можем воздать его родителям за это? Сколько ни дадим, все равно будет мало, ведь Арсена уже не вернуть! Наши товарищи, которые ежедневно идут на смертельный риск, должны делать это со спокойной душой, Михо! Они должны быть уверены, что в случае их гибели их близким не придется просить милостыню. Это дело нашей чести.

---

[167] Рабочий тифлисских железнодорожных мастерских Арсен Джорджиашвили вместе со своими товарищами 16 января 1906 года смертельно ранил в Тифлисе бомбами начальника штаба Кавказского военного округа генерал-майора Федора Грязнова, прозванного за жестокость, проявленную при усмирении волнений, «тифлисским мясником». Раненный при взрыве одной из бомб Джорджиашвили был схвачен полицией и впоследствии казнен.

Мой побег из Михайловской больницы

В сентябре 1907 года наши с Иосифом революционные пути на время разошлись.

В октябре 1907 года меня арестовали в Берлине. Выдал меня провокатор Яков Житомирский, которого мы разоблачили очень поздно, уже после Февральской революции. Очень жалею о том, что не мне поручили товарищи казнить Житомирского. У меня в то время было много работы на Кавказе.

Чтобы добиться перевода в больницу, откуда всегда убежать легче, чем из тюрьмы, я симулировал сумасшествие. В Германии мне бежать не удалось. Меня выдали русским властям, привезли в Тифлис и поместили в Метехи. Держали меня в кандалах и очень хорошо охраняли, потому что опасались побега. В Метехах к тому времени многое изменилось, и оттуда уже нельзя было бежать через подкоп, как, например, бежал Михо Бочоридзе в 1906 году.

Больше года мне пришлось просидеть в тюрьме, прежде чем меня в декабре 1910 года перевели в Михайловскую больницу. Вести с воли мне передавали через самых надежных товарищей и только устно. Я был сумасшедшим, ничего не понимал, себя не помнил, и все в это верили. Найдись у меня хоть раз записка с воли, и моей симуляции сразу же пришел бы конец. Ко мне подходили и шепотом передавали сообщение, вот какая была связь. В больнице сестрам моим, Джаваир и Арусяк, разрешили свидания со мной. Врачи надеялись, что встречи с родными помогут мне «прийти в себя». На свиданиях сестры без умолку причитали, а я смотрел в сторону, якобы не узнавая их, и бормотал что-то себе под нос или пел. Улучив момент, когда надзиратель отвлекался, мы обменивались сообщениями. Так я узнал, что Сталин находится в ссылке[168].

Я постоянно думал о побеге, но первое время меня держали запертым в камере, не выпуская на прогулки и не давая возможности осмотреться и что-то придумать.

В феврале 1911 года, вскоре после того, как меня перестали запирать, вместе с Джаваир под видом ее мужа на свидание ко мне пришел Степан Шаумян. Он вел себя очень несдержанно – тряс меня за плечи, кричал: «Вай-вай, ты меня не узнаешь?!» – и между делом сказал, что в Петербурге он встречался со Сталиным, который нелегально приезжал туда, и что организация будет готовить мой побег. Мне для этого надо было присмотреться к людям, которые работали в больнице, и найти среди них того, кого можно было бы подкупить. Если в тюрьме есть помощник, то кандалы не становятся препятствием для побега. Кандалы распиливаются, и распил чем-нибудь скрепляется, чтобы в нужный момент просто сбросить их. Шаумян пока тряс меня за плечи, внимательно рассмотрел мои кандалы, чтобы товарищи могли изготовить для меня нужные заклепки.

Уже позже, после побега, я узнал о том, что при встрече с Шаумяном Сталин сразу же спросил обо мне и попросил ускорить мой побег. Товарищи и без этого постоянно думали об этом и не оставили бы меня умирать в тюрьме. Но мне стало очень тепло на душе от того, что мой друг и товарищ Иосиф Джугашвили в такой обстановке (нелегальный приезд в столицу) помнит обо мне и просит мне помочь.

В тюрьме я вел себя буйно для того, чтобы поскорее попасть в больницу. Буйные арестанты доставляют тюремщикам много хлопот, и те рады от них избавиться. Тюремное начальство «помогало» мне – писало письма прокурору с просьбой перевести меня в больницу, так

[168] 23 марта 1910 года И.В. Сталин, проживавший под именем Захария Григоровича Меликянца, был арестован (третий арест) и помещен в Баиловскую тюрьму города Баку. В сентябре 1910 года Сталин был выслан по этапу в ссылку в Сольвычегодск. В июне 1911 года в связи с окончанием срока ссылки Сталин уехал на жительство в город Вологду (ему было запрещено проживать на Кавказе, в столицах и фабрично-заводских центрах).

как я постоянно нарушаю порядок и обычные меры на меня не действуют. «Обычные меры» – это побои и карцер. Когда меня били, я смеялся и пел, а в карцере вел себя так же плохо. Но в больнице мое поведение изменилось. Я стал вести себя спокойно, чтобы надзор за мной ослаб. Прежде всего мне было нужно, чтобы надзиратели перестали постоянно проверять мои кандалы. Я уже понял, что их с меня не снимут. На все просьбы врачей снять их прокурор отвечал отказом.

Постепенно надзиратели и служители привыкли ко мне, к тому, что я смирный и не доставляю хлопот. Врачи радовались этому, думая, что мне помогают порошки, которые они мне назначали. Когда я увидел, что надзиратели стали позволять себе отлучаться из отделения во время дежурства, то понял, что достиг своей цели.

Служба в психиатрических больницах тяжелая, особенно если приходится иметь дело с буйными, поэтому там работали случайные люди. Других не находилось. Надзиратели отлучались, не запирая дверей отделения, что было нарушением правил, но на это никто внимания не обращал. Однако этим путем бежать было невозможно, поскольку пришлось бы миновать караул у наружных дверей. Бежать через окно своей камеры я тоже не мог, поскольку незаметно сделать это можно было только ночью, а на ночь под моим окном выставляли караул из двух полицейских. Обдумав все как следует, я решил, что бежать нужно днем, причем через окно умывальной. Оно было расположено так, что, улучив момент, оттуда можно было спуститься вниз незамеченным. Для побега мне нужны были пилки, трехсаженная веревка и деньги. Зачем надеяться на удачу, если можно подкупить? Это наместнику и прокурору было нужно, чтобы я сидел в тюрьме. Служителям и надзирателям не было особого дела до арестанта Тер-Петросова. Я подкупил одного, который стал моим связным[169], и платил другим, чтобы они не обращали внимания на то, как я пилю кандалы или подпиливаю решетку на окне в умывальной. Кроме денег, помогла мне и моя репутация отчаянного и безжалостного человека, которую создали мне полицейские вместе с журналистами. Никто не забыл, как в 1905 году восставшие рабочие расправлялись со своими врагами.

В назначенный день я бежал через окно. Перешел вброд Куру, встретился с товарищем, который меня там ждал, и несколько дней скрывался на Вельяминовской в подвале управления тифлисского полицмейстера. Товарищи, подготовившие мне такое убежище, очень здраво рассудили, что там-то меня искать никто не станет. Так оно и вышло, полиция перевернула весь город, но к полицмейстеру в подвал, разумеется, не заглядывала.

Товарищи передали мне письмо Иосифа, которое он написал еще до моего побега. «Поздравляю тебя с выходом на волю, – писал мне он. – Надеюсь, что это в последний раз. Наша победа близка, но сделать еще надо много». Завершалось письмо фразой, которую я не сразу понял: «Советую тебе обратить внимание на поезда, причем не только на Кавказе». Подумав, я догадался, что Иосиф советует мне заняться «эксами» на почтовых поездах. Это была очень дельная мысль, и чем дальше я обдумывал ее, тем больше она мне нравилась. Уже позже мне рассказали о нападении польских социалистов на почтовый поезд, следовавший из Варшавы в Петербург[170], которое случилось в то время, когда я сидел в тюрьме в Берлине. Но поездами мне так и не удалось заняться. Из Батума я отплыл за границу, был в Париже у Ленина, снова разъезжал по Европе, закупая оружие для партии и организуя конспиративную сеть.

Пока я был в Тифлисе и Батуме, я то и дело слышал от товарищей: «Сосо посоветовал сделать так» или «Коба нам написал, что надо сделать то-то и то-то». Находясь в ссылке, Сталин ни на день не терял связи с Кавказом, был в курсе всех кавказских дел, давал советы товарищам. Он вел себя точно так же, как и Ленин. Все мы чувствовали, что Сталин не где-

---

[169] Им был служитель по фамилии Брагин. *(Примечание И. Г. Капанадзе.)*

[170] Речь идет о т. н. «Безданской экспроприации» – похищении 200 000 рублей из почтового поезда на станции Безданы близ Вильно (Вильнюса), совершенном 26 сентября 1908 года боевиками Польской социалистической партии под руководством будущего первого главы возрожденного Польского государства Юзефа Пилсудского.

то далеко, а рядом с нами. Не все товарищи из руководства Кавказским комитетом вели себя подобным образом. Я не называю имен, поскольку не собираюсь никого упрекать, не хочу сводить счеты. Я просто хочу сказать, что некоторые товарищи, находившиеся в тюрьме или в ссылке, полностью утрачивали связь с комитетом, не знали ничего о наших делах. Когда в январе 1912 года на Всероссийской партийной конференции[171] Сталина избрали в состав Центрального Комитета и главой Русского бюро ЦК[172], весь Кавказ воспринял это с радостью, как признание его огромных заслуг в деле революции. Скажу без какого-либо преувеличения, что на Кавказе авторитет Сталина был равен авторитету Ленина.

[171] VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП.

[172] Русское бюро ЦК РСДРП – орган РСДРП в 1903–1917 годах, состоявший из членов ЦК и осуществлявший руководство партийной работой в России.

Наша встреча со Сталиным в апреле 1912 года

В апреле 1912 года, за несколько дней до ареста Сталина[173], мы встретились с ним в Петербурге. Я на несколько дней приехал из-за границы по делам и должен был уехать обратно, а Сталин работал тогда в Петербурге. Возглавив Русское бюро ЦК, Сталин стал отвечать за работу во всей России. Тем товарищам, которые сейчас говорят о том, что это они подготовили революцию, я задаю один и тот же вопрос: «Напомните мне, пожалуйста, кто был главой Русского бюро ЦК с 1912 года?»

Мы со Сталиным не виделись почти пять лет, и я не могу передать той радости, которую оба мы испытывали во время этой нашей встречи. Это надо Горьким быть, чтобы суметь передать.

Сталин почти не изменился внешне в отличие от меня. Долгое заключение в тюрьме добавило мне лет, и выглядел я много старше своего возраста.

– Не следишь за собой, – упрекнул меня Сталин. – Под глазами круги, щеки впалые, осунулся.

– Работы много, – попытался оправдаться я.

– Здоровье надо беречь! – строго сказал Сталин. – Не только твоя жизнь, но и твое здоровье принадлежат революции. Я недавно Спандаряна[174] ругал за то, что он совершенно не следит за своим здоровьем, вот сейчас тебя ругаю. Нельзя так, Камо-джан. С кем мы тогда революцию делать будем?

Сталин только что вернулся с Кавказа, он был в Тифлисе и Баку. Мне не терпелось узнать кавказские новости, но сначала мне пришлось ответить на множество вопросов, касавшихся моего заключения в Моабите и Метехах и симуляции сумасшествия.

– Да хватит говорить обо мне! – не выдержал я. – Главное то, что я жив-здоров и сейчас сижу перед тобой.

– Нет, Камо, ты ошибаешься, – возразил Сталин. – Твой опыт очень ценный, и он может оказаться весьма полезным для многих наших товарищей. Не будь твоя симуляция столь успешной, тебя бы давно повесили. Рассказывай дальше, и хорошо было бы, если ты записал бы, как и что ты делал. Удивительно, что ты, не имея никакой подготовки, сумел обмануть психиатров и в Берлине, и в Тифлисе.

– Симуляция сумасшествия не составляет труда, – ответил я. – Трудно симулировать постоянно, каждый час, каждую минуту, даже в то время, когда кажется, что ты один. Никогда нельзя быть уверенным, что именно в этот момент за тобой не наблюдают.

Кое-какие записи я сделал и отдал Сталину до моего отъезда из Петербурга. Впоследствии мы не возвращались к этому, не до того было, но мне хочется верить, что мой опыт оказался полезен кому-нибудь из товарищей. В этом проявилась одна из характерных черт Сталина. Он прежде всего думает о деле, о том, что может оказаться полезным делу.

Мы долго обсуждали обстоятельства моего ареста. Ни сам я, ни товарищи не могли тогда понять, почему меня арестовали. Кто-то предал? Или я допустил какую-то оплошность? Как ни осторожничай, случается. Или полиции просто повезло? Я много думал об этом. Подозревал Житомирского, а также еще двоих товарищей, с которыми имел контакты в Берлине, но не мог хоть чем-то подтвердить свои подозрения. Сталин сказал, что после того, как были арестованы

---

[173] Шестой арест И.В. Сталина Санкт-Петербургским охранным отделением 22 апреля (5 мая) 1912 года.

[174] Сурен Спандарович Спандарян (1882–1916) – армянский революционер-большевик, литературный критик и публицист. Член РСДРП с 1901 года, член ЦК РСДРП и Русского бюро ЦК в 1912–1913 годах. Болел туберкулезом, который и стал причиной смерти.

товарищи, занимавшиеся разменом купюр с тифлисского «экса» (это произошло вскоре после моего ареста), Житомирского решили на время «заморозить», то есть отстранить от дел.

– Плохое это решение, – сказал он. – С какой стороны ни посмотри – плохое. Если он провокатор, то его надо казнить. Если же он наш честный товарищ, то недоверие может всерьез его обидеть и оттолкнуть от нас. Надо было в свое время устроить проверку всем нашим берлинским товарищам.

Я вспомнил, что в свое время предлагал Ленину, и спросил:

– Арестовать, да? Под видом полиции? И смотреть, кто станет кричать: «Я свой, я на вас работаю!»

– Ты что, Камо? – удивился Сталин. – Такие дела так грубо не делаются. Хорошо законспирированный провокатор не поддастся на такую провокацию. Надо иначе. Я бы взял в Берлине несколько адресов совершенно посторонних людей и каждому из подозреваемых дал знать, что у такого-то господина хранится крупная партия оружия, которую он сегодня или завтра переправит дальше. Каждому бы другой адрес дал, понимаешь? А потом посмотрел бы, куда полиция нагрянет. Если речь идет о крупной партии, которую вот-вот отправят дальше, полиция медлить не станет. Помнишь, как в Кутаисе мы разоблачили Шавгулидзе?

Провокатор Гиви Шавгулидзе, фамилия которого как нельзя лучше подходила к нему [175], в 1906 году причинил нам много хлопот. Он работал кочегаром на железной дороге, был на хорошем счету, и ему давали ответственные поручения. Он возил партийную почту из Кутаиса в Тифлис и другие города, возил оружие и знал многих товарищей не только в Кутаисе, но и по всей Грузии. На допросе перед казнью Шавгулидзе рассказал, что на предательство его толкнула жажда разбогатеть. Он очень хотел стать хозяином, владельцем лавки или духана, а лопатой на духан не заработать. Товарищи удивлялись после тому, как такой гнилой человек мог много лет выдавать себя за рьяного социалиста? Но Шавгулидзе это удавалось. Когда пошли аресты среди наших глубоко законспирированных товарищей по всей Грузии, на кого только не думали, но Шавгулидзе был вне подозрений. В батумской организации подозревали своих, в тифлисской – своих, путаница была полнейшая. Очень опасно для дела, когда товарищи начинают подозревать друг друга. Если подозреваешь товарища, то как можно на него положиться, доверять ему? Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы не Сталин. Он составил список людей, которым было известно обо всех арестованных товарищах. Таких оказалось пятеро, в их числе был и Шавгулидзе. В Тифлисе, в тех домах, где жили наши товарищи или по соседству с ними, были выбраны люди, не имевшие отношения к нашей работе. Пять адресов. Каждый из подозреваемых узнал, что по такому-то адресу прячутся боевики, которым поручено убить наместника. Адрес каждому назвали разный. Полиция нагрянула с обыском к детскому врачу Агамалову на Гановской улице. Адрес Агамалова был сообщен кочегару Шавгулидзе. Товарищи сначала не поверили, решили, что это ошибка. Некоторые сомневались до тех пор, пока Шавгулидзе не признался в предательстве. Благодаря Сталину мы разоблачили его. Случалось, конечно, и так, что кого-то арестовывали в результате чьей-то оплошности. Но оплошность может случиться однажды, а несколько арестов всегда являются следствием предательства.

– Помню, как не помнить, – сказал я. – А почему в Берлине так не сделали?

– Не знаю, – ответил Сталин. – Долго думали и решили в конце концов, что на тебя полиция вышла случайно, а тех, кто занимался разменом, арестовали из-за совпадения номеров на билетах. Неправильно поступили, бросили дело, недоделав. Всегда легко оправдать провал случайностью.

[175] «Шави» по-грузински означает «черный», а «гули» – «сердце», таким образом, фамилию Шавгулидзе можно перевести как «Черносердцев». *(Примечание И. Г. Капанадзе.)*

– Легкомыслие это плохо, а чрезмерная подозрительность еще хуже, – сказал я. – Вспомни случай с Харшиладзе.

Во время работы Сталина в Батуме местные товарищи заподозрили в предательстве телеграфиста Харшиладзе. Полиция арестовала двоих товарищей, и выходило так, что, кроме Харшиладзе, выдать их было некому. Толком не разобравшись в деле, чересчур горячие члены ячейки, в которую входил Харшиладзе, решили его казнить и застрелили. Спустя некоторое время выяснилось, что провокатором был другой человек, то есть Харшиладзе казнили несправедливо. Тот, кто его застрелил, с горя застрелился сам. Соглашатели, стоявшие на меньшевистских позициях, сразу начали кричать о том, что большевики – бандиты, которые не только чужих, но и своих убивают без разбора. Очень много вреда нанесла нашему делу эта история.

Сам я, имея дело с боевиками, не мог устраивать им сложных проверок. Но прием с ложным арестом несколько раз помог мне выявить предателей. Особенно выручал он в 1918 году, когда приходилось спешно формировать на Кавказе боевые отряды. Брали всех, кто изъявлял желание сражаться, поэтому в наши ряды проникло много разной сволочи. Отец мой, например, так проверял своих приказчиков: делал вид, что ошибался при счете денег в их пользу или «забывал» в кассе немного денег и ждал, скажут они об этом или нет. Нечестный человек нечестен всегда, так же как и трус всегда труслив.

Только после того как Сталин расспросил меня обо всем, он начал рассказывать о кавказских делах.

Новости с Кавказа были нерадостными. Более шести лет прошло со времени восстания. Многие товарищи сидели по тюрьмам. Многие отчаялись, меньшевикам удалось перетянуть на свою сторону тех, кто был слаб духом. Если говорить начистоту, то 1912 год был во многом хуже 1906-го. В 1906 году мы надеялись через год или через два выступить снова. Но прошло столько лет, а мы еще не были готовы к восстанию. Мы не были готовы, поскольку с учетом наших былых ошибок на этот раз готовились так, чтобы непременно победить. Но это понимали далеко не все. Надо было вдохнуть веру в отчаявшихся, не дать меньшевикам переманить нестойких на свою сторону и продолжать подготовку к революции в неимоверно трудных условиях. В 1912 году самодержавие казалось крепким. Возня с Государственными Думами обманула часть тех, кто выступал против него. Многих схватили и отправили в тюрьмы и ссылки. Кого-то охмурили меньшевики. Нестойким казалось, что дело революции проиграно. Ленский расстрел[176] показал, как решительно настроено самодержавие. Наши враги старались подавить любой бунт в зародыше. Они не церемонились, отвечали пулями на любое проявление недовольства. Словно черная туча накрыла Российскую империю, трудно было сохранять веру в нашу победу в столь тяжелые времена.

– Скоро будет война, – сказал мне Сталин. – Если не в следующем году, то в 1914 году непременно. Капиталисты хотят поделить мир, всяк на свой лад, а в результате мир ста-

---

[176] Ленский расстрел – трагические события 4 (17) апреля 1912 года на приисках Ленского золотопромышленного товарищества, расположенных в районе города Бодайбо на притоках реки Лены Витиме и Олекме. Правительственные войска расстреляли бастовавших рабочих. Было убито 200 человек. Непосредственным поводом для забастовки послужила так называемая «история с мясом» на Андреевском прииске, когда рабочие получили непригодное в пищу мясо. И.В. Сталин в статье «Тронулась!», опубликованной в номере большевистской газеты «Звезда» от 19 апреля (2 мая) 1912 года, написал: «Закованная в цепях лежала страна у ног ее поработителей. Ей нужна была народная Конституция – а получила дикий произвол, меры «пресечений» и «усмотрений». Она нуждалась в народном парламенте – а преподнесли ей господскую Думу… Ей нужна была свобода слова, печати, собраний, стачек, союзов – а видит она вокруг себя одни лишь разрушенные рабочие организации, закрытые газеты, арестованных редакторов, разогнанные собрания, сосланных забастовщиков. Она требовала земли для крестьян – а преподнесли ей аграрные законы, бросившие крестьянские массы в еще большую земельную нужду в угоду кучке сельских богатеев. Ей обещали защиту «личности» и «собственности», а тюрьмы и ссылка переполнены «неблагонадежными»… Ей обещали «благоденствие» и «преуспеяние» – а крестьянское хозяйство все падает, десятки миллионов крестьян голодают. Цинга и тиф уносят тысячи жертв… А страна все терпела, терпела… Все имеет конец – настал конец и терпению страны. Ленские выстрелы разбили лед молчания, и – тронулась река народного движения. Тронулась!.. Все, что было злого и пагубного в современном режиме, все, чем болела многострадальная Россия, – всё это собралось в одном факте, в событиях на Лене».

нет нашим, марксистским. Я так и говорю товарищам: потерпите, осталось совсем немного! Готовьтесь, чтобы в нужный момент быть во всеоружии! До нашей победы рукой подать. Сейчас от нас требуется только одно – подготовиться должным образом. И в этом свете то, что делаешь ты, Камо, очень важно для нашего дела. Ты обеспечиваешь партию самым необходимым для победы – деньгами и оружием. Ты многое сделал, но надо действовать еще лучше! От всех нас сейчас требуется наивысшее напряжение сил. Уж очень многое поставлено на кон! Особое внимание надо уделять работе с народом, иначе меньшевики попытаются украсть у нас победу.

Так оно и вышло. После Октябрьской революции меньшевики на Кавказе ненадолго воспользовались ее плодами, обратив стремление народов к свободе на собственную пользу. Хороший ответ закавказским контрреволюционерам, притворявшимся социалистами для того, чтобы обмануть народ, дал Сталин весной 1918 года в «Правде»[177]. Отрывки из этой его статьи на Кавказе печатали в виде прокламаций на разных языках. На армянский ее перевел Шаумян.

Не замечая времени, мы в тот раз проговорили до утра, но зато обсудили все вопросы, даже о личном немного поговорили. Сталин спросил меня будто бы в шутку, не завел ли я в Европе зазнобу. Я ответил, что как решил когда-то подождать с личным до победы революции, так и держусь своего решения, несмотря на то что пару раз моей твердости пришлось выдержать нешуточные испытания. Как и любого человека, меня влекут такие простые радости, как домашний уют, тепло домашнего очага. Некоторым, наверное, будет смешно читать о том, что для революционера Камо ценно тепло домашнего очага, но это так. Мысли о том, что после победы революции я заживу обычной человеческой жизнью, придавали мне сил в неволе. Рассказав Сталину об этом, я добавил:

– Я же не такой стальной, как ты.

– Я тоже человек, – улыбнулся Сталин. – У меня только характер стальной, а сердце живое.

Был один вопрос, который мне очень хотелось обсудить именно со Сталиным. Приехав в Париж, к Ленину, я узнал, что между Владимиром Ильичом, с одной стороны, и Богдановым и Красиным, с другой, начались разногласия, которые могли привести к расколу в партии. К Богданову я относился прохладно, но Ленина и Красина уважал одинаково. Мне было очень больно узнать о том, что они рассорились[178]. Надежда Константиновна уверяла меня, что ничего страшного не произошло, но я сильно переживал. Ленина я считал и продолжаю считать великим теоретиком коммунизма, равным Марксу и Энгельсу, а Красина – гениальным инженером и превосходным организатором. Меня радует, что сейчас былые разногласия забыты, но тогда я просто места себе не находил.

---

[177] «Из всех окраин Российской Федерации Закавказье, кажется, является самым характерным уголком в смысле богатства и разнообразия национального состава. Грузины и русские, армяне и азербайджанские татары, турки и лезгины, осетины и абхазцы – такова далеко не полная картина национального разнообразия семимиллионного населения Закавказья. Ни у одной из этих национальных групп нет резко очерченных границ национальной территории, все они живут чересполосно, вперемежку между собой, и не только в городах, но и в деревнях. Этим, собственно, и объясняется, что общая борьба национальных групп Закавказья против центра в России сплошь и рядом заслоняется их ожесточенной борьбой между собой. А это создает весьма «удобную» обстановку для прикрытия классовой борьбы национальными флагами и побрякушками… Закавказские контрреволюционеры борьбу с «внешними» революционерами, борьбу с русскими солдатами, дополнили и развили в борьбу с внутренними революционерами, в борьбу со «своими же собственными» рабочими и крестьянами». *И.В. Сталин*. Контрреволюционеры Закавказья под маской социализма. Газета «Правда» № 55 и 56 от 26 и 27 марта 1918 года.

[178] В большевистском центре серьезные разногласия между Ульяновым-Лениным и Красиным возникли уже в 1907 году. Третий член большевистского центра Богданов поддержал Красина. Причиной разногласий стали разница во взглядах (Красин настаивал на том, что следует действовать более решительно, а Ленин проявлял осмотрительность) и борьба за лидерство в партии. В итоге победил Ульянов-Ленин. Красин отошел от революционного движения и поступил на службу в германскую электротехническую компанию «Сименс-Шуккерт». Вернулся он к большевикам в конце 1917 года, после Октябрьской революции, и уже в следующем году стал наркомом торговли и промышленности, в 1919 году – наркомом путей сообщения, в 1920-м – наркомом внешней торговли и полномочным представителем РСФСР в Великобритании. На XIII и XIV съездах партии (1924 и 1925) Красин избирался членом ЦК ВКП (б).

– Скажи мне, Иосиф, что ты думаешь по поводу ссоры Ленина с Красиным? – спросил я. – Мне кажется, что она может сильно сказаться на нашей работе.

– Ничего страшного не произошло, – успокоил меня Сталин. – Ленин без Красина остается Лениным, а Красин без Ленина – всего лишь инженер. У нашей партии много хороших инженеров. Красину легко найдется замена. Да, плохо, что в большевистском центре существуют разногласия, поскольку сейчас нам, как никогда, нужно единство. Но лучше разобраться с этим сейчас, чем в ходе вооруженного восстания. Запомни, Камо, что незаменимых людей нет, разве что только Ленин представляет исключение из этого правила.

«Ты тоже исключение», – подумал я, но вслух этого не сказал, потому что хорошо знал характер Иосифа. Но сейчас я могу написать, что, по моему мнению и мнению многих кавказских товарищей, другого такого руководителя, как Сталин, у нас на Кавказе не было. Сталин – один из гениев революции. Есть обычные революционеры, как, например, я, есть выдающиеся, такие как Шаумян или Джапаридзе, и есть гениальные революционеры, такие как Сталин, человек, который поднял Кавказ на революционную борьбу и впоследствии стал ближайшим соратником, правой рукой Ленина.

Перед моим отъездом в Афины Сталин пошутил:

– Вот сейчас истратишь все деньги, и поедем в Тифлис делать новый «экс».

Я тоже так думал. Где еще взять крупные суммы, кроме как на «эксах»?

– Учти, что на Кавказе обстановка как была, так и остается сложной, – предупредил Сталин. – А в Тифлисе после нашего «экса» до сих пор возят деньги под очень сильной охраной и с соблюдением всех мыслимых предосторожностей. Время перевозки до последнего момента держится в секрете, маршруты меняются, в тех, кто кажется подозрительными, стреляют, не спрашивая. Будь осторожен, Камо.

– У меня, пока я сидел в тюрьме, появилась одна идея, – сказал я. – Я ее всесторонне обдумал и пришел к выводу, что она правильная. На «экс» надо идти вдвоем или втроем, не больше, и действовать очень решительно, так, чтобы охрана от страха в штаны наложила. Забросать бомбами, обстрелять и спокойно взять деньги. Чем меньше народа, тем меньше риска, тем легче скрыться. Зачем всем отрядом делать один «экс»? Лучше по двое-трое сделать несколько «эксов». Я имею кое-какой опыт и думаю, что могу планировать «эксы» так, чтобы осуществлять их малым количеством людей.

В тюрьме я только и делал, что думал. Стал настоящим теоретиком экспроприаций, свою систему выработал. Только до формул дело не дошло.

– Смотри, Камо! – нахмурился Сталин. – Ты, конечно, профессиональный экспроприатор, но у всех профессионалов есть один недостаток. Они думают, что они все знают и ничего не боятся. А надо бояться! Надо бояться того, что не сможешь сделать дело. Тогда хорошенько все обдумаешь, прежде чем делать. Лихость нужна, когда лекури танцуешь[179], в деле ум нужен. Теоретически мы на Эриванской площади могли бы обойтись втроем. Один кидает бомбу в фаэтон, другой, кто следил за отъездом от почты, кидает другую бомбу и обстреливает караул. Ты хватаешь деньги и увозишь. Теоретически так. Но на практике вряд ли получилось бы сделать дело втроем. К тому же учти, что, пока ты сидел в тюрьме, многое изменилось. Раньше охрана охотно вступала в бой с нападавшими, старалась убить или задержать. Теперь же они ведут себя иначе. Какая-то небольшая часть может вступить в бой, но остальные продолжат сопровождать карету, которая постарается удрать как можно скорее. Раньше целью было схватить нападавших, а теперь – спасти деньги. Не только мы учимся, Камо, но и враги наши тоже учатся. Помнишь, я писал тебе про поезда? Сейчас это самый удобный вариант, но готовиться надо очень серьезно. Деньги перевозят в сейфах, которые находятся в особом вагоне, и охрана на поездах очень серьезная. Подумай о поездах, Камо.

---

[179] Лекури – грузинский народный танец, аналогичный лезгинке.

Я прислушался к совету Сталина и больше не думал о том, чтобы идти на «экс» вдвоем или втроем. О поездах думал, присматривался, изучал, но ни одного «экса» на поезде так и не сделал. Крупные суммы шли из Петербурга, Москвы и Ростова в Баку и далее Тифлис[180], но некому было в то время передавать нам сведения об этих перевозках. Наши враги тоже многому научились, в том числе и конспирации. Раньше любой конторский служащий знал, какого числа и куда будут отправляться деньги, а сейчас об этом знало только начальство, да и то не все. Вдобавок количество наших осведомителей сильно уменьшилось. Повсюду стремились заменить неблагонадежных благонадежной сволочью из преданных монархистов. Только в Тифлисе немногие верные люди могли снабжать меня нужными сведениями об отправке крупных денежных сумм, которые перевозились на лошадях.

Вскоре после моего отъезда 22 апреля[181] Сталина арестовали на улице в Петербурге и выслали из Петербурга в Нарым, где он пробыл около месяца[182], а затем вернулся в Петербург.

[180] До 1914 года железнодорожное сообщение других губерний Российской империи с Тифлисом осуществлялось через Баку.

[181] По старому стилю.

[182] Точнее, 38 дней.

Неудавшийся «экс»

С Коджорами[183] у меня связаны два неприятных воспоминания. Первое о том, как летом 1903 года недалеко от Коджор мы напали на почтовую карету (третью по счету в том году) и взяли тридцать пять тысяч рублей, которые пришлось спрятать в лесу. Один из наших товарищей был ранен во время «экса», и вместо того, чтобы везти деньги на конспиративную квартиру, нам пришлось везти его к доктору. Везти в одной пролетке и раненого, и деньги было слишком рискованно. Поэтому мы решили спрятать деньги в лесу и завтра вернуться за ними. Я повез раненого, а три моих товарища спрятали деньги в лесу. Назавтра мы денег на том месте не нашли. Попробуйте представить себе, что творилось в нашем отряде. Трое боевиков, верных товарищей, прячут деньги, которые вдруг исчезают. Разумеется, в первую очередь парни начали подозревать друг друга. Дошло до ссоры, а могло бы и до убийства дойти, ведь народ горячий и револьверы у всех были. Вернул нам деньги отец одного из моих парней, гурийский крестьянин, охотник. Осмотрев место, где лежали деньги, он нашел следы сапог и прошел по ним в ближайшую деревню. Сапоги были большого размера, так что мы пришли к самому высокому из крестьян. Увидев нас, он сразу же признался в том, что видел, как парни прятали деньги и, когда они ушли, украл их. Бедный человек принял нас за обычных грабителей, а украсть у вора или грабителя в Грузии за большой грех не считается. Деньги он нам вернул в целости, ни рубля еще не успел истратить. Сталин по этому поводу сказал, что ошибкой было прятать деньги в лесу. Товарищам надо было разделить их на три части и унести пешком. Но тогда нам казалось, что так будет лучше.

Второе воспоминание – неудавшийся «экс» 1912 года. Хочу рассказать о нем, хотя хвастаться тут нечем. Я проявил самонадеянность и плохо подготовился. В результате «экс» сорвался и был ранен мой товарищ.

Сталин предупреждал меня, что обстановка на Кавказе сложная, но до возвращения в Тифлис я не представлял, какой большой урон нанесли нам враги. Если сравнивать, то можно сравнить Тифлис 1912 года с Тифлисом 1901 года. Примерно равными в эти годы были наши силы.

У меня было поручение от Ленина – создавать боевые отряды, накапливать оружие, готовиться к восстанию. Ленин, так же как и Сталин, считал, что скоро разразится большая война, во время которой классовая борьба обострится сильнее и создадутся предпосылки для нашей победы. Надо было готовиться, и начинать следовало с «эксов».

Я был уверен, что тифлисская организация окажет мне содействие в подготовке к «эксам», но, к моему удивлению, все в один голос начали отговаривать меня от этого дела. Нарочно не называю имен, чтобы не показалось, будто я свожу с кем-то счеты. Тем более что часть товарищей впоследствии признали свою неправоту. Пишу только для того, чтобы показать, какая обстановка была в то время в Тифлисе. Отговаривали меня по той причине, что за последние годы мы сильно пострадали и не можем позволить себе пострадать еще больше. А любой «экс» вызовет ответные меры. Начнутся обыски, аресты. Честно скажу, что, когда я разговаривал с некоторыми большевиками, мне казалось, будто передо мною меньшевики. Много раз я вспоминал Иосифа и с горечью думал о том, что, будь он на Кавказе, здесь все было бы иначе. И тут же одергивал себя: «Иосифу партия доверила более важное дело – руководство работой по всей России. Он столько учил всех нас. Неужели мы не покажем, что многому у него научились?» Можно сказать проще, как выражалась моя тетка: «Вам что, нянька нужна, чтобы сопливые носы вытирать?»

[183] Коджори – поселок близ Тбилиси.

Тех, к чьему мнению я безоговорочно мог прислушиваться (Сталин, Цхакая, Шаумян, Джапаридзе), тогда в Тифлисе не было. Мне надо было с кем-то посоветоваться, и я поехал в Баку к Лядову[184], которого знал с 1905 года. Некоторые товарищи считают Лядова белоручкой и болтуном, упрекают его в сотрудничестве с меньшевиками, но они не правы. У Лядова есть хороший боевой революционный опыт, он полностью предан делу революции, а с меньшевиками на Кавказе он сотрудничал по заданию партии. Одни воюют с врагом открыто, другие – тайно.

Лядов идею с «эксом» поддержал, но сказал, что деньгами помочь не может и на тифлисских товарищей подействовать, чтобы они дали мне денег, тоже не может.

– Я совсем недавно вернулся из-за границы, – сказал он. – Еще не освоился. Тебе надо поехать в Москву к Красину.

«Недавно» – это почти год, но я понял то, что хотел сказать мне Лядов. Он не пользовался на Кавказе былым авторитетом после того, как стал жить в Баку легально и поступил на работу в Совет нефтепромышленников[185].

Я знал о том, что Красин отошел от партийных дел, но это все же был большевик, соратник Ленина. Я так понимаю, что большевик всегда остается большевиком. Нельзя быть большевиком шесть дней в неделю, а по воскресеньям не быть им. Но Красин тогда меня разочаровал. Встретил хорошо, но стал отговаривать от «экса» теми же словами, что я слышал в Тифлисе. Даже то, что я ссылался на Ленина, его не убедило. Он сказал мне: «Владимир Ильич живет далеко и не представляет полностью вашу местную обстановку». Уехал я от Красина расстроенный. Вот, думаю, как бы было хорошо, если бы сейчас я мог посоветоваться с Иосифом. Но это тогда было невозможно. Иосиф был в Сибири, в ссылке.

«Черт с вами!» – решил я. Если никто не хочет мне помогать, то я справлюсь сам. Это была моя первая ошибка. Я забыл слова Иосифа, которые он не раз говорил мне и другим: мы сильны единством, мы сильны, потому что мы являемся организацией, мы как пальцы, сжатые в кулак. Дурь ударила мне в голову, и тому были причины. Время, проведенное в тюрьмах, я считал потерянным, и мне хотелось наверстать его как можно скорее. И еще мне хотелось утереть нос тем товарищам, которые заняли трусливую позицию. Столько раз Иосиф говорил мне: «Не горячись, Камо» – а я погорячился. Пишу об этом с большевистской прямотой, потому что пишу только правду, ничего не скрывая и не приукрашивая. Что было, то было.

Первым делом надо было достать деньги на подготовку «экса» и набрать отряд. Мне было нужно по меньшей мере две тысячи рублей и шесть человек. Многие из старых товарищей сидели в тюрьмах, некоторые умерли. В Тифлисе был только Гиго Матиашвили. Гиго один стоил троих. Он был храбрым опытным боевиком и умел делать бомбы лучше меня. В производстве бомб самое важное – спокойствие, осторожность. Одно неверное движение – и взорвешься. Гиго был очень спокойным человеком. Я поручил ему подыскать бойцов, а сам занялся поиском денег. Трудно пришлось. Кто-то говорил, что и так помогает нам, кто-то просто отказывал. Меня долго не было на Кавказе, организованный мною когда-то сбор денег с буржуев разладился. Мало кто продолжал нам платить. Надо было начинать все заново, но для этого мне освоиться, набрать людей, сделать «экс», чтобы было на что продолжать закупки оружия.

---

[184] Мартын Николаевич Лядов (Мандельштам; 1872–1947) – революционер, большевик (одно время примыкал к меньшевикам). После Октябрьской революции работал ректором Коммунистического университета имени Я.М. Свердлова, заведующим Главным управлением научных, научно-художественных и музейных учреждений, заведующим архивом Октябрьской революции. Автор первых трудов по истории РСДРП – ВКП (б).

[185] Точнее, Совет съезда бакинских нефтепромышленников (1883–1920). Совет являлся постоянным исполнительным органом Съезда – предпринимательской организации владельцев нефтепромышленных предприятий Бакинского нефтяного района.

Купец Христофор Африкян попытался выдать меня. Встретил хорошо, согласился дать три тысячи, пригласил прийти за деньгами завтра, сославшись на то, что сейчас такой суммой не располагает. Но когда назавтра я подъехал к его дому, то увидел возле него четверых агентов[186] в штатском. У меня на эту публику взгляд наметанный, к тому же они вели себя очень глупо, изображали будто гуляют в полдень, в самый зной, и ходили взад-вперед от одного угла до другого. Я уехал, а к Африкяну наведался ночью и предложил выбор – или он прямо сейчас дает мне три тысячи, которые обещал дать, и сверху семь тысяч штрафа за свое предательство, или я его пристрелю, не дав даже помолиться напоследок. Африкян дал мне деньги, которых с лихвой хватило бы на подготовку любого «экса».

С подготовкой тоже было много хлопот. Тифлисский комитет наотрез отказался снабдить меня динамитом. Мне было сказано, что в распоряжении комитета динамита нет, поскольку комитет против экспроприаций. После этого я принял решение законспирироваться особо и прекратить все связи с комитетом. Были опасения (и не напрасные), что меня могут выдать. Динамит достал Гиго у знакомых товарищей в Алавердах[187]. На тамошних рудниках учет динамита был поставлен плохо, чем товарищи и воспользовались. Нашим укрытием и мастерской, в которой мы делали бомбы, стал подвал аптеки на Мадатовской.

У шестерых парней, которых мы взяли в наш отряд, было много революционного энтузиазма, но совершенно не было опыта в таких делах. Глядя на них, я с сожалением вспоминал моих товарищей, прошедших суровую школу первой революции[188]. Но успокаивал себя тем, что и мы с Гиго когда-то были точно такими же юными и неопытными. Ничего, вышел же из нас толк, значит, и из парней тоже выйдет. Имен их я нарочно не называю, не хочу их позорить. Тогда им было по 18–19 лет, значит, сейчас около 30. Не знаю, что с ними стало, но хочу верить, что они стали достойными людьми и искупили старые ошибки. Да и не их вина была в том, что случилось. Я был виноват больше всех. Я руководил делом, я понимал, что иду на медведя с дудуком вместо ружья[189], но все-таки пошел. Чувствую себя виноватым перед Гиго. Гиго готовился на совесть, он не совершил ни одной ошибки, но был ранен, арестован и умер в тюрьме. Был бы я верующим, так поставил бы свечу, а как атеист могу только написать для будущих поколений, что Гиго Матиашвили был пламенным революционером, верным товарищем и хорошим, добрым, справедливым человеком. Он всего год не дожил до революции.

Когда отряд был набран, бомбы готовы и куплено оружие, мы с Гиго начали обучать наш отряд. Непосвященному может показаться, что в «эксе» самое главное – план, а провести его по плану проще простого. На самом деле это не так. Да, хороший план – основа успеха любого «экса». Но план – это всего лишь теория, а теория без практики ничего не стоит. Учить надо всему, начиная с меткой стрельбы и правильного бросания бомб и заканчивая правильным уходом с места «экса». Самое главное, чтобы боевики действовали слаженно, как единый отряд. Эта слаженность достигается путем длительной выучки. Я прекрасно понимал, что боевики мои еще «сырые», и планировал для начала провести с ними два-три небольших «экса», взять тысяч десять-двадцать при небольшой охране, прежде чем браться за крупный «экс». Пока человека не испытаешь раз-другой в деле, верного мнения о нем составить нельзя. Помню, как, увидев впервые Гиго, я подумал о нем: «Какой-то недалекий увалень, будет ли толк от него?» Но очень скоро понял, что «увалень» просто очень хладнокровный человек, а впечатление «недалекого» Гиго производил потому, что говорил мало, слова тратил скупо.

---

[186] То есть сотрудников Тифлисского охранного отделения.

[187] Алаверди – город на северо-востоке Армении, расположенный в 170 км от Еревана. В окрестностях Алаверди находятся медные рудники.

[188] То есть революции 1905 года.

[189] «Идти на медведя с дудуком» – армянская пословица, смысл которой: «Начинать дело, не подготовившись». Дудук – деревянный духовой музыкальный инструмент, похожий на дудку.

В середине сентября я узнал, что Сталин бежал из ссылки и сейчас находится в Петербурге. Поручив Гиго вести подготовку боевиков в одиночку, я срочно выехал в Петербург. Мне непременно нужно было встретиться со Сталиным, рассказать о том, как меня встретили в Тифлисе и обо всех остальных сложностях. Прожив несколько месяцев в обстановке полного непонимания, я сильно нуждался в поддержке и в том, чтобы мне кое-что разъяснили.

– Ты все делаешь правильно, Камо, – сказал мне Сталин. – Набирай боевиков, держи связь только с теми, кому доверяешь, добывай деньги для партии, готовь боевые отряды. Стратегия большевиков не может измениться. Наша цель – свержение царизма путем революционного восстания, а не получение каких-то отдельных уступок. Нам нужна власть, а не подачки. Но время сейчас такое, что приходится действовать очень осторожно. Вот так и действуй.

Разговор со Сталиным придал мне сил, окрылил меня. Радостный вернулся я в Тифлис, не стал задерживаться в Петербурге ни на день.

– Как хорошо, что ты успел! – обрадовался Гиго, увидев меня. – Я места себе не нахожу. Послезавтра в Тифлисском банке ждут денежную почту из Манглиси. Двести тысяч!

Я как услышал это «двести тысяч», так разума лишился. Совсем как капиталист, который думает о большой прибыли. Понимая, что при таких деньгах будет серьезная охрана и что мои боевики еще ни разу не были в деле, я решил устроить «экс». По сведениям, которые получил Гиго, почту должны были сопровождать четыре стражника и четыре казака. Я решил, что восемь на восемь (почтальона и кучера я в расчет не брал) – это неплохой расклад. Пусть шестеро из нас неопытны, зато на нашей стороне будет внезапность. Бросим две-три бомбы, перестреляем тех, кто станет сопротивляться, и возьмем деньги. Пока на шум кто-то прискачет, мы уже будем далеко. На шоссе за городом нападать очень удобно.

Боевики были настроены решительно, и это меня приободрило. Гиго сказал, что за время моего отсутствия парни «старались». У него это была серьезная похвала. Я тщательно объяснил каждому, что он должен делать. Два раза это сделал, в Тифлисе и на месте.

Все сразу пошло не так, как надо. Карета появилась без казачьего конвоя. Так до сих пор я и не знаю, почему отстали эти черти. Я хотел отправить двоих парней в ту сторону, откуда ехала карета, чтобы они задержали казаков, но все три моих бомбиста, как им и было велено, уже бросили бомбы в карету. Опытные прежде бы посмотрели на меня – что такое? Почему нет казаков?

Когда стражники начали стрелять в ответ и ранили Гиго, появились казаки. Теперь уже не мы застали их врасплох, а они нас. У нас были шансы взять деньги, если бы четверо парней не убежали с перепугу. Пришлось отступить и нам, не взяв денег. Нас спас внезапно хлынувший ливень, облегчивший наш уход. «Экс» провалился. Это был мой первый серьезный провал.

Трусов следовало покарать, но я не стал делать этого по трем причинам. Первое – сам тоже был виноват, взяв на серьезное дело необстрелянных, непроверенных людей. Второе – события развивались не так, как мы ожидали, казаки отстали, а неопытные боевики не догадались внести изменения в первоначальный план. Тут тоже была моя вина. Я должен был сказать: «Если казаков при карете не будет, то вы двое идете им навстречу. Как увидите, то закидываете бомбами и обстреливаете. А мы возьмем карету с одной бомбой». Но я этого не предусмотрел и поплатился. Третье – парни очень переживали свой позор, один даже застрелиться хотел. Я сказал им, что стреляться – не выход, надо искупать свою вину. Стражник, который отстреливался (он был один), хорошо разглядел нас с Гиго, и полиция начала не просто прочесывать Тифлис в поисках подозрительных особ, а искать именно нас двоих. Жена Гиго, а он был женат на дворянке, которая не очень-то разделяла его взгляды, узнав о том, что ее муж ранен, пришла в такое состояние, что я опасался, что она нас выдаст. Пришлось нам с Гиго прятаться и от нее тоже. Но она оказалась молодец. Ее несколько раз забирали в полицию, но каждый раз дело кончалось скандалом, который она там устраивала: давно его не видела, не знаю, где его черти носят, отстаньте от меня, наконец!

Пока полиция искала меня в Тифлисе, я успел побывать в Петербурге у Сталина. Из предосторожности ехал через Поти и Одессу[190]. Сталин сделал мне очень суровый выговор, а затем сказал то же самое, что я говорил своим боевикам – продолжайте работать, искупайте вину. Еще он сказал:

– Умным людям неудачи идут на пользу. В следующий раз вспомнишь о своем провале и сделаешь дело лучше.

Вернувшись в Тифлис, я начал набирать боевиков и готовить следующий «экс». Я собирался напасть на почтово-телеграфную контору в Тифлисе. Нужными сведениями меня снабжал почтовый чиновник Багдасар Сафаров. Шестеро боевиков, побывавших в деле, у меня уже были. Трусов я строго-настрого предупредил о том, что если они снова попробуют подвести меня, то я самолично их пристрелю. Я не шутил, и они это понимали. Рана Гиго к декабрю зажила, ему повезло, что пуля не задела кость. Соблюдая все предосторожности, мы с Гиго набрали в наш отряд еще десять человек, среди которых были две красивые и отчаянные девушки – Астхик Тер-Аракелова и Ольга Джавахова. В своем отряде я всегда старался иметь одну или двух девушек, желательно красивых, потому что никто не вызывает так мало подозрений, как красивая девушка. Мужчину полицейские обыщут с головы до пяток, а к красавице, которая строит им глазки, в корзину с бомбами даже не заглянут.

Я сильно надеялся на то, что «экс» на почте пройдет успешно. Главное дело по моему плану должны были сделать мы с Гиго, всем остальным надлежало нам помогать, то есть держать на прицеле почтовых служащих, встретить тех полицейских, которые прибегут на шум первыми (если прибегут), и прикрывать наш уход. Я верил в то, что на этот раз все должно получиться. Готовились мы очень серьезно. Я старался предусмотреть даже невозможное. Слушая мои бесконечные «а что, если?», Гиго шутил:

– Камо, а что, если в этот момент луна с неба на почту упадет!

Но, к сожалению, на этот раз полиция меня переиграла. Впоследствии я узнал, что вся наша группа была под наблюдением с начала ноября 1912 года. Полиции даже удалось внедрить к нам своего агента Або Грикурова. В начале января 1913 года всех нас арестовали. Меня в тюрьме сразу же освидетельствовали и признали здоровым. Было ясно, что мне и Гиго грозит смертная казнь.

От петли нас спас царизм, то есть трехсотлетие дома Романовых. Нам нужно было затянуть следствие до конца февраля[191]. Нас с Гиго содержали порознь, но нам удавалось обмениваться записками. Мы договорились, что станем всячески путать следователей, чтобы затянуть следствие и попасть на суд уже после того, как выйдет царский указ о помиловании. Мы заявили следователю, что в ожидании смерти (то, что нас приговорят к повешению, сомнений не вызывало) раскаялись и хотим признаться во всех своих делах, чтобы облегчить душу. Следователь обрадовался. Он, дурак, наверное, рассчитывал с нашей помощью арестовать все кавказское революционное подполье и получить повышение. Не иначе как видел себя в мечтах действительным тайным советником[192].

Мы с Гиго старались изо всех сил. Сегодня говорили одно, завтра другое. Ссылались на плохую память, на то, что надзиратели не дают нам спать и на все остальное. Некоторое время с нами обращались так предупредительно, будто мы были князьями. Настал день, когда

---

[190] То есть добирался из Тифлиса по железной дороге до Поти, оттуда плыл на корабле в Одессу, а из Одессы ехал поездом до Петербурга.

[191] Подписанным 21 февраля 1913 года высочайшим указом, дабы «достойно ознаменовать нынешний торжественный день и увековечить его в памяти народной», даровались «милости подданным», в частности объявлялось о амнистировании отдельных категорий осужденных и замене смертной казни каторгой. Подобные указы по поводу каких-либо значимых дат были традиционными.

[192] Действительный тайный советник – гражданский чин 2-го класса в Табели о рангах, соответствующий чину генерал-аншефа (полного генерала).

следователь понял, что мы его дурачим, и передал наше дело в суд. Но царский указ уже вышел и повешение нам заменили двадцатилетней каторгой.

«Двух лет не просидим, как начнется революция и нас выпустят», – написал мне Гиго в последней записке.

Неудавшийся побег

В Метехах меня содержали в кандалах, в одиночной камере и приставили ко мне отдельного надзирателя, потому что тюремное начальство боялось побега. Я только о побеге и думал, но в тех условиях он был невозможным. Приставленные ко мне надзиратели были неподкупными, поэтому связь с волей приходилось поддерживать через переписку с моей сестрой Джаваир. Одно письмо в месяц.

Письма полагалось писать на русском, чтобы любой тюремный чиновник мог их прочесть. Письма просматривались на свет и могли проглаживаться утюгом, поэтому обычные способы конспиративной переписки не годились. Но у меня с Джаваир был разработан свой шифр. Важным было каждое третье слово. Всех знакомых мы называли по прозвищам. То, о чем нельзя было сказать прямо, передавали намеками. Когда я прочел: «Твой учитель скучает по тебе», то сразу же понял, что Сталин поручил тифлисским товарищам подготовку моего побега.

Бежать из Метех мне тогда было невозможно. Оставалось надеяться на этап. Сахалин к тому времени упразднили[193], поэтому меня должны были перевести из Метех в какой-то из централов[194]. Моя судьба решалась долго. Могу предположить, что ни одна из каторжных тюрем империи не соглашалась принять такого «неудобного» арестанта, как я. Поэтому я провел в Метехах более двух лет, и только в марте 1915 года меня отправили в Харьковскую каторжную тюрьму. Время от времени я читал в письмах Джаваир: «Учитель спрашивал о тебе» – и понимал, что Сталин помнит обо мне и ждет подходящей возможности, чтобы устроить мой побег. Я должен был ждать. Кроме того, чтобы поддерживать себя в нормальной форме, я больше ничего не мог сделать. Я делал в камере гимнастику, внушал себе, что я не одинок, что у меня на воле есть товарищи, как мог старался досаждать моим тюремщикам. В Метехах тюремщики знали мой характер и держались со мной вежливо. Совсем иначе было в Харьковской тюрьме. Там был настоящий ад. Нигде никогда я не видел столь жестокого обращения одних людей с другими. В сравнении с Харьковской тюрьмой Метехи можно было назвать пансионом[195]. Здесь (в Харькове) все действия тюремщиков были направлены на то, чтобы сломить арестантов или же уничтожить их. Любое неповиновение заканчивалось жестоким избиением и заключением в карцер. Здешние карцеры можно было назвать могилами, такими холодными и сырыми они были. Перед тем как втолкнуть человека туда, надзиратели обливали его холодной водой из ведра. Это называлось: «Охладить горячие головы».

Но в марте 1915 года я не надеялся, что дойду до Харькова. Товарищи готовили мой побег в Баку. Тифлисские этапы задерживались в Баку на два дня. Достаточное время для того, чтобы убежать. Этап, как бы строго он ни охранялся, все же предоставляет гораздо больше возможностей для побега. Мне бы только сбросить кандалы да перелезть через стену, за которой находится хорошо знакомый мне Баку, где меня черта с два можно найти.

За неделю до этапа Джаваир передала мне нашим шифром: «Выезжаю к морю вместе с маленьким». «Маленьким» звали нашего товарища Бесо Геленидзе, надежного, испытанного в деле товарища. Бесо не маленький, просто привык напевать «тара-патара», за что он и получил свое прозвище[196]. Я понял, что «к морю» это в Баку, и обрадовался – недолго мне осталось

---

[193] Царским указом от 1869 года остров Сахалин был объявлен местом каторги и ссылки. 10 (23) апреля 1906 года вышел закон «Об упразднении сахалинской каторги».

[194] «Централы» – крупные тюрьмы с центральным подчинением (подчиненные непосредственно Главному тюремному управлению).

[195] Пансионом в Российской империи и некоторых других странах называлось закрытое учебное заведение с общежитием и полным содержанием учащихся.

[196] «Патара» на грузинском означает «маленький». *(Примечание И. Г. Капанадзе.)*

сидеть за решеткой. Я надеялся, что мы с Гиго попадем в один этап и сумеем бежать вместе, но Гиго отправили следующим этапом и не в Харьков, а в Орел.

В Баку незадолго до отхода поезда Джаваир смогла передать мне сверток с едой, в котором были хлеб, зелень, кусок сыра и пирожки с мясом и вареньем. Два пирожка, помеченных крестом, были обычными, а в остальные положили снотворное. Еды было много, и, когда поезд тронулся, я угостил моих конвоиров, которых у меня было целых шесть, поскольку я считался опасным арестантом. В этом не было ничего необычного, поскольку многие арестанты пытались как-то задобрить конвоиров, чтобы получить какие-нибудь мелкие поблажки. Когда конвоиры заснули, я разломил хлеб, достал одну из спрятанных в нем пилок и начал пилить кандалы. В соседнем вагоне ехал Бесо с документами и одеждой для меня. Когда одна нога моя была свободна, в вагон вдруг пришел с проверкой ротмистр, начальник охраны. Увидев моих конвоиров спящими, он пинками разбудил их и начал распекать. Потом заменил старшего конвоира на другого. Конвойные так и не поняли, в чем было дело. Они решили, что их разморило от сытной еды, укачало в поезде. Пока мы ехали, я прятал пилки в вагоне, ожидая удобного случая, но случай не представился. Конвоиры были начеку, вдобавок начальник охраны, что-то заподозрив, то и дело являлся в наш вагон с проверками. На подъезде к Харькову я выбросил пилки в уборную, поскольку знал, что в тюрьме меня тщательно обыщут. Жаль было расставаться с мечтой о свободе, которая была совсем рядом.

В Харьковской тюрьме

Харьковская тюрьма, как я уже написал, была адом, где арестантов подвергали всяческим издевательствам и унижениям. Опасные политические преступники, такие как я, содержались в одиночных камерах, которые всегда были заперты. Выводили нас под охраной из двух надзирателей поодиночке на короткие прогулки, всех в разное время и разные прогулочные дворы – тесные клетушки, отделенные стеной друг от друга. Перестукиваться и поддерживать связь другими способами было невозможно[197]. Только во время службы в тюремной церкви можно было увидеть других заключенных, но надзиратели становились так, чтобы исключить любую возможность передачи записки или переговоров. Любая попытка чего-то подобного сразу же пресекалась. Виновного выволакивали из церкви, избивали и бросали в карцер. Это была единственная из тюрем, в которых мне довелось побывать, где в наказание надзиратели могли «забыть» дать арестанту еду, то есть здесь пытали голодом. Не уменьшали, как разрешалось правилами, норму выдаваемой пищи до оставления только на хлебе и воде, а «забывали» дать все, в том числе и хлеб с водой.

Я был наслышан о здешних порядках и ничего хорошего не ожидал. Однако, проведя в тюрьме некоторое время, я отметил, что ко мне тюремные надзиратели относятся не так уж и плохо. В сравнении с тем, чего я ожидал, это отношение можно было бы назвать «уважительным». Вначале я думал, что это явилось следствием моей репутации отчаянного человека. Отчаянных надзиратели боятся и предпочитают не задевать. Кто знает, что у отчаянного на уме. В Метехах был случай, когда один арестант по фамилии Папидзе схватил надзирателя за плечи и так ударил о стену, что разбил ему голову.

Вскоре я понял, что ошибался. Не моя репутация была тому причиной, а старания моих товарищей. Один из надзирателей принес мне в камеру книгу, что-то духовное, другого здесь арестантам не давали. Я удивился, поскольку не просил этой книги, но надзиратель посмотрел на меня со значением, положил книгу и вышел. В книге я нашел письмо от моего товарища Саркиса Ханояна[198], написанное на армянском языке. Он писал, что партия помнит обо мне, что его направили в Харьков, чтобы он мог «позаботиться» обо мне. Я понял, что товарищи готовят мне побег. В конце письма я прочел: «Коба передает тебе революционный привет». Было очень приятно узнать, что товарищи меня не забыли. После неудавшегося бакинского побега я немного приуныл. Неудачный «экс», сорвавшийся из-за ареста «экс» на почте, арест, неудачный побег… Я уже жалел о том, что перестали ссылать на Сахалин. Мне казалось, что уж оттуда-то я бежал бы легко. Позже, в 1918 году, я познакомился с товарищами, прошедшими через сахалинскую каторгу. Из их рассказов я понял, что ошибался. В определенном смысле бежать с Сахалина было труднее.

Письмо после прочтения я съел, и мне казалось, что в жизни я не ел ничего вкуснее. Тот же надзиратель дал мне бумагу и карандаш, чтобы я мог написать ответ.

Если бы письмо было не от хорошо знакомого мне Саркиса, да вдобавок на армянском языке, я бы заподозрил провокацию. Очень уж неожиданно было получить здесь письмо от

---

[197] Вот что писал русский революционер-анархист Петр Кропоткин в своих «Записках революционера»: «Центральные каторжные тюрьмы… были ужасны. В одной из них – «очаге тифозной заразы», как выразился один тюремный священник в своей проповеди, – смертность в один год достигла двадцати процентов. В «централках»… заключенные должны были прибегать к «голодным бунтам», чтобы защитить себя от жестоких тюремщиков или чтобы добиться самых ничтожных льгот: какой-нибудь работы или книг, которые спасли бы их от помешательства, грозящего всякому сидящему в одиночном заключении без всякого занятия. Ужасы подобных голодовок, во время которых заключенные отказывались по семи и восьми дней принимать пищу, а затем лежали без движения, в бреду, по-видимому, нисколько не трогали жандармов. В Харькове умирающих заключенных связывали веревками и кормили насильственно, как кормят гусей».

[198] Саркис Меликсетович Ханоян (1877–1937) – армянский революционер, большевик, советский государственный и партийный деятель.

товарища. Но тут уж сомнений не было, тем более что я знал почерк Саркиса. Я получил еще два письма от Саркиса, а затем мне стал писать на русском харьковский товарищ, который подписывался «Иван». С Иваном мы переписывались шифром. Письма приносил все тот же надзиратель. Фамилия его была Васильев. Он же ознакомил меня с планом побега, который вначале даже мне показался несбыточным.

В Харьковской тюрьме, которую переделали в каторжный централ из исправительного отделения[199], была своя пекарня, где работали арестанты. Из пекарни можно было бы убежать, но мне никогда бы не разрешили там работать. План заключался в том, что в одно из воскресений, когда будет дежурить Васильев, он после службы в церкви отведет меня не назад в камеру, а в пекарню, посадит в мешок, а местные товарищи вывезут меня из пекарни на телеге, в которой будет лежать плесневелая мука, возвращаемая поставщику. По сговору с тюремным начальством, имевшим от этого немалую выгоду, в царские тюрьмы всегда поставлялся плохой товар. Но иной раз привозили такую поганую муку, из которой было совсем невозможно печь хлеб. Тогда приходилось ее возвращать.

Такой необычный, рискованный для нас обоих (меня и надзирателя) побег можно было осуществить только в воскресенье, когда в тюрьме не было начальства и оттого порядки были чуть свободнее.

– А что будет с вами? – спросил я у надзирателя.

После такого его посадили бы в ту камеру, где сидел я. Почему он пошел на такое?

– Я исчезну следом за вами, – ответил он.

Уже после революции я узнал от Саркиса, что за мое освобождение Васильеву обещали двадцать пять тысяч рублей и «чистые» документы греческого подданного. Он за всю свою службу столько жалованья не получил![200] В 1915 году наиболее дальновидные слуги престола начали задумываться о том, что может ожидать их после революции, и старались каким-то образом обезопасить себя. Саркис сказал, что Васильева не пришлось долго уговаривать, он согласился сразу, только выторговал двадцать пять тысяч вместо предложенных двадцати.

За неделю до побега Васильев принес мне в книге сразу два письма – одно от товарища Ивана, а другое от Сталина, написанное на грузинском. Сталин писал мне, что обстановка с каждым днем становится все более революционной, что работы много и я очень нужен товарищам на воле. О себе он написал скупо: пока что вынужден жить в Сибири[201], работаю, стараюсь делать, что могу. «Сурен передает тебе горячий привет и ждет, когда сможет встретиться с тобой в Тифлисе», – писал Сталин о Спандаряне, который был в ссылке недалеко от него. Мечта Сурена не сбылась, он умер в ссылке в следующем году, так и не увидев больше родного Тифлиса.

Побег не состоялся. Видимо, Васильев чем-то навлек на себя подозрения, потому что его схватили, когда он в пятницу, за два дня до побега, нес мне письмо от товарища Ивана, в котором содержались последние инструкции. Мы шифровали письма парным шифром, который тюремному начальству удалось прочесть[202]. Меня несколько раз допрашивали, однажды устроили очную ставку с Васильевым. Я молчал. Меня били, держали в карцере, но я молчал. После этого меня вообще стали часто избивать, по любому поводу и без повода. Убить меня сразу у

---

[199] Исправительные арестантские отделения гражданского ведомства – один из видов лишения свободы в Российской империи.

[200] В то время старший тюремный надзиратель получал в год от казны 250 рублей жалованья, к которым прибавлялось добавочное содержание за выслугу лет, которое после 15 лет службы равнялось годовому жалованью. *(Примечание И. Г. Капанадзе.)*

[201] В 1915 году И. В. Сталин находился в ссылке в Туруханском крае.

[202] Парный шифр, при котором алфавит разбивался на пары в случайном порядке и буквы из каждой пары взаимно заменяли друг друга, относительно легко поддавался дешифровке, но в данном случае он использовался вынужденно, поскольку Камо не мог хранить у себя в камере шифровальных таблиц или книг, содержащих ключ к шифру. Запомнить же 17 буквенных пар было несложно. *(Примечание И. Г. Капанадзе.)*

тюремного начальства не хватало смелости, поэтому оно надеялось, что я умру от постоянных побоев, голода и сидения в сыром карцере. Обычно такая жизнь заканчивалась чахоткой, но мне повезло. Меня спасла злость. Я был так зол на моих мучителей, что назло им выжил и вышел на волю в марте 1917 года. С некоторыми из тюремщиков мне удалось поквитаться. Что стало с Васильевым, я не знаю.

Если бы я был человеком суеверным, то решил бы, что меня «сглазили», поскольку у меня сорвалось два побега подряд. Но я, будучи материалистом, сделал правильный вывод о том, что наши враги прошли обучение в том же революционном университете, что и мы, только по другую сторону баррикад. Они стали опытнее, бдительнее, начали замечать то, чего раньше не замечали. Нам следовало действовать еще осторожнее. С учетом этого я организовывал работу на Кавказе при меньшевиках.

Долго я не имел никаких сведений с воли. Надзиратели ко мне были приставлены такие, что подкупить их никак не выходило. Я, как экспроприатор, считался в тюрьме богатым человеком. Тюремщики не могли поверить в то, что я передаю товарищам все захваченные деньги, ничего не оставляя себе. Я несколько раз пытался использовать славу «богача», заговаривая с надзирателями о том, что в Тифлисе у меня припрятаны крупные суммы денег и если они помогут мне бежать, то я вознагражу их по-царски. Но они даже не вступали в разговор, молчали, как истуканы. Однако в августе 1916 года один из надзирателей принес мне письмо от товарища Ивана. Жаль мне, что я так и не встретился с ним. Сразу после того, как меня освободили, я уехал в Петроград, а после узнал от Саркиса, что Иван погиб в январе 1918 года.

Товарищ Иван написал мне о текущей обстановке, о том, что революция вот-вот грянет, и о том, что товарищи Сталин и Ханоян постоянно интересуются моей судьбой. Я ответил, что жив и здоров, что с нетерпением жду революции.

Если представилась бы возможность, так я бы сбежал, не дожидаясь революции, но такой возможности не было. Единственное, на что удалось уговорить надзирателя, так это на передачу записок, причем за баснословные деньги. За одну «почту» – письмо мне и мой ответ он брал тридцать рублей.

В декабре я получил письмо от Сталина. Сталин писал, что до революции рукой подать и чтобы я сразу же после освобождения ехал в Петроград к «известному мне С.Я.». «С.Я.» – это Сергей Яковлевич Аллилуев[203], я бывал у него дома в Петербурге.

Я всегда верил в победу революции, иначе бы и не стал революционером, но в тюрьме было очень приятно получить письмо с воли от старого друга, в котором написано, что революция прогремит совсем скоро. Такие письма придавали сил. Я смотрел на тюремщиков и думал: «Скоро кончится ваша власть и наступит наша!»

Я ждал освобождения, но оно застало меня врасплох. Утром в коридоре послышались голоса, двери распахнулись, и пожилой мужчина, лица которого я никогда не забуду, крикнул мне:

– Свобода, товарищ! Свобода!

Я заплакал от счастья. Теперь уже можно написать об этом, а тогда я плакал и думал: «Ах, как хорошо, что никто из наших не видит, как плачет Камо!» На Кавказе мужчинам плакать нельзя. Хоть умри, но не плачь, а то намус[204] потеряешь.

Я вышел из тюрьмы в чем был, в вонючей, наполовину истлевшей арестантской одежде. При мне был револьвер, который я отобрал у одного из надзирателей. Но я решил, что раз

---

[203] Сергей Яковлевич Аллилуев (1866–1945) – русский революционер, большевик. Отец второй жены И.В. Сталина Надежды Аллилуевой. С 1890 по 1903 год жил на Кавказе, затем, после того как за революционную деятельность проживание на Кавказе ему было запрещено, переехал в Ростов, а после – в Санкт-Петербург. Петербургская квартира Аллилуева в доме 17а по 10-й Рождественской улице использовалась большевиками для конспиративных встреч.

[204] Намус – честь, достоинство. *(Примечание И. Г. Капанадзе.)*

теперь свобода, то я не стану устраивать «экс». Зашел в первый попавшийся магазин, где продавалась одежда, и сказал хозяину:

– Я революционер, большевик. Четыре года просидел в тюрьме, в Харькове никого не знаю. Мне нужна какая-нибудь одежда и рублей тридцать на дорогу. Запишите ваш адрес, я вам вышлю после что должен.

Хозяин так удивился, что одел-обул меня, дал денег и адреса записывать не стал. Сказал, что теперь свобода и граждане должны помогать друг другу. Сознательный попался буржуй. В 1917 году многие буржуи сразу стали сознательными, поняли, что их время закончилось.

Сначала я очень обрадовался. Свобода! Революция! Мне было немножко обидно, что революция произошла без моего участия. Но еще в поезде, по дороге в Петербург, который тогда уже называли Петроградом, понял, что революция какая-то ненастоящая. Царя нет, а старые порядки остались. После четырех лет, проведенных в тюрьме, я не мог толком разобраться в происходящем.

Сталин, которого я встретил у Аллилуева, объяснил мне суть происходящего одной фразой:

– Только полдела сделано, Камо! – сказал он.

Сталин в 1917 году

Ленин приехал в Петроград в апреле, а в марте руководителем большевиков был Сталин. Это было невероятно трудное время, несмотря на то что партия вышла из подполья. Буржуазия, меньшевики, эсеры, кадеты, либералы и все прочие «полуреволюционеры», как называл их Аллилуев, набросились на большевиков, на единственную партию, которая по-настоящему, всерьез заботилась о благе трудящегося народа. Доходило до того, что большевиков называли «врагами революции».

– Да! – отвечал на это Сталин. – Мы враги буржуазной революции! Что получили трудящиеся в феврале? Ничего! Гнет царизма сменился гнетом буржуазии! Был у нас главным царь, стал вместо него у нас главным князь![205] Хрен редьки не слаще!

Я так скажу – этот хрен был не просто «не слаще», а во много раз горше редьки. В отношении царизма никто не обольщался, все понимали, что свободы существуют лишь на бумаге, что все права у аристократов и буржуев. А тут вдруг кричат на всех углах о «настоящей» свободе, можно выйти на улицу и кричать, что вздумается, и ничего за это не будет. Разве это не «свобода»? А что городовые на улицах по-прежнему стоят, так ничего страшного. У них же красные банты на шинелях. Революционные городовые! Смешно! Я смотрел и от души смеялся. Подошел к одному, крикнул: «Вся власть трудящимся!» Он сделал вид, будто ничего не слышит.

– Что вы получили в результате этой «революции»? – спрашивал на митингах Сталин. – Война до победного конца! Земля по-прежнему принадлежит помещикам, а заводы капиталистам!

Мне Сталин сразу же дал целую стопку номеров «Правды» и сказал:

– Читай, потом обсудим.

За время сидения в тюрьме я сильно отстал от жизни, поэтому сначала многого не понимал. Но потом разобрался. Сталин меня похвалил:

– Молодец, верно рассуждаешь. Это потому, что у тебя внутри большевистский барометр.

Так оно и есть – барометр. Я могу что-то недопонять, но сразу чувствую, правильно это или нет. Статьи Сталина в «Правде» и других газетах я читал и продолжаю читать с особенным вниманием. Читаю и каждый раз удивляюсь: неужели это пишет Сосо, сын сапожника Бесо Джугашвили? Так умно, так правильно только ученый человек написать может, который два или три университета окончил! Когда я после революции, работая на Кавказе, выступал перед народом, все слушали и удивлялись: «Ай, как правильно говорит Камо!» А что я говорил? Я всегда повторял то, что Сталин сказал в Гельсингфорсе[206] в ноябре 1917 года[207]. В этом

---

[205] Первым главой Временного правительства, назначенным отрекшимся императором Николаем II, был князь Георгий Львов.

[206] Гельсингфорс – старое название города Хельсинки.

[207] Из речи И.В. Сталина на съезде Финляндской социал-демократической рабочей партии в Гельсингфорсе 14 ноября 1917 года: «Нас пугали, наконец, развалом России, раздроблением ее на многочисленные независимые государства, при этом намекали на провозглашенное Советом народных комиссаров право наций на самоопределение как на «пагубную ошибку». Но я должен заявить самым категорическим образом, что мы не были бы демократами (я не говорю уже о социализме!), если бы не признали за народами России права свободного самоопределения. Я заявляю, что мы изменили бы социализму, если бы не приняли всех мер для восстановления братского доверия между рабочими Финляндии и России. Но всякому известно, что без решительного признания за финским народом права на свободное самоопределение восстановить такое доверие немыслимо. И важно здесь не только словесное, хотя бы и официальное, признание этого права. Важно то, что это словесное признание будет подтверждено Советом народных комиссаров на деле, что оно будет проведено в жизнь без колебаний. Ибо время слов прошло. Ибо настало время, когда старый лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» должен быть проведен в жизнь. Полная свобода устроения своей жизни за финляндским, как и за другими народами России!.. Таковы руководящие начала политики Совета народных комиссаров. Только в результате такой политики может быть создано взаимное доверие народов России. Только на почве такого доверия может быть проведено в жизнь сплочение в одну армию народов России. Только в

выступлении он коротко и ясно изложил суть национальной политики большевиков. Он тогда перед финнами выступал, но эти слова и на Кавказе все понимали. А выступая перед моими соотечественниками-армянами, я повторял то, что Сталин написал о Турецкой Армении[208]. И они тоже все понимали и радовались: «Ай, как правильно!» На Кавказе нам не удалось бы победить, если бы мы не сумели донести нашу правду до каждого трудящегося человека. Меньшевики-националисты тянули народ каждый в свою сторону, играя на старых обидах и отсталости. Свободная Грузия! Свободная Армения! Непросто было объяснить людям, что их «свобода» существует только на словах, в воображении. Но у нас было в руках грозное оружие – статьи и речи Сталина, посвященные национальной политике. Для того чтобы уметь убеждать так, как умеет Сталин, надо не только родиться и вырасти на Кавказе, но и много ума иметь, настоящим гением быть.

Когда я в марте 1917-го в обстановке разобрался, то сразу же предложил Сталину:

– Надо нам создать в Петербурге боевой отряд и перестрелять всю эту сволочь, которая морочит народу голову и поливает нас грязью.

– Не горячись, Камо! – сказал Сталин. – Вся эта сволочь только и ждет повода, чтобы выставить нас бандитами и бросить за решетку. В тюрьмах сейчас много свободного места. Нет, мы должны бороться иначе. Мы должны разоблачать тех, кто пытается обмануть народ. Сила в доверии народа, в том, за кем пойдут массы, кому они поверят.

Боевой отряд мне создать поручили, но для охраны наших вождей. Я руководил отрядом до августа, а затем уехал на Кавказ. Я не был рядом со Сталиным в октябре, но я видел его весной и летом 1917 года. Я скажу то, что сейчас многие товарищи «забывают». В 1917 году у большевиков было два вождя – Ленин и Сталин. Я присутствовал при беседах Владимира Ильича со Сталиным. Они обсуждали партийные дела на равных. Сталин, а не кто-то другой, руководил в Петрограде во время отсутствия Ленина. Сталин поднял рабочих на борьбу с Корниловым[209]. Я прекрасно помню, как многие «истинные марксисты» кричали, что помощь Временному правительству, которое держит в тюрьме наших товарищей[210], есть «предательство». Сталин разгромил их при помощи одной-единственной статьи в «Правде». Гений Сталина в том, что в нужный момент он принимает верное решение и находит такие слова для

результате такого сплочения могут быть закреплены завоевания Октябрьской революции и двинуто вперед дело международной социалистической революции. Вот почему мы улыбаемся каждый раз, когда нам говорят о неизбежном развале России в связи с проведением в жизнь идеи о праве наций на самоопределение».

[208] «Погромы и резня армян, с одной стороны, фарисейское «заступничество» дипломатов всех стран как прикрытие новой резни, с другой стороны, в результате же окровавленная, обманутая и закабаленная Армения, – кому не известны эти «обычные» картины дипломатического «художества««цивилизованных» держав? Сыны Армении, героические защитники своей родины, но далеко не дальновидные политики, не раз поддававшиеся обману со стороны хищников империалистической дипломатии, – не могут теперь не видеть, что старый путь дипломатических комбинаций не представляет путь освобождения Армении. Становится ясным, что путь освобождения угнетенных народов лежит через рабочую революцию, начатую в России в октябре. Теперь ясно для всех, что судьбы народов России, особенно же судьбы армянского народа, тесно связаны с судьбами Октябрьской революции. Октябрьская революция разбила цепи национального угнетения. Она разорвала царские тайные договоры, сковывавшие народы по рукам и ногам. Она, и только она, сможет довести до конца дело освобождения народов России». *И.В. Сталин.* «О «Турецкой Армении». Газета «Правда» № 227 от 31 декабря 1917 года.

[209] Речь идет о так называемом Корниловском выступлении (Корниловском мятеже) – неудачной попытке установления военной диктатуры, предпринятой Верховным главнокомандующим Русской армией генералом от инфантерии Лавром Корниловым в августе (сентябре) 1917 года с целью восстановления в России твердой (военной) власти, могущей помешать захвату власти большевиками. Александру Керенскому, бывшему в то время министром-председателем (главой) Всероссийского Временного правительства, Корнилов предложил ультиматум, в котором требовал: объявить Петроград на военном положении, передать всю власть, военную и гражданскую, в руки Верховного главнокомандующего, уйти в отставку всем кабинетом министров с условием образования нового кабинета Верховным главнокомандующим. Ультиматум был отвергнут, Корнилова объявили мятежником. Советы рабочих и солдатских депутатов предложили Временному правительству помощь в подавлении выступления. Правительство было вынуждено принять эту помощь и раздать оружие петроградским рабочим, начавшим формировать отряды собственного (большевистского) ополчения – Красной гвардии.

[210] В июле 1917 года несколько видных большевиков, в числе которых был и Лев Троцкий, были арестованы Временным правительством по обвинению в шпионаже в пользу Германии. В сентябре 1917 года после провала Корниловского выступления все арестованные большевики были освобождены.

объяснения собственной позиции, которые понятны всем. Сталин не любит, когда его приказы исполняются бездумно, он объясняет, почему надо сделать именно так. Выступая против Корнилова, петроградские рабочие понимали, что они защищают не гнилое Временное правительство, а свою рабочую революцию. Мы шутили: «Спасибо Корнилову! Благодаря ему Керенский вооружил Красную гвардию». Если бы рабочие остались в стороне и позволили бы Корнилову стать диктатором, то сейчас бы на троне продолжал сидеть Николай II.

Огромный объем работы, который проделал Сталин в 1917 году, сейчас замалчивается. Сталин не любит хвастаться своими заслугами, он о них вообще никогда не вспоминает. Этим пользуются другие товарищи для того, чтобы приписать сталинские заслуги себе. Товарищи Зиновьев и Каменев[211] не вспоминают о том, как они выступали против вооруженного восстания и выдали его план Временному правительству[212]. Но зато, выступая перед трудящимися, они называют себя «ближайшими соратниками Ильича». Нет, товарищи! Я понимаю, что вы ошиблись, затем раскаялись и партия вас простила. Но вы не имеете права на звание «ближайших соратников Ленина». Ближайшие соратники в трудный момент подножку не подставляют.

Я хочу перечислить то, что делал Сталин в 1917 году.

Первое – он первым из большевистских руководителей приехал в Петроград и начал руководить работой наших товарищей.

Второе – он возродил и фактически возглавил «Правду», писал в нее статьи по всем главным вопросам. Благодаря предусмотрительности и организаторскому таланту Сталина, когда «Правду» закрыли, она продолжала выходить под другими названиями[213]. Практически ни на один день не умолкал рупор большевиков.

Третье – Сталин проводил большую разъяснительную работу не только в «Правде», но и на митингах. Я (и многие товарищи) навсегда запомнил его слова: «Революция не может удовлетворить всех и вся. Она всегда одним концом удовлетворяет трудящиеся массы, другим концом бьет тайных и явных врагов этих масс. Поэтому тут надо выбирать: либо вместе с рабочими и крестьянской беднотой за революцию, либо вместе с капиталистами и помещиками против революции»[214]. Другие говорят долго, путано и непонятно, а Сталин всегда говорит ясно. Либо ты с народом, либо ты против народа, третьего пути тут нет. Я не раз слышал, как выступал Сталин, и на Кавказе слышал, и в Петрограде. Скажу одно – народ нельзя обмануть. Болтунов народ слушает невнимательно, шумит, кричит, прогоняет. А тех, кто говорит дело, всегда слушают молча. На выступлениях Сталина всегда тихо, его слушают, боясь пропустить хотя бы слово.

Четвертое – Сталин на деле осуществлял все решения Владимира Ильича. Разъяснял товарищам их смысл, следил, чтобы все было сделано так, как надо.

Пятое – Сталин немедленно давал отпор на все попытки Временного правительства и всех прочих внести раскол в наши ряды. Я недавно по совету Ленина изучал историю Французской революции и думал о том, как опасен любой раскол для революционного дела. Вообще для любого дела опасен. В 1917 году запах свободы кружил людям головы. Очень легко было сбить нестойких с истинного революционного пути. Что говорить о рядовых товарищах, если

---

[211] Лев Борисович Каменев (настоящая фамилия Розенфельд; 1883–1936) – российский революционер, большевик, советский партийный и государственный деятель.

[212] 10 октября (23 октября) 1917 года на закрытом заседании большевистского ЦК Зиновьев и Каменев проголосовали против ленинской резолюции о вооруженном восстании, считая его преждевременным. Кроме этого, Зиновьев и Каменев выступили по этому поводу в органе меньшевиков – газете «Новая жизнь», раскрыв тем самым план восстания, который большевики держали в тайне.

[213] 5 (18) июля 1917 года, после антиправительственных выступлений в Петрограде (Июльская революция), газета «Правда» была закрыта по распоряжению Временного правительства и до Октябрьской революции выходила под разными названиями: «Листок «Правды», «Рабочий и солдат», «Пролетарий», «Рабочий», «Рабочий путь».

[214] Из речи И.В. Сталина «О Временном правительстве», произнесенной на митинге в Петрограде 18 апреля (1 мая) 1917 года.

даже Зиновьев с Каменевым чуть не стали меньшевиками. Сталин же не только никогда не колебался сам, но и другим помогал понять истинное положение вещей. Мы так долго боролись с самодержавием, что многие воспринимали отречение царя как победу, не понимая, что это всего лишь начало пути к победе.

Шестое – о том, что Сталин организовал выступление рабочих против Корнилова, я уже написал. Из большевистского руководства только два человека твердо стояли за союз с Временным правительством против Корнилова – Ленин и Сталин. Остальные или колебались, или возражали.

Седьмое – Сталин руководил всеми боевыми операциями большевиков до Октябрьской революции и до осени 1918 года, то есть в самый тяжелый и ответственный период. Именно Сталин, у которого был большой опыт организации боевых отрядов на Кавказе, руководил созданием Красной гвардии. Товарищи, незнакомые с этим делом, не представляют, какой это огромный труд. Надо не просто раздать рабочим оружие. Надо организовать их в отряды, назначить командиров, обеспечить всем необходимым, обучить. Причем все надо сделать быстро, четко. Кто входил в Бюро ЦК после Октябрьской революции? Ленин, Сталин, Троцкий и Свердлов. Товарищ Свердлов умер, Ленин и Сталин об этом не вспоминают, а вот товарищ Троцкий то и дело вспоминает, как он был членом Бюро, причем вспоминает так, будто это Бюро состояло только из него одного. Некрасиво поступает товарищ Троцкий, не по-большевистски. Кто остановил наступление Колчака и погнал его назад? Кто дал отпор Юденичу и Деникину? Кто был создателем Первой конной армии Буденного?[215] Сталин! Разумеется, он сделал все это не в одиночестве, а вместе с другими товарищами.

Восьмое – Сталин не только уберегал партийные ряды от раскола. Он также не позволял поспешных расправ с товарищами, которые однажды совершили ошибку. Помнят ли Зиновьев с Каменевым, благодаря кому они остались в партии? Это Сталин предложил дать им шанс исправить свою ошибку, и Ленин согласился. Сталин беспощаден к предателям и провокаторам. Но если он понимает, что человек оступился, то поможет ему понять и исправить ошибку.

Девятое – в революции приняли участие все народы, жившие в Российской империи. Самодержавие и буржуазия делали все возможное для того, чтобы столкнуть народы между собой, натравить друг на друга, отвлекая их тем самым от революционной борьбы. Большевикам приходилось противостоять этому. Сталин, как человек, родившийся и долго проработавший на многонациональном Кавказе, руководил объединением всех народов в единый пролетарский кулак.

Десятое, последнее и очень важное, – при всей своей невероятной загруженности работой, когда на сон и отдых оставалось по три-четыре часа в сутки, Сталин проявлял постоянную заботу о товарищах. Этому послать денег на дорогу, того встретить и устроить, тому организовать лечение. Он обо всех помнил и успевал проверять, как исполнялись его распоряжения. Помню, какой выговор получил я за то, что в июне 1917 года не проявил должного внимания к нашему старому товарищу Серго Орджоникидзе[216], который вернулся в Петроград из якутской ссылки. Сталин поручил мне встретить и устроить его. Я в день приезда Серго был очень занят и передал поручение другому товарищу, очень ответственному. Вечером Сталин спросил:

– Видел Серго? Как он?

– Не видел, – говорю. – Очень занят был. Но отправил товарища с поручением.

Сталин ругать меня не стал. Посмотрел укоризненно и сказал:

---

[215] Семен Михайлович Буденный (1883–1973) – советский военачальник, один из первых Маршалов Советского Союза, командующий Первой конной армией РККА в годы Гражданской войны.

[216] Григорий Константинович Орджоникидзе (партийное прозвище «Серго»; 1886–1937) – грузинский революционер, большевик, советский государственный и партийный деятель. В начале революционной деятельности Орджоникидзе Камо был его наставником.

– Знал бы, что так будет, сам бы встретил Серго, не стал бы тебе поручать этого. Человек из Якутска едет. Наш боевой товарищ. Ему приятно будет, если его кто-то из своих встретит. А то что получается? Серго подумает: «Зазнались мои товарищи, знать меня не хотят». Не по-товарищески ты поступил, Камо. Я же нарочно именно тебе, как кавказцу и другу Серго, поручил его встретить.

Я на следующее утро отправился к Серго, рассказал о том, как было дело, и попросил прощения за то, что сам его не встретил. Другие скажут: «Вай, какие пустяки!» Нет, это не пустяки. Наша большевистская партия сильна тем, что мы относимся друг к другу по-товарищески, по-братски. Брат никогда не предаст брата, брат всегда придет брату на помощь. Благодаря нашему единству мы смогли победить в многолетней борьбе с капиталистами. Сталин знает цену дружбе и очень внимательно относится к своим друзьям. Некоторые дружат с человеком при жизни, а после смерти скоро о нем забывают. Сталин не таков. Он помнит наших погибших товарищей, помогает их семьям, заботится об их детях. Совсем недавно я встречался с Ольгой Вячеславовной, вдовой нашего друга Сурена Спандаряна. Один партийный работник (теперь уже бывший) пытался возражать против назначения ей пенсии за погибшего мужа. Возражения его были такими: «Сурен Спандарян умер до Октябрьской революции, участия в ней не принимал, поэтому настоящим революционером считаться не может». Надо знать Ольгу Вячеславовну. Это настолько скромный человек, что другого такого не найти. Вместо того чтобы плюнуть этому негодяю, который вел себя как царский чиновник, в морду, она ушла расстроенная и рассказала о случившемся только своей близкой подруге Маро Коджоян. Та возмутилась и сообщила о случившемся Сталину. Через три дня Ольге назначили пенсию и товарищ, сменивший негодяя, извинился перед ней. Подобных примеров я знаю множество. Все, кто может считать себя другом Сталина, могут рассчитывать на его поддержку в любой момент, в любом деле. Став одним из руководителей Советской страны, Иосиф Джугашвили не зазнался, не отгородился от старых товарищей, а остался прежним Иосифом. Есть такая армянская пословица: «Цену человека узнаешь только тогда, когда он возвысится». Так оно и есть. Я своими глазами видел несколько примеров того, как хорошие наши товарищи, заняв высокий пост, теряли все хорошее, что в них было. Неспроста же недавно возникла необходимость в очистке наших партийных рядов[217].

Когда я сидел в тюрьме (в том числе и в Харькове), Сталин не забывал о моих сестрах, интересовался, как они живут, не нужно ли им чем-то помочь. Будучи в ссылке, немногие заботились о тех, кто остался на воле. Моя сестра Джаваир однажды сказала мне: «Был бы у тебя брат, он бы так не заботился о тебе, как Иосиф». Кто я? Всего-то один из бойцов революции, а Сталин – вождь революции. Но за все время нашего знакомства я не видел с его стороны ни одного проявления высокомерия или чего-то подобного. У товарища Сталина нет собственного поезда. Если ему надо куда-то ехать, то он садится в обычный поезд[218]. Скромность Сталина проявляется во всем, начиная с нелюбви к хвастовству и заканчивая тем, что в быту он обходится только самым необходимым. Роскошь позволяет себе только одну – книги. Причем, какую из его книг ни возьмешь в руки, все они читанные не раз, с карандашными пометками на полях. А некоторые товарищи только держат на виду «Капитал» с «Анти-Дюрингом»[219], желая

[217] Речь идет о т. н. «Партийной чистке 1921 года», начавшейся после того, как 27 июля 1921 года ЦК РКП (б) опубликовал в газете «Правда» обращение «Ко всем партийным организациям. Об очистке партии», призывающее очистить партийные ряды от кулацко-собственнических и мещанских элементов, представителей буржуазной интеллигенции, выходцев из других партий и прочего «вредного элемента».

[218] Намек на поезд Льва Троцкого. См. примечание на стр. 33.

[219] «Анти-Дюринг» («Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом») – труд немецкого философа и одного из основоположников марксизма Фридриха Энгельса. В СССР «Анти-Дюринг» считался одним из основополагающих произведений диалектического материализма.

показать всем свою мнимую ученость. А на книгах лежит слой пыли толщиной в палец. Видно, что их никогда не читают.

Расскажу еще об одном случае. После гибели Алеши Джапаридзе, Степана Шаумяна и других товарищей из Бакинской коммуны Сталин немедленно позаботился об их семьях. Давайте вспомним, когда это было – осень 1918 года, невероятно трудное время, Советская республика окружена врагами, недавно совершено покушение на Ленина. Но в это трудное время Сталин из Москвы организует помощь семьям погибших комиссаров. Кто бы мог упрекнуть его, если бы он не подумал об этом или же понадеялся на то, что это кавказские товарищи сделают сами? Никто! Разумеется, товарищи и сами бы сделали, тут дело не в этом, а в том, что Сталин нашел время, чтобы этим заняться. Иначе и быть не могло, ведь речь шла о семьях его товарищей.

Если в отношении кого-то из товарищей допускается несправедливость, то он смело может рассчитывать на помощь Сталина. Сталин – враг любой несправедливости. Ну а если несправедливо поступают с кем-то из тех, кого Сталин знает лично, то он горы перевернет, чтобы справедливость была восстановлена. Когда враги, проникшие в партийные ряды, оклеветали честного революционера и железного чекиста Геворка Атарбекова[220], обвинив его в злоупотреблении властью и самоуправстве, именно Сталин помог ему оправдаться. Враги, оклеветавшие Атарбекова, действовали очень слаженно, у них даже в Специальной комиссии ЦК, рассматривавшей это дело, оказался свой человек, который сумел повернуть дело в нужную врагам сторону. Выглядело так, будто начальник астраханского Особого отдела товарищ Атарбеков вместе со своими сотрудниками творил в Астрахани произвол, под видом работы сводил личные счеты и даже присваивал ценности, найденные при обысках у буржуев. Я хорошо знаю Атарбекова и могу поручиться за него. Он – честный революционер и не позволит себе обкрадывать партию и пролетарское государство. Сталин тоже хорошо знает Атарбекова. Он попросил товарищей из комиссии тщательно проверить факты, заново допросить тех, кто давал показания против Атарбекова. При проверке выяснилось, что факты искусно подтасованы, а «обвинители» путались в показаниях и отказывались от них. Товарищ Атарбеков и его сотрудники были оправданы, а ведь их чуть было не расстреляли. Провокаторы действовали столь искусно, что ни у кого из членов комиссии не возникало сомнений в виновности оклеветанных товарищей. Только Сталин своим авторитетом сумел заставить комиссию пересмотреть отношение к этому делу. Он сказал, что ручается за Атарбекова как за самого себя. Против этого провокаторы оказались бессильны. В результате расстреляли не честных чекистов, преданных делу революции, а тех, кто организовал эту подлую провокацию. Сразу после победы революции у многих товарищей сложилось впечатление, будто враг побежден окончательно и навсегда. На самом же деле много врагов затаилось, кое-кто проник в партию и даже в ЧК. Поэтому сейчас особенно важно понимать, кому ты можешь доверять, а кому не можешь, на кого можно положиться, а на кого – нельзя. Я рассказал про случай с Атарбековым, но мне известны и другие случаи, когда от оклеветанных товарищей отворачивались те, кого они считали своими друзьями, боевыми товарищами.

Некоторые товарищи ставят Сталину в вину то, что последние годы перед революцией он провел в ссылке, и на этом основании пытаются обвинить его в бездействии. Почему не бежал? Надо было бежать и приступать к работе. Такие демагогические доводы могут подействовать только на тех, кто не знает истинного положения дел. Те, кто пытается бросить тень на Сталина, знают, как и что было, но хотят ввести в заблуждение несведущих. К сожалению, должен признать, что такое позорное буржуазное явление, как интриганство, отмечается и у некоторых руководящих товарищей. Они выдержали испытание лишениями, но не смогли выдержать

[220] Георгий (Геворк) Александрович Атарбеков (Атарбекян) (1892–1925) – армянский революционер, большевик, один из первых руководителей органов государственной безопасности.

испытание властью. Я напишу сейчас то, что все мои товарищи и без меня прекрасно знают, но я пишу это не для них, а для тех, кто не знает, и для будущих поколений коммунистов. Знайте, товарищи, что все время, проведенное Сталиным в ссылках и тюрьмах, было продолжением его работы. Я уже писал об этом, повторю еще раз. Даже тогда, когда его сослали к черту на кулички, за Полярный круг, эта работа не прекращалась. «Почтальоном» у Сталина, вся переписка которого читалась полицией, был Спандарян. К нему приходили письма и посылки для Сталина, которые потом доставляли по назначению наши ссыльные товарищи. Он же отправлял письма, написанные Сталиным. Связь Сталина с партией не прекращалась ни на день. Иначе как бы смог он по приезде в Петроград в марте 1917 года сразу же включиться в работу, да еще и столь значительную? Мне, например, потребовалось некоторое время и помощь товарищей для того, чтобы разобраться в тогдашней обстановке. При том что мое дело было гораздо, несравнимо меньше того, что делал Сталин. Я всего лишь организовал боевой отряд, руководил им и выполнял кое-какие поручения[221].

Однажды мы со Сталиным заговорили о его ссылке в Туруханском крае.

– По сравнению с тем, что пришлось пережить тебе, Камо, моя ссылка была пустяком, – сказал Сталин. – Одно было плохо, с большим трудом доставалась литература. Приходилось долго ждать, пока товарищи присылали то, что я просил.

От Свердлова, который был в ссылке вместе со Сталиным, я знал, что «пустяком» их ссылку назвать нельзя. Мало того, что Туруханский край считается одним из самых суровых в России, им вдобавок местные власти всячески усложняли жизнь. Но Сталин никогда ни слова об этом не сказал. Его волновало только то, что под рукой не было нужных для работы книг.

Я закончу тем же, с чего и начал. Я решил написать о моем товарище Иосифе Джугашвили-Сталине для того, чтобы мой рассказ помог людям узнать этого человека, бесстрашного революционера и талантливого организатора. Если выдающийся человек сам не любит рассказывать о себе, то это должны сделать за него другие, чтобы была историческая справедливость. Я рад тому, что мне пришла в голову такая хорошая мысль, и еще больше рад тому, что смог осуществить задуманное. Писателем я никогда не был и скажу честно, что мне легче мешки таскать, чем строчки писать. О себе я начал писать, да бросил, а вот о Сталине написал все, что хотел. Может, и не очень складно у меня получилось, но я очень старался. О себе я тоже порядком написал, но сделал это лишь для того, чтобы показать, как мой товарищ повлиял на мою жизнь, сколько хорошего он для меня сделал. Я же не просто хотел рассказать о Сталине, я хотел, чтобы те, кто будет читать мой рассказ, посмотрели на Сталина моими глазами. Чтобы они почувствовали радость от того, что им встретился наставник, который открыл им глаза и вывел на правильную дорогу. Чтобы они почувствовали, как важно томящемуся в неволе узнику знать о том, что товарищи помнят о нем и стараются освободить его. Написанное мною это не просто рассказ о Сталине. Это рассказ боевого товарища, друга и земляка.

Я счастлив от того, что у меня есть такой друг, как Сталин, и я хочу, чтобы все узнали его так же хорошо, как знаю я.

---

[221] Камо, по своему обыкновению, преуменьшает собственные заслуги, скромно умалчивает о том, что благодаря его отряду обеспечивалась безопасность вождей революции, и о том, что весной и летом 1917 года он усиленно готовился к предстоящей работе на Кавказе. В том, что советская власть в 1921 году установилась на всем Кавказе и в Закавказье, огромный вклад Камо. Он был связным между В.И. Лениным и Кавказским краевым комитетом партии, организовывал во вражеском тылу партизанские отряды и снабжал их оружием, вел разведывательную работу. *(Примечание И. Г. Капанадзе.)*

Послесловие

Закончив свой труд, я дал прочесть то, что написал, Михо Цхакая. Мне было важно узнать мнение человека, которого Сталин называет своим учителем. Лучшего критика, чем Михо, я бы не смог найти при всем желании.

– Если поймешь, что плохо написано, то брось в печку, – сказал я Михо без какого-либо кокетства.

Если бы то, что я написал, не понравилось Михо, то дело можно было считать законченным. Я очень старался, когда писал, лучше у меня не получится. Не всем же достался такой талант, как Горькому. Он, конечно, написал бы совсем не так, как я. Мысленно я вижу яркие картины прошлого, а когда описываю их, слова выходят простыми. Читаю и понимаю, что надо писать лучше, а не могу. По-товарищески завидую Сталину, который умеет выражать свои мысли и в речах, и в статьях так, что ни прибавить, ни отнять ничего нельзя. Горькому тоже завидую, он умеет писать красиво, ярко.

– Я знал, что ты плохо не напишешь, – сказал Михо, когда прочел рукопись.

Я ждал замечаний, но их не оказалось. Ни одного.

– Жаль, что Шаумян погиб, – сказал Михо. – Вместе с ним вы написали бы еще лучше.

Михо словно прочел мои мысли. Пока я писал, я не раз думал о том же самом. Степан мог бы многим дополнить мой скромный труд.

Похвала Михо меня очень обрадовала. Он пообещал написать предисловие к моим воспоминаниям, и я уверен, что он выполнит свое обещание, как бы он ни был занят. Цхакая слов на ветер не бросает.

Я рад тому, что мой труд получил одобрение товарища Цхакая. Я хочу от своего имени посоветовать всем моим товарищам-революционерам сесть и написать о том, чему они были свидетелями. Можно объединить усилия, писать вдвоем, втроем. Так будет создана летопись Революции, которую потомки станут читать с огромным интересом. Не ленитесь, товарищи! Не откладывайте этого нужного и важного дела. Не бойтесь, что у вас ничего не получится. Получится, это говорю вам я, Камо. Главное, будьте правдивы, ничего не приукрашивайте и не искажайте. Пишите правду!

Еще хочу сказать, что я буду благодарен всем моим соратникам-революционерам, которые после прочтения моих воспоминаний о товарище Сталине напишут мне письмо с оценкой моего труда или с какими-то дополнениями. Память у меня хорошая, товарищи, но тем не менее я мог о чем-то забыть.

Будущим поколениям я хочу сказать вот что. В первую очередь эта книга предназначается вам, тем, кто не жил при самодержавии и не видел Революцию собственными глазами. Знайте, потомки, что все мы, большевики-революционеры, были самыми обычными людьми, а не какими-то спустившимися с небес героями. От остальных нас отличало только одно. Каждый из нас в определенный момент своей жизни сделал выбор – решил бороться не за свои личные интересы, а за счастье всех угнетаемых. Мы самые обычные люди, только мы живем не для себя, а для других. В этом наше отличие и в этом наша сила.

Приложение

Основные даты жизни и деятельности Иосифа Виссарионовича Сталина в дореволюционный период и в 1917 году

9 (21) декабря 1879 года – официальная дата рождения Иосифа Джугашвили в городе Гори Тифлисской губернии в семье православных крестьян Виссариона Ивановича и Екатерины Георгиевны Джугашвили. Существует и другая дата рождения, указанная в метрической книге горийской Успенской церкви – 6 декабря (по старому стилю) 1878 года.

Сентябрь 1888 – июнь 1894 года – учеба в Горийском духовном училище (четырехклассном).

Сентябрь 1894 – май 1899 года – учеба в Тифлисской духовной семинарии, которую Сталин не окончил. В этот период он сблизился с марксистами и принимал участие в работе марксистских кружков г. Тифлиса.

Декабрь 1899 – март 1901 года – работа наблюдателем в Тифлисской физической обсерватории.

23 апреля (по старому стилю) 1900 года вместе с Вано Стуруа и Закро Чодришвили организует первую в Тифлисе рабочую маевку на Соленом озере, на которую собралось около 500 участников.

22 апреля (по старому стилю) 1901 года – организация и руководство первомайской демонстрацией в Тифлисе.

Сентябрь 1901 года – избирается членом Тифлисского комитета РСДРП.

Декабрь 1901 года – направляется на работу в Батуми.

Апрель 1902 – ноябрь 1903 года – арест, заключение в Батумской и Кутаисской тюрьмах.

Ноябрь 1903 – январь 1904 года – ссылка в село Новая Уда Балаганинского уезда Иркутской губернии, из которой был совершен побег, повлекший за собой переход на нелегальное положение.

1904 год – участие в работе Кавказского союзного комитета РСДРП, руководство всеобщей стачкой в Баку.

1905 год – руководство конференцией Кавказского союза РСДРП, участие в качестве делегата от Кавказского союза РСДРП в Первой Всероссийской конференции большевиков в городе Таммерфорсе (Тампере), руководство подготовкой вооруженного восстания на Кавказе и в Закавказье.

1906 год – участие в работе Четвертого съезда РСДРП в Стокгольме.

1907 год – участие в работе Пятого съезда РСДРП в Лондоне. Избрание членом Бакинского комитета РСДРП. Арест, заключение в Баиловской тюрьме в Баку. Высылка на два года в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции.

1909 год – ссылка в город Сольвычегодск Архангелогородской губернии, побег и возвращение в Баку.

1910 год – назначение уполномоченным ЦК РСДРП по Кавказу; арест, повторная высылка в Сольвычегодск.

1911 год – окончание ссылки, нелегальная поездка в Санкт-Петербург с паспортом на имя Петра Чижикова, арест в Петербурге, повторная высылка в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции.

1912 год – заочное избрание членом ЦК РСДРП на Шестой общепартийной конференции в Праге и членом Русского бюро ЦК РСДРП. Побег из ссылки. Арест, ссылка под гласный надзор полиции в город Нарым Томской губернии, побег. Принятие партийного псевдонима «Сталин».

1913 год – написание работы «Национальный вопрос и демократия». Редактирование газеты «Правда» совместно с Я.М. Свердловым. Арест, ссылка в Туруханский край Енисейской губернии под гласный надзор полиции.

1914–1917 годы – пребывание в ссылке, вначале в селе Курейка, затем в городе Ачинске.

1917 год – освобождение в результате Февральской революции и приезд в Петроград. Работа в редакции газеты «Правда», избрание членом Исполкома Петроградского Совета, членом ЦК РСДРП (б), членом Политбюро, членом Центрального исполнительного комитета. Руководство (совместно с Я.М. Свердловым) Второй конференцией Петроградской организации большевиков, выступление на ней с отчетным докладом ЦК РСДРП (б). Участие в руководстве Шестым съездом РСДРП (б), выступление на нем с отчетным докладом. Избрание членом ВЦИКа на Втором съезде Советов и назначение народным комиссаром по делам национальностей. Избрание в состав Бюро ЦК РСДРП (б) совместно с В.И. Ульяновым-Лениным, Л.Д. Троцким и Я.М. Свердловым.

Основные даты жизни и деятельности Симона Аршаковича Тер-Петросяна (Камо)

15 (27) мая 1882 года – родился в городе Гори в семье состоятельного подрядчика Аршака Тер-Петросяна и его жены Маро Андраниковны (Андреевны).

1889 год – поступление в Горийское городское армянское училище.

1898 год – исключение из училища за плохое поведение.

1901 год – после смерти матери переезжает в Тифлис к тетке (сестре матери) Елене Андреевне Бахчиевой, сближается со Сталиным, знакомится с марксизмом, вступает в РСДРП.

1903 год – вхождение в состав союзного Кавказского комитета РСДРП, организация нелегальных типографий в Тифлисе и другая подпольная работа.

Ноябрь 1903 года – первый арест, заключение в Батумскую тюрьму.

Сентябрь 1904 года – побег из тюрьмы и переход на нелегальное положение.

1905 год – подготовка и участие в вооруженном восстании в Тифлисе.

Декабрь 1905 года – ранение в бою, арест, заключение в тифлисскую Метехскую тюрьму.

Февраль 1906 года – побег из тюрьмы.

Март 1906 года – первая встреча с В.И. Ульяновым-Лениным в финском поселке Куоккала.

Июль – декабрь 1906 года – по заданию боевой группы при ЦК РСДРП работа за границей по закупке и транспортировке оружия для боевых отрядов РСДРП.

13 (26) июня 1907 года – участие в ограблении филиала Государственного банка в Тифлисе, организованном И.В. Сталиным.

Август 1907 года – отъезд за границу для закупки оружия и выполнения иных конспиративных поручений.

Ноябрь 1907 года – арест в Берлине и заключение в Моабитскую тюрьму, где в результате искусной симуляции был признан душевнобольным.

Сентябрь – октябрь 1909 года – передача германскими властями России, доставка в Тифлис, заключение в Метехскую тюрьму.

Август 1911 года – побег из тифлисской Михайловской психиатрической больницы и отъезд за границу в Париж к В.И. Ульянову-Ленину.

1912 год – партийная работа за границей и в России.

Январь 1913 года – арест в Тифлисе, заключение в Метехскую тюрьму.

Март 1913 года – Военным судом приговорен к смертной казни через повешение, которая вследствие амнистии по случаю трехсотлетия дома Романовых заменена двадцатилетней каторгой.

1913–1917 годы – заключение в Метехской и Харьковской тюрьмах.

Март 1917 года – освобождение в результате Февральской революции.

Апрель – декабрь 1917 года – партийная работа в Петрограде и Тифлисе.

1918–1919 годы – партийная работа на Кавказе.

Январь 1920 года – арест в Тифлисе грузинским меньшевистским правительством, заключение в Метехскую тюрьму.

Апрель 1920 года – высылка в Азербайджан, где принимает активное участие в подготовке вооруженного восстания, закончившегося провозглашением советской власти в Баку и всем Азербайджане.

1920–1921 годы – учеба в академии Генштаба, работа в системе Внешторга.

1922 год – назначение начальником Закавказского таможенного округа.

14 июля 1922 года – скончался в Тифлисе после того, как попал под автомобиль и получил тяжелую черепно-мозговую травму.

Анкета, заполненная Камо в Тифлисском городском комитете ВКП (б) в день его гибели 14 июля 1922 года

1. Название организации, выдавшей билет – *Московск. орг. Кр. – Пр. район, к-т.*[222]

2. Фамилия – *Петросов (Камо),* имя – *Семен*, отчество – *Иванович*.

3. Год рождения – *1882 г.*; родной язык – *армянский.*

4. Социальное положение – *революционер.*

5. Образование – *3-классное училище*.

6. Какие специальности знает – *революционер.*

7. Военная подготовка – *не имею*.

8. На каких языках говорит – *грузинский, русский, армянский.*

9. Какие местности Кавказа и России знает хорошо – *Петроград, Москву и весь Кавказ.*

10. Был ли за границей и где – *в 19 государствах Европы*.

11. Семейное положение, число членов семьи на иждивении – *холост*.

12. Время вступления в партию – *в 1901 г.*

13. Какой организацией принят – *Тифлис, орг. РСДРП.*

14. Подвергался ли репрессиям за партийную работу, когда, каким – *арестован шесть раз*[223]*, бежал три раза, приговорен четыре раза к смертной казни с заменой 20 годами каторжных работ.*

15. Состоял ли в других партиях, каких, когда – *нет*.

16. В каких профсоюзах состоял до выдачи билета…

17. Краткие сведения о революционной деятельности в Красной Армии, профсоюзах, на партработе:

1) За транспорт нелегальной литературы в Батуме 1903 и 1904 гг. в тюрьме 10 мес. (бежал);

2) 1905 г., за участие в вооруженном восстании 5 раз ранен и арестован 2 $^{1}/_{2}$ мес. (бежал);

3) 1907, 1908 и 1909 гг. за организацию транспорта оружия и взрывчатых веществ. В Германии арестован, в Берлинской тюрьме и в сумасшедшем доме 2 года, причем был выдан России как больной. В России в Тифлисе опять в тюрьме и сумасшедшем доме 1909–1911 гг. (бежал);

4) В 1912 г. задержан в Софии (Болгария), был освобожден;

5) В Турции – Константинополе за провоз динамита, был освобожден;

6) В Тифлисе в 1913 г. был приговорен 4 раза к смертной казни, которая заменена манифестом 20-летней каторгой. Амнистирован 1917 г. 6/III;

7) В Грузии 1920 г. 15 января сидел 2 $^{1}/_{2}$ мес., был освобожден.

[222] Московской организации Краснопресненский районный комитет.

[223] Здесь ошибка, дальше Камо указывает семь арестов (п. 17).

Максим Горький, «Камо»[224]

В ноябре – декабре 1905 года, на квартире моей, в доме на углу Моховой и Воздвиженки, где ещё недавно помещался ВЦИК, жила боевая дружина грузин, двенадцать человек. Организованная Л. Б. Красиным и подчинённая группе товарищей-большевиков, Комитету, который пытался руководить революционной работой рабочих Москвы, – дружина эта несла службу связи между районами и охраняла мою квартиру в часы собраний. Несколько раз ей приходилось выступать активно против «чёрных сотен», и однажды, накануне похорон Н. Э. Баумана, когда тысячная толпа черносотенцев намеревалась разгромить Техническое училище, где стоял гроб Николая Эрнестовича, убитого мерзавцем Михальчуком (Михальчук – дворник одного из домов Немецкой, ныне Бауманской улицы. За убийство Баумана был оправдан. В 1906 году судился за кражу домашних вещей и был обвинён), хорошо вооружённая маленькая дружина грузинской молодёжи рассеяла эту толпу.

К ночи, утомлённые трудом и опасностями дня, дружинники собирались домой и, лёжа на полу комнаты, рассказывали друг другу о пережитом за истекший день. Все это были юноши в возрасте восемнадцати – двадцати двух лет, а командовал ими товарищ Арабидзе (артист грузинской драмы т. Васо Арабидзе), человек лет под тридцать, энергичный, строго требовательный и героически настроенный революционер. Если не ошибаюсь, это он застрелил в 1908 году генерала Азанчеева-Азанчевского, начальника одного из карательных отрядов в Грузии.

Арабидзе был первый человек, от кого я услышал имя Камо и рассказы о деятельности этого исключительно смелого работника в области революционной техники.

Рассказы были настолько удивительны и легендарны, что даже в те героические дни с трудом верилось, чтоб человек был способен совмещать в себе так много почти сказочной смелости с неизменной удачей в работе и необыкновенную находчивость с детской простотой души. Мне тогда подумалось, что, если написать о Камо всё, что я слышал, никто не поверит в реальное существование такого человека, и читатель примет образ Камо как выдумку беллетриста. И почти всё, что рассказывал Арабидзе, я объяснял себе революционным романтизмом рассказчика.

Но, как нередко случается, оказалось, что действительность превышает «выдумку» своей сложностью и яркостью.

Вскоре рассказы о Камо подтвердил мне Н. Н. Флеров, – человек, которого я знал еще в 92 году в Тифлисе, где он работал корректором в газете «Кавказ». Тогда он был «народником», только что вернулся из сибирской ссылки, очень устал там, но познакомился с Марксом и весьма красноречиво убеждал меня и товарища моего Афанасьева в том, что – «На нас работает история».

Как многим уставшим, эволюция нравилась ему больше революции.

Но в 1905 году он явился в Москву другим человеком.

– У нас, батенька, начинается социальная революция, понимаете? Начинается и будет, потому что началась снизу, из почвы, – говорил он, сухо покашливая, осторожным голосом человека, лёгкие которого сжигает туберкулёз. Мне было приятно видеть, что он утратил близорукость узкого рационалиста, радостно слышать горячие слова.

– Какие удивительные революционеры выходят из рабочей среды! Вот послушайте!

Он начал рассказывать об одном удивительном человеке, а я, послушав, спросил:

– Его зовут Камо?

– Вы знаете? Ага, только по рассказам…

[224] Впервые напечатано в журнале «30 дней», № 8 за 1932 год.

Он крепко потёр свой высокий лоб и седые редкие кудри на лысоватом черепе, подумал и сказал, напомнив мне скептика и рационалиста, каким был он за тринадцать лет до этой встречи:

– Когда о человеке говорят много – значит, это редкий человек и, может быть, та «одна ласточка», которая «не делает весны».

Но, отдав этой оговоркой дань прошлому, он подтвердил мне рассказы Арабидзе и, в свою очередь, рассказал:

В Баку, на вокзале, куда Флеров пришёл встречать знакомую, его сильно толкнул рабочий и сказал вполголоса:

– Пожалуйста, ругай меня!

Флеров понял, что надобно ругать, и пока он ругал, – рабочий, виновато сняв шапку, бормотал ему:

– Ты – Флеров, я тебя знаю. За мной следят. Приедет человек с повязанной щекой, в клетчатом пальто, скажи ему: «Квартира провалилась, – засада». Возьми его к себе. Понял?

Затем рабочий, надев шапку, сам дерзко крикнул:

– Довольно кричать! Что ты? Я тебе ребро сломал?

Флеров засмеялся:

– Ловко сыграл?

После я долго соображал: почему он не возбудил у меня никаких подозрений, и я так легко подчинился ему? Вероятно, меня поразило приказывающее выражение его лица; провокатор, шпион попросил бы, не догадался приказать. Потом я встречал его ещё раза два-три, а однажды он ночевал у меня, и мы долго беседовали. Теоретически он человек не очень вооружённый, знает это и очень стыдится, но читать, заняться самообразованием у него нет времени. Да это как будто и не очень нужно ему, он революционер по всем эмоциям, революционер непоколебимый, навсегда, революционная работа для него физически необходима, как воздух и хлеб.

Года через два, на острове Капри, снова поставил передо мной фигуру Камо Леонид Красин. Мы вспоминали товарищей, и он, усмехаясь, спросил:

– А помните, в Москве вас удивило, что я на улице подмигнул щеголеватому офицеру-кавказцу? Вы, удивясь, спросили – кто это? Я назвал вам: князь Дадешкелиани, знакомый по Тифлису. Помните? Мне показалось, вы не поверили в моё знакомство с таким петухом и как будто даже заподозрили меня в озорстве. А это был Камо. Он отлично играл роль князя! Теперь он арестован в Берлине и сидит в таких условиях, что, наверное, его песня спета. Сошёл с ума. Между нами – не совсем сошёл, но это его едва ли спасёт. Русское посольство требует его выдачи как уголовного. Если жандармам известна хотя бы половина всего, что он сделал, – повесят Камо.

Когда я рассказал всё, что слышал о Камо, и спросил Красина – сколько тут правды, он, подумав, ответил:

– Возможно, что всё правда. Я тоже слышал все эти рассказы о его необыкновенной находчивости и дерзости. Конечно, рабочие, желая иметь своего героя, может быть, несколько прикрашивают подвиги Камо, создают революционную легенду, понимая её классово-воспитательное значение. Но всё-таки он парень на редкость своеобразный. Иногда кажется, что он избалован удачами и немножко озорничает, балаганит. Но это у него как будто не от легкомыслия молодости, не из хвастовства и не от романтизма, а из какого-то другого источника. Озорничает он очень серьёзно, но в то же время как бы сквозь сон, не считаясь с действительностью. Был такой случай: незадолго до ареста, в Берлине, он шёл по улице с товарищем, русской девицей, она указала ему в окне бюргерского домика на подоконнике котёнка и говорит: «Смотрите, какой хороший!» Камо подпрыгнул, схватил котёнка и подал спутнице: «Возьми, пожалуйста!»

Девица должна была доказывать немцам, что котёнок сам спрыгнул с окна. Это не единственный анекдот такого рода, и я объясняю их тем, что у Камо совершенно отсутствовал инстинкт собственности. «Возьми, пожалуйста», – это он говорит часто и тогда, когда дело касалось его собственной рубахи, его сапог, вообще вещей, лично необходимых ему.

– Добрый человек? Нет. Но отличный товарищ. Моё, твоё – он не различал. «Наша группа», «наша партия», «наше дело»…

– Другой раз, тоже в Берлине, на очень оживлённой улице, какой-то лавочник вышвырнул из двери мальчишку. Камо рванулся в лавку, испуганный спутник едва удержал его, а он вырывается и кричит: «Пусти, пожалуйста, ему надо морду бить!» Возможно, что это он репетировал свою роль безумного, но это мне теперь кажется. А в то время пускать его на улицу без провожатого было невозможно: он, казалось, только за тем и выходил, чтоб впутаться в какой-нибудь скандал.

– Верно, он сам рассказал мне, что во время одной экспроприации, где он должен был бросать бомбу, ему показалось, что за ним наблюдают двое сыщиков. До момента действия оставалась какая-то минута. Он подошёл к сыщикам и сказал:

– Убирайтесь прочь, стрелять буду!

– Ну, что ж, ушли они? – спросил я.

– Конечно, убежали.

– А почему ты сказал им это?

– Что такое почему? Надо было сказать – сказал.

– А всё-таки почему? Жалко стало?

Он рассердился, покраснел:

– Ничего не жалко! Может быть, просто бедные люди. Какое им дело? Зачем тут гуляют? Я не один бросал бомбы; ранить, убить могли.

Его поведение в этом случае дополняется и, может быть, объясняется другим: где-то в Дидубе он выследил шпиона, схватил его, прижал к стене и начал убеждать: «Ты – бедный человек? Зачем служишь против бедных людей? Тебе товарищи богатые, да? Почему ты подлец? Хочешь – убью?»

Человек не пожелал, чтоб его убили, он оказался русским рабочим из батумской группы, приехал за литературой, но потерял адрес квартиры товарища, в которой раньше останавливался, и искал её по памяти. Видите, какой оригинальный парень Камо?

Самый изумительный из его подвигов – гениальная симуляция, которая ввела в заблуждение премудрых берлинских психиатров. Но искусная симуляция не помогла Камо, правительство Вильгельма II всё-таки выдало его жандармам царя, и, закованный в кандалы, отвезённый в Тифлис, он был помещён в психиатрическое отделение Михайловской больницы. Если я не ошибаюсь, он симулировал безумие в течение трёх лет. Его бегство из больницы в Тифлисе – тоже фантастический фокус.

Лично с Камо я познакомился в 20-м году, в Москве, в квартире Фортунатовой, бывшей моей квартире на углу Воздвиженки и Моховой.

Крепкий, сильный человек, с типичным лицом кавказца, с хорошим, очень внимательным и строгим взглядом мягких, тёмных глаз, он был одет в форму бойца Красной Армии.

По его осторожным и неуверенным движениям чувствовалось, что непривычная обстановка несколько смущает Камо. Сразу стало понятно, что расспросы о революционной работе надоели ему и что его целиком поглощает другое. Он готовился поступить в военную академию.

– Трудно понимать науку, – огорчённо говорил он, шлёпая, поглаживая ладонью какой-то учебник, точно лаская сердитую собаку. – Рисунков мало. Надо делать в книгах больше картинок, чтобы сразу видно было, что такое дислокация. Вы знаете, что это такое?

Я не знал, а Камо смущённо улыбнулся, сказав:

– Вот видите…

Улыбка была беспомощная и какая-то детская. Эта беспомощность была хорошо знакома мне: я в юности тоже часто испытывал её, постигая словесную мудрость книг. Понятно было мне и то, как, должно быть, трудно одолевать сопротивление книги смелому практику, для которого служба революции прежде всего – дело, творчество новых фактов.

Это при первой же встрече с Камо вызвало у меня горячую симпатию к нему, а чем дальше, тем более он поражал меня глубиной и точностью его революционного чувства.

Совершенно невозможно было соединить всё, что я знал о легендарной дерзости Камо, о его сверхчеловеческой воле, изумительном самообладании, с человеком, который сидел передо мной за столом, нагруженным учебниками.

Невероятно, что, пережив такое длительное напряжение сил, он остался таким простым, милым товарищем и сохранил душевную молодость, свежесть, силу.

Он ещё не изжил в себе юношу и юношески романтично был влюблён в хорошую женщину, хотя и не блиставшую красотой, да, кажется, и старше его.

О своём романе он говорил с тем лиризмом страсти, который доступен только здоровым, сильным и целомудренным юношам:

– Она замечательная! Доктор, понимаешь, и всё знает, все науки. Она приходит с работы и говорит мне: «Что такое? Не можешь понять? Так это очень просто». И верно! Очень просто! Ах, какой человек!

И, рассказывая о романе своём словами иногда смешными, он делал неожиданные паузы, трепал руками густые, курчавые волосы на голове и смотрел на меня, молча спрашивая о чем-то.

– Ну, и что же? – поощрял я его.

– Вот видишь как… – неопределённо сказал он, и нужно было долго допрашивать его, чтоб услышать наивнейший вопрос: – А может быть, не надо жениться?

– Почему?

– Знаешь – революция, учиться надо, работать надо, враги кругом, – драться надо!

И по нахмуренным бровям, по суровому блеску глаз ясно было, что его сильно мучает вопрос: а не будет ли женитьба изменой делу революции? Было странно, немножко комично и как-то особенно трогательно, что юношеская сила и свежесть его чувства мужчины не совпадает с его могучей энергией революционера.

С такой страстью, как о своей любви к женщине, он говорил о необходимости поехать за границу, работать там.

– Просил Ильича: «Отпусти, я буду за границей полезный человек!» – «Нет, сказал, учись!» Ну, что ж. Он знает. Такой человек! Смеётся, как ребёнок. Ты слышал, как смеётся Ильич?

Улыбнулся ясно и снова потемнел, жалуясь на трудности постижения военной науки.

Когда я расспрашивал его о прошлом, он неохотно подтверждал все необыкновенные рассказы о нём, но хмурился и мало добавлял нового, незнакомого мне.

– Глупостей тоже много делал, – сказал он однажды. – Напоил одного полицейского вином, смолой башку ему намазал, бороду намазал. Знакомый был. Спрашивает меня: «Ты вчера чего в корзине носил?» – «Яйца». – «А какие бумаги под ними?» – «Никаких бумаг!» – «Врёшь, говорит, я видел бумаги!» – «А что ж не обыскал?» – «Я, говорит, из бани шёл». Вот глупый! Рассердился я – зачем заставляет меня врать? Повёл его в духан, напился он там пьяный, намазал ему. Молодой я был, озорничал ещё, – закончил он и сморщил лицо, точно отведав кислого.

Я стал уговаривать его писать воспоминания, убеждал, что они были бы крайне полезны для молодёжи, незнакомой с технической работой. Он долго не соглашался, отрицательно встряхивал курчавой головой.

– Не могу. Не умею. Какой я писатель – некультурный человек?

Но согласился, когда признал, что воспоминания его – тоже служба революции, и, вероятно, как всегда в жизни своей, приняв решение, он тотчас же взялся за дело.

Писал он не очень грамотно, суховато и явно стараясь говорить больше о товарищах, меньше о себе. Когда я указал ему на это, он рассердился:

– Что, мне молиться на себя нужно? Я не поп.

– Разве попы на себя молятся?

– Ну, кто ещё? Барышни молятся?

Но после этого стал писать более ярко и менее сдержанно о себе.

Был он своеобразно красив, особенной, не сразу заметной красотой.

Сидит передо мной сильный, ловкий человек в костюме бойца Красной Армии, а я вижу его рабочим, разносчиком куриных яиц, фаэтонщиком, щёголем, князем Дадешкелиани, безумным человеком в кандалах – безумным, который заставил учёных мудрецов поверить в правду его безумия.

Не помню, по какому поводу я упомянул, что у меня на Капри жил некий Триадзе, человек о трёх пальцах на левой руке.

– Знаю его – меньшевик! – сказал Камо и, пожав плечами, презрительно сморщив лицо, продолжал: – Меньшевиков не понимаю. Что такое? На Кавказе живут, там природа такая… горы лезут в небо, реки бегут в море, князья везде сидят, всё богато. Люди бедные. Почему меньшевики такие слабые люди, почему революции не хотят?

Он говорил долго, речь его звучала всё более горячо, но какая-то его мысль не находила слов. Он кончил тем, что, глубоко вздохнув, сказал:

– Много врагов у рабочего народа. Самый опасный тот, который нашим языком неправду умеет говорить.

Само собой разумеется, что больше всего хотелось мне понять, как этот человек, такой «простодушный», нашёл в себе силу и умение убедить психиатров в своём будто бы безумии?

Но ему, видимо, не нравились расспросы об этом. Он пожимал плечами, неохотно, неопределённо:

– Ну, как это сказать? Надо было! Спасал себя, считал полезным революции.

И только когда я сказал, что он в своих воспоминаниях должен будет писать об этом тяжёлом периоде своей жизни, что это надобно хорошо обдумать и, может быть, я оказался бы полезен ему в этом случае, – он задумался, даже закрыл глаза и, крепко сжав пальцы рук в один кулак, медленно заговорил:

– Что скажу? Они меня щупают, по ногам бьют, щекотят, ну, всё такое… Разве можно душу руками нащупать? Один заставил в зеркало смотреть; смотрю: в зеркале не моя рожа, худой кто-то, волосами оброс, глаза дикие, голова лохматая – некрасивый! Страшный даже. Зубы оскалил. Сам подумал: «Может, это я действительно сошёл с ума?» Очень страшная минута! Догадался, плюнул в зеркало. Они оба переглянулись, как жулики, знаешь. Я думаю: это им понравилось – человек сам себя забыл!

Помолчав, он продолжал тише:

– Очень много думал: выдержу или действительно сойду с ума? Вот это было нехорошо. Сам себе не верил, понимаешь? Как над обрывом висел. А за что держусь – не вижу.

И, ещё помолчав, он широко усмехнулся:

– Они, конечно, своё дело знают, науку свою. А кавказцев не знают. Может, для них всякий кавказец – сумасшедший? А тут ещё большевик. Это я тоже подумал тогда. Ну, как же? Давайте продолжать: кто кого скорей с ума сведёт? Ничего не вышло. Они остались при своём, я – тоже при своём. В Тифлисе меня уже не так пытали. Видно, думали, что немцы не могут ошибиться.

Из всего, что он рассказывал мне, это был самый длинный рассказ.

И, кажется, самый неприятный для него. Через несколько минут он неожиданно вернулся к этой теме, толкнул меня тихонько плечом – мы сидели рядом – и сказал вполголоса, но жёстко:

– Есть такое русское слово – «ярость». Знаешь? Я не понимал, что это значит – ярость? А вот тогда, перед докторами, я был в ярости, – так думаю теперь. Ярость – очень хорошее слово! Страшно нравится мне. Разъярился, ярость! Верно, что был такой русский бог – Ярило?

И, услышав – да, был такой бог – олицетворение творческих сил, – он засмеялся.

Для меня Камо – один из тех революционеров, для которых будущее – реальнее настоящего. Это вовсе не значит, что они мечтатели, нет, это значит, что сила их эмоциональной классовой революционности так гармонично и крепко организована, что питает разум, служит почвой для его роста, идёт как бы впереди его.

Вне революционной работы вся действительность, в которой живёт их класс, кажется им чем-то подобным дурному сновидению, кошмару, а реальная действительность, в которой они живут, – это социалистическое будущее.